

АВТОР
«ЛАТУННОГО
ГОРОДА»

ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ

Шеннон А. ЧАКРАБОРТИ

fanzon

Трилогия Дэвабада

Шеннон Чакраборти

Золотая империя

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чакраборти Ш. А.

Золотая империя / Ш. А. Чакраборти — «Эксмо»,
2020 — (Трилогия Дэвабада)

ISBN 978-5-04-111849-5

Дэвабад пал. Город лишился своей магии. У власти тиран, который не может сдержать собственных демонов. Нари и Али скрываются в Каире среди обычных людей, но полны решимости вернуться и спасти своих близких. Они понимают, что для того чтобы изменить мир, им, возможно, придется сражаться с теми, кого они когда-то любили... и встать на защиту тех, кому они когда-то причинили боль. Финал «Трилогии Дэвабада» – возвращение в магический мир джиннов.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111849-5

© Чакраборти Ш. А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Действующие лица	7
Пролог	9
Часть первая	14
1	14
2	22
3	29
4	36
5	45
6	53
7	57
8	67
9	76
10	79
11	87
12	98
13	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Шеннон А. Чакраборти

Золотая империя

S. A. Chakraborty

The empire of Gold

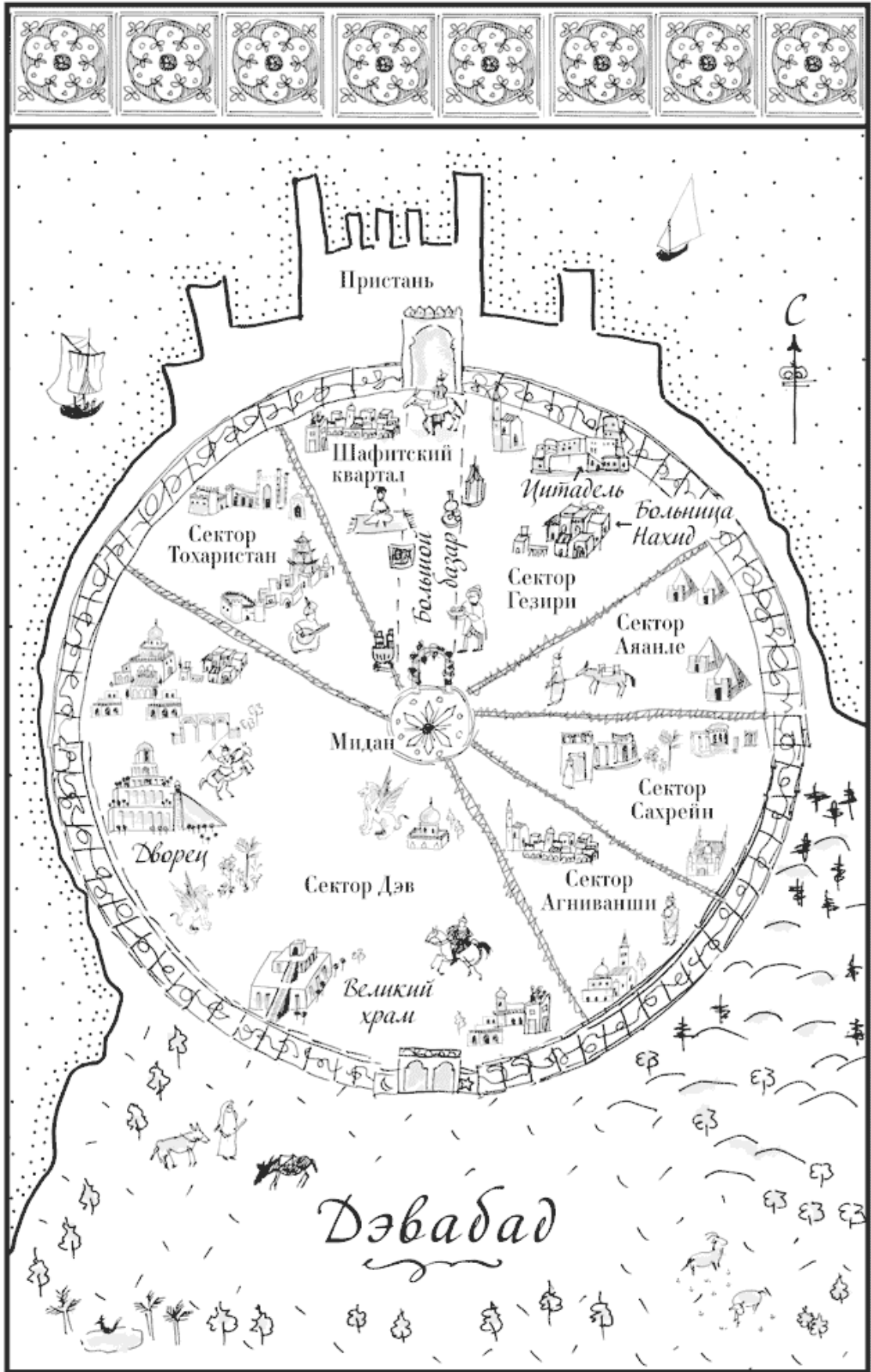
Copyright © 2020 by Shannon Chakraborty

Jacket photograph © Lightspring/Shutterstock (foliage)

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Действующие лица

Королевская семья

Дэвабадом правит династия Кахтани, потомков Зейди аль-Кахтани, гезирского воина, который много веков назад возглавил восстание, в ходе которого Совет Нахид был свергнут, а шафиты – восстановлены в правах.

ГАСАН АЛЬ-КАХТАНИ, правитель волшебного царства, защитник веры.

МУНТАДИР, старший сын Гасана от первой жены-гезирки, будущий преемник короля.

ХАЦЕТ, королева-аяанле и вторая жена Гасана, происходящая из влиятельного семейства в Та-Нтри.

ЗЕЙНАБ, дочь Гасана и Хацет, принцесса Дэвабада.

АлиЗЕЙД, младший сын короля, высланный в Ам-Гезиру за измену.

Свита и Королевская стража

ВАДЖЕД, каид и главнокомандующий армии джиннов.

АБУ НУВАС, гезирский офицер.

АКИСА и ЛЮБАЙД, воины-охотники из ам-гезирской деревни Бир-Набат.

Благословенные Верховные Нахиды

Нахиды, исконные правители Дэвабада и потомки Анахид, были потомственными целителями из племени Дэв с выдающимися магическими способностями.

АНАХИД, избранница Сулеймана, первоосновательница Дэвабада.

РУСТАМ, один из последних Нахид, талантливый травник, павший от руки ифритов.

МАНИЖА, сестра Рустама и одна из сильнейших за много веков целительниц.

ДЖАМШИД, ее сын от Каве и приближенный эмира Мунтадира.

Нари, целительница, чьи родители неизвестны, в младенчестве оставлена на человеческой земле, в Египте.

Их сторонники

Дара ЯВАХАУШ, последний из рода Афшинов, кастровой военной династии дэвов, служившей одесную Совету Нахид, получивший прозвище Бич Кви-Цзы за жестокие действия, учиненные им в ходе войны и последующий бунт против Зейди аль-Кахтани.

КАВЕ Э-ПРАМУХ, старший визирь, дэв.

КАРТИР, верховный жрец дэвов.

НИЗРИН, некогда помощница Рустама и Манижи, а теперь – наставница Нары.

ИРТЕМИДА, НОШРАД, ГУШТАП, МАРДОНИЙ и БАХРАМ, солдаты.

Шафиты

Население смешанной, произошедшей от людей и джиннов расы, вынужденное проживать в Дэвабаде, значительно ограниченное в правах.

ШЕЙХ АНАС, прежний лидер «Танзима» и ментор Али, казненный королем за измену.
СЕСТРА ФАТУМА, лидер «Танзима» и надзирательница за сиротским приютом и благотворительной деятельностью ячейки.

СУБХАШИНИ и ПАРИМАЛ СЕН, врачи-шафиты.

Ифриты

Дэвы, несколько тысячелетий назад отказавшиеся покориться воле Сулеймана, за что и были им прокляты; смертельные враги Нахид.

АЭШМА, главный ифрит.

ВИЗАРЕШ, ифрит, напавший на Нари в Каире.

КАНДИША, ифритка, поработившая и убившая Дару.

ШАКР, брат Визареша, убитый Нари.

Освобожденные рабы Ифритов

После бесчинств, учиненных Дарой, и его смерти от руки принца Ализейда те джинны, которых целители Нахиды много лет назад освободили из рабства и воскресили, оказались подвергнуты порицанию и преследованиям – только трое из них остались в Дэвабаде по сей день.

РАЗУ, авантюристка из Тохаристана.

ЭЛАШИЯ, художница из Карт-Сахара.

ИССА, ученый и историк из Та-Нтри.

Моим родителям, которые сделали все, чтобы подарить своим детям возможность мечтать, и всегда оставались рядом, как бы далеко и надолго меня ни заносила дорога.

Пролог Манижа

Бану Манижа э-Нахид взирала на родной город, стоя у зубчатых стен испокон веков принадлежавшего ей дворца.

Залитый звездным светом, Дэвабад был прекрасен: ломаные линии башен и минаретов, куполов и пирамид, как россыпь драгоценных игрушек, с высоты поражали своим великолепием. Озеро за белой полосой пляжа мерцало рябью, дрожа в черных объятиях гор.

Она положила ладони на каменный парапет, широко расставив пальцы. Манижа была лишена этой красоты, когда находилась в повиновении у Кахтани. С юных лет она вселяла в них беспокойство своей непокорностью. Недюжинные способности Манижи и несомненная благосклонность дворцовой магии к даровитой юной Нахиде подписали девочке приговор еще до того, как она поняла, что стражники, сопровождавшие ее и днем, и ночью, были приставлены к ней отнюдь не для защиты. Один-единственный раз она поднималась сюда, по приглашению Гасана, вскоре после того, как тот стал королем. Манижа ясно помнила, как они любовались городом, за который гибли и убивали друг друга их семьи, а потом Гасан взял ее за руку и мечтательно заговорил о том, как их народы объединятся и они смогут начать все с чистого листа. О том, что он любил ее с самого детства и как же больно было *ему* от собственного бессилия всякий раз, когда его отец мучил и истязал Манижу и ее брата. Она ведь понимает, не может не понимать, что у Гасана не было иного выбора, кроме как хранить молчание.

Перед ее мысленным взором до сих пор стояло полное надежды лицо Гасана, залитое ярким светом луны. Они были молоды; он был хорош собой. Обаятелен. «Какая пара», – сказали бы люди. Кто же откажется стать королевой и возлюбленной могущественного короля джиннов? И действительно, она переплела свои пальцы с его и улыбнулась – в те дни она еще не разучилась этого делать. Ее взгляд задержался на свежей печати Сулеймана на лице Гасана.

А затем она перекрыла ему дыхание.

Но хватило ее ненадолго. Гасан оказался проворнее, чем ожидала Манижа, и по мере того, как иссякали ее силы, ослабевало и давление на его горло. Гасан был в ярости, его лицо побагровело от такого вероломства, как и от нехватки воздуха, и Манижа подумала, что он ударит ее. Или сделает что-то еще более страшное. И даже если она закричит, это не будет иметь значения, потому что он стал королем и никто не посмеет ему перечить.

Но этого не случилось. Гасан поступил иначе. Манижа ранила его в самое сердце, и Гасан ответил ей тем же, не размениваясь на пустяки: заставил ее смотреть, как он избивал до полусмерти ее брата. Он ломал Рустаму кости, давал им срастись, а затем повторял все вновь и вновь, истязая его, пока на том не осталось живого места и Манижа не упала на колени, моля Гасана о пощаде.

Когда он наконец смилостивился, ее слезы разозлили короля даже больше, чем ее первоначальный отказ.

– Я хотел, чтобы между нами все было иначе, – произнес он с укоризной. – Не стоило меня оскорблять.

Воспоминание накрыло ее с головой, так что ей пришлось сделать глубокий вдох. «Он мертв», – повторяла она про себя. Манижа долго не сводила взгляда с окровавленного трупа Гасана, запечатлевая в памяти эту картину, убеждая себя, что ее мучителя действительно больше нет. Но она не торопилась отправлять его на костер – рано. Она намеревалась тщательно обследовать его тело, надеясь найти в нем ключ к разгадке обладания печатью Сулеймана. От Манижи не укрылось, что у него отсутствовало сердце – оно было вырезано из груди с такой хирургической точностью, что в том, чьих это рук дело, не оставалось сомнений. Отча-

сти она была благодарна за это. Несмотря на все, что она говорила Нари, Манижа плохо представляла, как кольцо с печатью переходит от одного владельца к другому.

Теперь же, благодаря Нари, Манижа знала, что первым делом нужно лишить принца джиннов сердца – но сначала их, конечно, предстояло найти.

Манижа снова перевела взгляд на город. Стояла пронзительная тишина, навевая странный флер на всю картину. Словно в Дэвабаде царил покой, и безмолвный ночной город мирно спал, как и прежде – под защитой своих законных правителей.

Фантазия разбилась об очередную вопль, послышавшийся вдали. Повсеместно крики уже начинали затихать, и ярость ночи уступила место исступленному страху. Когда люди напуганы, когда они загнаны в тупик, они не кричат. Они прячутся сами, прячут своих близких, ищут любого укрытия, молясь, чтобы опасность прошла их стороной. Все в Дэвабаде знали, что следует за взятием городов. Они росли на рассказах о кровавых расправах беспощадного неприятеля: в зависимости от того, откуда они были родом, они слушали леденящие кровь истории о варварском захвате Дэвабада или Зейди аль-Кахтани, или Дараявахаушем э-Афшином по прозвищу Бич Кви-Цзы, или о бесчисленных разорениях человеческих городов. Нет, криков не будет. Жители Дэвабада спрячутся по углам и будут беззвучно плакать, крепко прижимая к себе детей, и внезапная утрата магии покажется им лишь одной из многих трагедией этой ночи.

Они решат, что к власти пришел новый Сулейман. Любой разумный джинн пришел бы к такому выводу. Не с того ли начался великий суд Сулеймана, что он лишил всех джиннов магии предков? Сейчас все наверняка боялись того, что их жизнь окажется разбита на осколки: что их разлучат с семьями, и, в бессилии, они будут вынуждены служить очередному человеческому господину.

Бессилие. Манижа сильнее прижалась ладонями к холодному камню, остро желая почувствовать магию дворца. Зажечь танцующий огонек или выпустить пелену дыма. Казалось невероятным, что ее способности просто исчезли, и она могла только вообразить себе количество раненых в лазарете, раненых, которых она теперь не могла исцелить. Для женщины, у которой отобрали все, что она когда-либо любила – застенчивого провинциального дворянина, который мог бы стать ее мужем; новорожденную темноглазую дочь, которую она так жаждала снова подержать на руках; брата, которого она предала; саму свою честь, год за годом преклоняя колени перед Кахтани, – потеря способностей оказалась худшим испытанием. Ее магия была ее жизнью, ее душой – фундаментом силы, которая позволила ей пережить все остальное.

«Что ж, возможно, это справедливая цена за использование целительной магии для убийства», – нашептал голос в ее голове. Манижа отмахнулась от него. Сомнения сейчас не помогут ни ей, ни ее подданным. Нет, лучше полагаться на гнев и ярость, закипавшие в ней при мысли о том, как одна юркая шафитка на корню загубила все планы, которые она вынашивала долгие годы.

Нари. Вызов в темных глазах. Слабый, с оттенком сожаления, взмах плеча, когда она надела самое драгоценное сокровище их рода на палец недостойного пескоплава.

Я бы отдала тебе все, дитя мое. Все, чего ты только могла пожелать. Все, чего всегда была лишена я.

– Празднуешь победу?

От насмешливого голоса Аэшмы сводило скулы, но Манижа не подала виду. Она давно имела дело с ифритом и знала, как с ним обращаться – с ним и со всеми другими. Нужно просто никогда и ни перед кем не давать слабину. Никаких сомнений. Никаких союзников и близких. Манижа продолжала смотреть вперед, и он присоединился к ней у стены.

– Как долго я ждал, чтобы лицезреть город Анахид. – В его голосе звенели нотки жестокого торжества. – Но это совсем не те райские кущи, о которых слагали песни. Где шеду, которые-де надзирают за всем с небес, где сады с деревьями-самоцветами и реки вина? Где

рабелепные марида, украшающие радугами водопады, где библиотеки, хранящие секреты мироздания?

У Манижи все сжалось внутри. *Исчезли, навеки.* Когда она штудировала историю своих великих предков, то рисовала перед собой совершенно иной Дэвабад, совсем непохожий на то, что она видела перед собой.

– Мы вернем их.

Она бросила на него быстрый взгляд и отметила хладнокровно-довольное выражение, исказившее его огненное лицо.

– Она любила это место, – продолжал он. – Оазис для тех, кого она собрала под своим крылом, тщательно возвращенный рай, в котором не было места грешникам.

– Ты как будто завидуешь.

– Завидую? Три тысячи лет мы вместе с Анахид скитались по двуречью, наблюдая за тем, как отступает вода и наступают люди. Вместе мы воевали с маридами и вместе летали на ветрах пустынь. И все это было вмиг позабыто из-за ультиматума одного человека.

– Вы предпочли по-разному выстраивать отношения с Сулейманом.

– Она *предпочла* предать свой народ и самых близких ей друзей.

Она спасла свой народ. И я намереваюсь поступить так же.

– А я-то думала, мы наконец забудем об этом и заключим мир между нами.

Аэшма фыркнул.

– И как ты себе это представляешь, бану Нахида? Неужели ты думаешь, я не знаю, как пропали твои силы? Боюсь, в настоящий момент ты даже искру высечь не можешь, не говоря уже о том, чтобы выполнить свои условия соглашения. – Он раскрыл ладонь, и между его пальцами зарезвился язычок пламени. – Жаль, что у твоего народа не было в запасе трех тысячелетий, чтобы освоить магию иного толка.

Манижа изо всех сил старалась не смотреть на огонь, но голод разъедал ее душу.

– Какая удача, что ты можешь научить меня.

Ифрит рассмеялся.

– С какой вдруг стати? Я помогаю тебе уже много лет, но что это мне дало?

– Ты увидел город Анахид.

Аэшма ухмыльнулся.

– Тут не поспоришь. – Он широко улыбнулся, сверкнув острыми как бритва зубами. – И прямо сейчас я могу добиться еще большего. Я могу сбросить тебя с этой стены и избавиться от ее самого одаренного потомка.

Манижа даже не дрогнула, она слишком привыкла к угрозам мужчин.

– Тебе никогда не сбежать от Дараявахауша. Он выследит каждого уцелевшего ифрита, будет истязать и убивать их на твоих глазах, а потом потратит целое столетие на то, чтобы убить тебя самым мучительным образом, который только можно представить. Тебя убьет магия, которую ты так страстно желаешь.

Это задело его за живое: глумливая ухмылка мигом сошла с лица Аэшмы. Все как всегда: Манижа знала слабости ифрита не хуже, чем он знал ее секреты.

– Твой Афшин не заслуживает таких способностей, – не сдержался он. – Первый дэв за тысячи лет, освобожденный от проклятия Сулеймана – вспыльчивый, до зубов вооруженный глупец. С тем же успехом ты могла бы наградить такими способностями бешеную дворнягу.

Подобное сравнение не пришлось Маниже по душе – неповиновение и без того слишком явно начинало прорываться из-под слепой преданности, которая всегда так устраивала ее в Даре.

Но она продолжала стоять на своем:

– Если и ты хочешь получить способности Дары, то прекращай сотрясать воздух бессмысленными угрозами и помоги мне вернуть печать Сулеймана. Иначе мне не освободить тебя от проклятия.

– Как это кстати.

– Не поняла?

Он опустил глаза, чтобы вперить в нее взглядом.

– Я сказал, что все это очень *кстати*, – повторил он с обвинением в голосе. – Я поддерживаю тебя вот уже несколько десятилетий и рассчитываю на *твою* помощь, но у тебя все время находятся оправдания. Все это очень печально, бану Нахида. Заставляет задуматься, в самом ли деле ты способна избавить нас от проклятия Сулеймана.

Манижа старательно сохраняла невозмутимое выражение лица.

– Это ты обратился ко мне за помощью, – напомнила она. – Я никогда не скрывала, что мне понадобится кольцо. И мне казалось, ты видел достаточно, чтобы понимать, на что я способна.

– Да, это так. Поэтому мысль о том, что ты можешь освоить еще и мою магию, не внушает мне восторга. Особенно если речь по-прежнему идет о призрачных обещаниях некой будущей свободы. Если ты хочешь, чтобы я научил тебя магии крови, взамен мне понадобится нечто куда более осязаемое.

Осязаемое. Манижа вся подобралась. Она потеряла уже так много, и то немногое, что еще оставалось, было ей слишком дорого.

– Чего ты хочешь?

Губы ифрита вновь скривились в ледяной ухмылке, когда он обвел взглядом Дэвабад, и азарт в этом взгляде заставил ее не на шутку встревожиться.

– Я ведь каждый день вспоминаю то утро. Как бушевала магия, обжигая воздух, и ревела в моей голове. Я не испытывал ничего подобного с тех пор, как Анахид выдернула этот остров из озера. – Он ласково провел пальцами по парапету. – Ничто не сравнится с магией Нахид, не так ли? Руки Нахид возвели этот город, а сколько жизней они спасли, и не счесть. Одной капли их крови достаточно, чтобы убить ифрита. А жизнь Нахиды... Только представь, что можно *с ней* сделать. – Аэшма не просто вонзил в нее нож, но и прокрутил его. – И что с ней уже сделано.

Тут Манижа, не удержавшись, вздрогнула от внезапно нахлынувших воспоминаний. Запах обгоревшей плоти и липкая кровь на ее коже. Огни города словно исчезли, сменившись выжженной равниной и затянутым дымом небом – тусклый цвет отражался в пустых, невидящих глазах ее брата. Рустам умер с выражением легкого изумления на лице, и это зрелище разбило последнее, что оставалось от сердца Манижи, напомнив ей о мальчишке, которым он был когда-то. Брат и сестра, слишком рано потерявшие невинность, вместе прошли через все испытания, только чтобы в конце пути их все равно разлучили друг с другом.

– Говори прямо.

– Мне нужна твоя дочь, – чеканно произнес Аэшма, отбросив всякое лукавство. – А тебе, после ее предательства, нужно от нее избавиться.

Предательство. Интересное заявление из уст ифрита. Но он не видел дрожащей молодой женщины в изодранном, окровавленном платье. Не смотрел в перепуганные, до боли знакомые глаза.

Она предала тебя. Нет, Нарид поступила даже хуже, обманув ее ловкостью рук, более уместной для низкородной шафитской воровки, нежели для Нахиды и целительницы. Но Манижа могла бы ей это простить, да и простила бы, забери Нарид кольцо себе. Видит Создатель: не ей судить другую женщину за ее амбиции.

Но нет... Нарі поступила иначе: она отдала кольцо – и не кому-нибудь, а Кахтани. Сыну короля, тиранившего Манижу, короля, отнявшего у нее какие-либо шансы на счастье и вбившего последний клин между ней и ее братом.

Этого Манижа простить не могла.

Аэшма заговорил снова, возможно, почуяв сомнение в затянувшейся паузе.

– Тебе нужно сделать выбор, Манижа, – предупредил он угрожающе низким голосом. – Твой Бич одержим девчонкой. Если ей хватило ума, чтобы перехитрить тебя, устоит ли, по твоему, этот влюбленный кретин, если она решит сыграть на его чувствах?

Едва ли. Манижа не ответила, по-прежнему устремляя взгляд за горизонт.

– Но я и Визареш могли бы научить тебя такому... – Аэшма наклонился ближе. – Тебе больше никогда не придется беспокоиться о верности Дараявахауша. О *чьей угодно* верности. Но – за определенную цену.

Прежде чем она успела ответить, взгляд Манижи зацепился за какое-то свечение: огненный осколок солнца показался из-за восточных гор, и его лучи застали ее врасплох. Обычно восход в Дэвабаде был не таким ярким, защитная магия отгораживала от него настоящее небо. Но встревожил Манижу не только яркий солнечный свет, а встречающая его тишина.

В Великом храме не били барабаны, джинны не зазывали на азан, и эта безмолвная встреча восходящего солнца вселила в нее больше ужаса, чем кровь, накапавшая с ее незаживающего пальца. Но барабанный бой и призывы к молитве не смолкали никогда: они были вплетены в самую ткань времени Дэвабада.

Пока нашествие Манижи не разорвало эту ткань в клочья. Дэвабад был ее родиной, ее ответственностью, и она вырвала у него сердце. И значит, теперь она была обязана вылечить его.

Любой ценой.

Она закрыла глаза. Манижа не молилась с тех пор, как увидела двух джиннов-разведчиков, истекающих кровью на обледеневшей земле Северного Дэвастана, умирая от разработанного ею яда. Она отстаивала свой план перед Дарой, она пошла в наступление и погрузила Дэвабад в хаос. Но ни разу за все это время она не молилась. Ей казалось, этот мост она уже сожгла.

Манижа знала, что и сейчас Создатель ей не поможет. Но она не видела другого выхода: она проложила эту тропу и не могла с нее сойти, даже если к концу пути от нее самой ничего не останется.

Она старалась говорить так, чтобы голос не дрожал – Манижа не хотела показывать ифриту свою боль.

– Я могу дать тебе ее имя. Ее истинное имя. Имя, которым нарек ее отец.

Часть первая

1

Нари

Однажды в детстве, в последнем сиротском приюте, согласившемся принять Нарю, она повстречала сказочника.

Это было в айт – жаркий, суматошный, но один из редких радостных дней для таких детей, как она, потому что каирские богачи охотнее заботились о сиротах в эти праздничные дни, когда так диктовала им их вера. Когда она, в новом красивом платье, расшитом голубыми лилиями, уже набила живот сладостями и сдобным печеньем с начинками, в дымке сахара и послеполуденного зноя возник сказочник, и вскоре мерные звуки его голоса убаюкали собравшихся вокруг него детей, и их сморило снами о далеких странах и захватывающих приключениях.

Но только не Нарю – она была заморожена, ибо рассказы о волшебных королевствах и потерявшихся наследниках королевской крови дарили девочке без роду и племени те самые робкие надежды, которые она лелеяла в самом сокровенном уголке своего сердца. Но его рассказы казались ей такими странными. *«Кан ва ма кан»*, – повторял он, описывая фантастические города, загадочных джиннов и смысленных героинь. *Было и не было*. Сказки словно бы существовали между этим и другим миром, между правдой и вымыслом, и это сводило Нарю с ума. Ей нужно было знать, что все это было на самом деле. Знать, что для нее может существовать лучшее место – мир, в котором то, что тихо творят ее руки, считалось бы нормальным.

И Нарю наседала на него. *«Так это все взаправду? – допытывалась она. – Все так и было на самом деле?»*

Сказочник пожал плечами (она до сих пор помнила и этот жест, и веселый блеск в его глазах, наверняка вызванный ее детским упорством). *«Может, и было, а может, и не было»*.

Нарю не унималась и попыталась ухватиться за самый близкий пример. *«Тогда это похоже на то, что у тебя в груди? Похожее на краба, вцепившегося тебе в легкие, из-за которого ты кашляешь кровью?»*

У него отвисла челюсть. *«Милостивый Боже, – прошептал он в ужасе, и все, кто слушал их разговор, ахнули. Глаза его наполнились слезами. – Ты не можешь этого знать»*.

Она не успела ответить. Вмешались взрослые и так грубо схватили ее за руки, что порвали рукав ее нового платья. Для маленькой девочки, которая говорила такие жуткие вещи, а во сне лепетала на языке, которого никто не узнавал; на чьей коже не оставалось синяков и ссадин после того, как ее били другие дети, это стало последней каплей. Нарю молила объяснить, в чем же она провинилась, пока ее тащили за порог разваливающегося здания, где и бросили на пыльную землю, прямо в праздничном платье, и она осталась одна на улице, пока другие люди отмечали праздник вместе со своими семьями в своих теплых домах, которых она никогда не знала.

Когда дверь за ними захлопнулась, Нарю перестала верить в магию. И не верила до тех пор, пока много лет спустя один воинственный джинн не возник у ее ног посреди могильного лабиринта. Но когда Нарю в полном недоумении смотрела на знакомое каирское небо, в памяти всплыли арабские слова.

Кан ва ма кан.

Было и не было.

Сказочный мир Дэвабада исчез, и на его месте возникли каирские мечети, крепости и старинные здания из кирпича, мерцаая вдалеке, в дрожащем знойном воздухе пустыни и затопленных полей. Она моргнула и потеряла глаза. Каир так никуда и не делся, как не делись и пирамиды, гордо возвышающиеся над широким бурым Нилом на фоне бледного неба.

Египет. Я в Египте. Нарис стиснула виски костяшками пальцев с такой силой, что стало больно. Она что, спит?

Или, может быть, это Дэвабад ей приснился? В кошмарном сне. Конечно, легче было поверить в то, что она обычный человек, нищая воровка из Каира, мошенница, запутавшаяся в собственных махинациях, а не та, кто провела последние пять лет, готовясь стать королевой потаенного королевства джиннов.

И это вполне могло бы все объяснить... если бы не хрипящий, весь взмокший и до сих пор излучающий слабое свечение принц, который встал перед Нарис, закрывая ей вид на город. Значит, все-таки не сон – если только она не забрала его частичку с собой.

– *Нарис*, – выдохнул Али. Его глаза были налиты кровью и полны отчаяния, по лицу стекали капли воды. – Нарис, прошу тебя, скажи, что мне это мерещится. Пожалуйста, скажи, что это не то, чем кажется.

Нарис, словно в трансе, заглянула ему через плечо. Она не могла оторвать взгляд от раскинувшейся перед ней египетской окраины, особенно после того, как так долго тосковала по этим местам. Теплый ветерок играл в ее волосах, пахнувших илом, щебетала парочка птичек-нектарниц, выпорхнувших из зарослей густого кустарника, проглотившего осыпающееся глинобитное здание. Шел сезон паводков – об этом любому египтянину мгновенно давали понять затопленные берега и вода, плещущаяся у самых корней пальм.

– Похоже, я дома, – с трудом выдавила Нарис. Ее целебную магию все еще блокировала печать Сулеймана, пылающая у Али на щеке. – В Египте.

– Мы не можем быть в Египте! – Али отпрянул назад и тяжело привалился к полуразрушенной стене минарета. Лицо его пылало горячечным румянцем, от кожи поднимался горячий пар, а глаза безумно сверкали. – Мы... мы только что были в Дэвабаде. Ты скинула меня со стены... неужели ты хотела...

– Нет! Я хотела лишь скрыться от Манижи. Ты сам сказал, что проклятие с озера было снято. Я думала, мы выплывем обратно к берегу, а не обьявимся на другом конце света!

– На другом конце света, – глухо повторил Али. – О боже, *боже!* Нам нужно вернуться назад. Нужно...

Его слова оборвались болезненным шипением, и одной рукой он схватился за грудь. Нарис вмиг забыла и думать о Египте.

– Али?

Нарис схватила его за плечо. Теперь, подойдя ближе, она поняла, что Али был не просто расстроен, а очень болен: его знобило и прошибало потом сильнее, чем чахоточника в предсмертной агонии.

Дальше она действовала с привычным профессионализмом.

– Сядь, – велела она и помогла ему опуститься на землю.

Али крепко зажмурился, прижавшись затылком к стене, – казалось, он изо всех сил старался не закричать в голос.

– Кажется, это кольцо, – выпалил он, прижимая кулак к груди – или, точнее, к сердцу, где и в самом деле сейчас должно было покоиться кольцо Сулеймана, благодаря ловкой работе Нарис в Дэвабаде. – Жжется.

– Дай я посмотрю.

Нарис взялась за его руку – та оказалась обжигающе горячей, словно Нарис схватилась за кипящий чайник, – и отцепила ее от груди Али. Кожа под ней выглядела абсолютно здоровой.

А без магии заглянуть глубже Нары не могла – восьмиконечная печать Сулеймана все еще горела на щеке Али, блокируя ее силы. Но Нары решила не поддаваться страху.

– Все будет хорошо, – заверила она. – Сними печать. Я уберу боль и смогу лучше осмотреть тебя.

Али открыл глаза, но недоумение смешалось с болью на его лице.

– Снять печать?

– Да, печать, Али, – повторила Нары, сражаясь с приступом паники. – Печать Сулеймана. Я не могу колдовать, пока она горит у тебя на лице!

Али на глазах становилось хуже и хуже, и он глубоко вздохнул.

– Я... хорошо. – Он посмотрел на нее, словно ему было тяжело сосредоточиться на ее лице. – И как же мне это сделать?

Нары только уставилась на него.

– В каком смысле – *как*? Печать хранилась в твоей семье на протяжении столетий. Разве ты сам не знаешь?

– Нет. Только эмиру позволено... – На его лице отразилась свежая вспышка горя. – *Диру...*

– Али, успокойся...

Но напоминание о смерти брата оказалось слишком сильным ударом, и Али в ступоре привалился к стене, что-то причитая по-гезирийски. Слезы градом катились по его щекам, прочерчивая дорожки в пыли и засохшей на коже крови.

Послышалась птичья трель, легкий ветерок пробежал по щетинистым пальмам, нависающим над разрушенной мечетью. У самой Нары сердце разрывалось на части: сладостное чувство от возвращения домой не перечеркивало всех ужасов, которые привели к тому, что их двоих забросило сюда.

Она присела на пятки. *Думай, Нары, думай.* Ей нужен какой-нибудь план.

Но мысли не шли. Она до сих пор ощущала запах отравы в крови Мунтадира, до сих пор слышала невозмутимые угрозы Манижи.

Она до сих пор видела перед собой взгляд зеленых глаз Дары, устремленный через разрушенный дворцовый коридор, умоляющий и смертоносный.

Нары сделала глубокий вдох. *Магия. Нужно только вернуть магию, и все будет хорошо.* Нары чувствовала себя ужасно уязвимой без своих способностей, такой слабой, какой никогда себя не ощущала. Все тело ломило, в носу стоял металлический запах крови.

– Али. – Она обхватила его лицо ладонями, стараясь не волноваться из-за настораживающего, нехарактерного даже для джинна жара на его липкой коже. Нары смахнула слезы с его щек, заставляя его взглянуть на нее налитыми кровью глазами. – Дыши глубже. Мы еще поскорбим о нем, мы поскорбим о них обо всех, обещаю тебе. Но сейчас нам нужно сосредоточиться. – Поднялся ветер, задувая волосы ей в лицо. – Мунтадир говорил, потребуется несколько дней, чтобы прийти в себя после получения кольца, – внезапно вспомнила она. – Может, то, что с тобой происходит, – нормально.

Али так сильно колотило, что казалось, будто его вот-вот хватит удар. Его кожа приобрела сероватый оттенок, губы потрескались.

– Не думаю, что это нормально. – От его тела влажным облаком поднимался пар. – Оно *хочет* тебя, – прошептал он. – Я это чувствую.

– Я... Я не могу, – растерялась она. – Я не выдержу. Ты же слышал, что говорила Манижа. Я – шафитка. Если кольцо убьет меня, она убьет тебя, а потом заберет его себе. Я не могу так рисковать!

Словно в ответ, печать на его щеке яростно полыхнула. Если метка Гасана напоминала тагуировку, черную, как ночь, на его коже, то метка Али выглядела так, словно была нарисована ртутью, и ее серебристый цвет отражал яркий солнечный свет.

Метка вспыхнула ярче, и он вскрикнул.

– Боже, – выдохнул он, нащупывая клинки за пазухой – каким-то чудом ханджар и зульфикар Али остались при нем, пристегнутые ремнями к поясу. – Мне нужно вытащить это.

Нари вырвала у него оружие.

– С ума сошел? Ты не можешь вырезать свое сердце!

Али не ответил. Казалось, что он *физически* не способен что-то говорить. Его отсутствующий, растерянный взгляд затаило поволокой, и она испугалась. Нары был знаком этот взгляд, она часто встречала его в лазарете, у пациентов, доставленных к ней слишком поздно.

– *Али!* – Нары было невыносимо от того, что она не могла просто наложить на него руки и забрать его боль. – Пожалуйста, – взмолилась она, – хотя бы попытайся снять печать. Иначе я ничем не могу тебе помочь!

Он на мгновение задержал на ней взгляд, и сердце Нары ухнуло: зрачки Али так расширились, что почти закрывали собой серую радужку. Он моргнул, но в его лице не было даже намека на то, что он понял ее мольбу. Ну почему она не расспросила Мунтадира о печати подробнее? Он сказал только то, что печать нужно вырезать из сердца Гасана и сжечь, что восстановление может занять пару дней и что...

Печать не должна покидать Дэвабад.

Ледяной ужас сковал ее изнутри, хотя кожу обдувал горячий ветер. *Нет, только не это.* Это не может быть всему причиной. *Не может.* Ведь Нары даже не спрашивала согласия Али... проклятье, он вырывался, но она все равно надела кольцо ему на палец. Его желания ее не волновали – слишком отчаянно она хотела спасти его. Спасти их обоих.

И теперь ты можешь его погубить.

Обжигающий ветер отбросил ее волосы назад, в лицо полетел песок. Одно из деревьев, качавшихся напротив разрушенной мечети, внезапно рухнуло на землю, и Нары встрепенулась, только в этот момент осознав, что воздух становился горячее, а ветер усиливался и, завывая, кружил вокруг нее.

Она подняла глаза и застыла.

В пустыне за Нилом в светлом небе клубились оранжевые и зеленые тучи. У нее на глазах они заслонили собой нежный рассвет, и сверкающая гладь реки сменилась тусклым серым цветом. Песок носило по каменистой земле, ветви и листья кружились в воздухе.

Все это было похоже на бурю, которая явила Дару.

Прежде это могло бы утешить Нары. Теперь же девушка была так напугана, что у нее дрожали колени, когда она поднималась на ноги, сжимая в руке зульфикар Али.

Песчаная буря с воем неслась ей навстречу. Нары вскрикнула и выставила перед собой руку, чтобы заслониться. Но в этом не было необходимости, буря не сбила ее с ног и не разорвала на куски. Нары открыла глаза и обнаружила, что они с Али оказались в центре кружащей воронки песка, в островке безопасности посреди урагана.

И они были не одни.

Темная тень мельтешила, то исчезая, то вновь появляясь вместе с движением ветра перед тем, как приземлиться на стену разбитого минарета, подобно хищнику, поймавшему мышь в норе. Все в этом существе казалось ей невероятным. Рыжее, гибкое туловище, мускулы, перекатывающиеся под янтарным мехом. Когтистые лапы размером с человеческую голову и хвост, серпом рассекавший воздух. Серебряные глаза на львиной морде.

И *крылья*. Ослепительные крылья, переливающиеся чуть ли не всеми цветами мироздания. Нары чуть не выронила зульфикар, ошарашенно ахнув. Она видела достаточно иллюстраций с изображениями этого зверя, чтобы отрицать очевидное.

Это был шеду. Полумифический крылатый лев, на котором, согласно легендам, ее предки сражались с ифритами, оставался символом дэвов еще долго после того, как эти загадочные существа исчезли с лица земли.

Во всяком случае, так все полагали. Но кошачьи глаза прямо сейчас были прикованы к ней, как будто изучая ее лицо и примериваясь к размеру. Она могла бы поклясться, что заметила в них проблеск чего-то вроде замешательства.

Но также и интеллект. Глубокий, несомненный интеллект.

– Помоги мне, – взмолилась она, чувствуя, что сходит с ума. – Пожалуйста.

Глаза шеду сузились. Глаза были серебристого цвета, настолько светлого, что казались почти прозрачными, цвета сверкающего льда. Шеду смерил Нари внимательным взглядом, подмечая зульфикар в руках и раненого принца у ее ног. И метку на виске Али.

Зверь распушил крылья, как рассерженная птица, и из его пасти вырвался раскатистый рык.

Нари тут же крепче стиснула зульфикар, хотя вряд ли это спасло бы ее от такого удивительного зверя.

– Пожалуйста, – повторила она еще раз. – Я – Нахида. Моя магия не действует, а нам нужно вернуться в...

Шеду прыгнул.

Нари бросилась на землю, но зверь просто парил над ней, укрывая весь минарет тенью от своих ослепительных крыльев.

– Постой! – воскликнула Нари, когда зверь исчез в волне золотого песка. Буря отступала, закручиваясь внутрь себя. – *Погоди!*

Но шеду исчез, рассеявшись, как пыль на ветру. Через мгновение могло показаться, что никакой бури и вовсе не было. В чистом голубом небе пели птицы. Али испустил одинокий вздох – тихий, словно предсмертный, – и рухнул на землю.

– Али! – Нари снова бросилась к нему и потрясла его за плечо. – Али, очнись! Очнись, умоляю тебя!

Она проверила его пульс, испытывая облегчение и отчаяние одновременно. Он еще дышал, но его сердце билось заполошно и неровно.

Это твоя вина. Ты надела кольцо ему на палец. Ты затащила его в озеро. Нари подавила рыдания.

– Тебе нельзя умирать. Слышишь? Я не для того тебе жизнь столько раз спасала, чтобы ты бросил меня здесь одну...

Ее гневная тирада растворилась в тишине. Как бы Нари ни кричала, она по-прежнему не обладала магией и не знала, что делать дальше. Она не понимала даже, как они *здесь* оказались. Нари поднялась на ноги и еще раз посмотрела на Каир. Она не знала наверняка, но, судя по всему, до города было всего несколько часов езды на лодке. Ближе к городу жались деревни, окруженные затопленными полями, а по реке скользили крошечные лодки.

Она перевела взгляд на разрушенную мечеть и что-то, похожее на обгоревшую голубятню. По растрескавшимся камням фундаментов можно было догадаться, что когда-то здесь стояли дома, вдоль извилистой заросшей тропинки, ведущей к реке. И когда она обвела взглядом заброшенную деревню, то кожей ощутила странное чувство чего-то родного.

Нари задержала взгляд на разлившемся Ниле, на фоне которого вдали, за могучими пирамидами, мерцал Каир. Нигде не было ни следа шеду, ни намека на магию. Ни в воздухе, ни в ее крови.

Отсутствие магии разозлило ее, и чем дольше она смотрела на пирамиды, эти могучие памятники, возведенные человеческими руками, древние уже тогда, когда Дэвабад даже не маячил на горизонте, тем сильнее разгорался ее гнев. Она не собиралась ждать спасения из волшебного мира.

У Нари был другой мир.

Али в ее руках казался нереально легким, а его кожа, в тех местах, где она к нему прикасалась, обжигала, как будто он сам уже наполовину сгорел. Благодаря этому Нари удалось без особого труда вынести высокого принца из минарета, но особого облегчения это не принесло, поскольку Нари терзало скверное предчувствие, что это было плохим знаком.

Оказавшись на улице, она опустила Али на землю, чтобы перевести дыхание. Пот выступил у нее на лбу, и она выпрямилась, хрустнув позвонками.

И снова возникло тревожное чувство, что она уже бывала здесь раньше. Нари прошла взглядом вдоль дороги, безуспешно надеясь успокоить смутные ощущения, обрывочно мятущиеся в ее памяти. Судя по состоянию деревни, та была разрушена и заброшена не одно десятилетие назад, и разросшаяся повсюду зелень грозила вот-вот проглотить ее целиком.

Наверняка это просто совпадение, что из всех мест в Египте двух огненных джиннов волшебным образом забросило именно в эту подозрительную, сожженную дотла деревню.

Совершенно выбитая из колеи, Нари снова взяла Али на руки и пошла по тропинке к реке, с чувством, будто ходила по ней уже сотни раз. Оказавшись на месте, она уложила его вдоль берега.

В тот же миг вода хлынула в их сторону, затопив сухую траву под бесчувственным телом Али. Прежде чем она успела что-либо сообразить, тонкие струи воды потекли по горячей коже, водяными пальцами оплетая его конечности. Нари потянулась, чтобы подтащить его к себе, но тут Али испустил вздох, не приходя в себя, и его лицо частично разгладилось от боли.

Говоришь, мариды ничего с тобой не сделали? Нари вспомнила зульфикара, летевший к Али по волнам, и то, как он повелевал водопадом в библиотеке, сражаясь с заххаком. Какие же тайны он до сих пор хранит об одержимости маридами?

И не таили ли эти секреты сейчас для них опасность? Только что к ним заглянул летучий лев, которого все давно считали вымершим. А теперь что, речные духи?

Сейчас не время ломать над этим голову. Али умирал, Нари была бессильна, и если Манижа каким-то образом сумеет их выследить, Нари не собиралась становиться легкой мишенью, оставаясь в этой заброшенной деревне.

Она принялась хладнокровно анализировать обстоятельства, выбросив из головы мысли о Дэвабаде и переключившись на чистый прагматизм, которым всегда руководствовалась в жизни. Ощущение оказалось почти приятным. Ни покоренного города, ни коварной матери, восставшей из мертвых, ни война с мольбой в зеленых глазах. Только жизнь и смерть.

Запасы их были плачевны. За исключением оружия Али, у них не осталось ничего, кроме изодранной и окровавленной одежды. В Дэвабаде Нари каждый день носила столько драгоценностей, что на эти деньги они могли бы купить полцарства, но сегодня на Нари не было ни одного украшения: традиции Навасатема диктовали простое облачение. Она покинула Каир босая, одетая в лохмотья, и вернулась так же – ирония судьбы, над которой можно было бы посмеяться, если бы не хотелось расплакаться.

А самое скверное, она понимала, что их вид привлекает к себе внимание. Несмотря на состояние их одежд, они были сшиты из ткани джиннов, прочной и роскошной на вид. Нари и Али явно не голодали и имели ухоженный внешний вид, и сверкающий зульфикар Али выглядел так, как и полагалось восхитительно сработанному клинку, более подходящему для война из древнего эпоса, нежели обычному путешественнику. Али и Нари выглядели как богатые вельможи, и отнюдь не как местные крестьяне.

Обдумывая, как поступить, Нари осмотрела реку. Лодки поблизости не проплывали, да и ближайшая деревня виднелась вдалеке лишь пятнышками построек. Пожалуй, она смогла бы покрыть это расстояние за полдня, но Али так далеко она ни за что не донесет.

Разве что можно не идти пешком... Нари взглянула на поваленную пальму, и в ее голове зародилась идея. Она потянулась к ханджару Али, решив, что управиться с этим клинком будет проще, чем с зульфикаром.

Ее рука застыла на украшенной драгоценными камнями рукояти кинжала. Это был ханджар не Али – а ханджар его брата. Красивый и баснословно дорогой, как и все, что нравилось Мунтадиру. Рукоять была из белого нефрита, окаймленная золотом и инкрустированная цветочным узором из миниатюрных сапфиров, чередующихся с рубинами и изумрудами. У Нари перехватило дыхание, когда она прикинула примерную стоимость ханджара, мысленно разбирая его на драгоценные камни. Она понимала, что Мунтадир подарил это младшему брату на память о себе. Возможно, бессердечно было даже думать о том, чтобы распродавать кинжал по частям без разрешения Али.

Но это ее не остановит. Нари привыкла выживать, и ей пора было приниматься за работу.

Работа заняла целый день, часы таяли в тумане горя и решимости, слезы и кровь проливались с одинаковой легкостью, когда она резала пальцы и запястья, пытаясь собрать из связки веток самодельный плот. Его вес едва удерживал голову и плечи Али над поверхностью воды, и Нари вошла по пояс, где течение подхватило ее изодранное платье, и двинулась вброд, увязая босыми ногами в грязи.

К полудню пальцы онемели, и она уже не могла удерживать плот. Взяв ремень Али, она привязала его к своей талии, заработав новые синяки и ссадины. Нари не привыкла к такой затяжной физической боли, к незаживающим ранам, и теперь ее мышцы горели, а все тело призывало ее остановиться.

Но Нари не останавливалась. Она старательно переставляла ноги, следя за каждым своим шагом, потому что, если она замешкается, если поскользнется и уйдет под воду, она сомневалась, что у нее хватит сил выплыть на поверхность.

Когда она добралась до ближайшей деревни, солнце уже уходило за горизонт, превращая Нил в пылающую алую ленту, а густую зелень на его берегах – в грозное скопище колючих теней. Нари могла себе вообразить, как должно было встревожить всех ее появление, и ничуть не удивилась, когда двое юношей, тянувшие из воды рыбацкие сети, с криком отпрянули от нее.

Но ей было все равно. Нари не нуждалась в помощи мужчин. Четыре женщины в черных платьях собирали воду прямо за лодкой, и она двинулась в их сторону.

– Мир вашему дому, сестры, – просипела она. Ее губы обветрились, и на языке ощущался сильный привкус крови. Нари разжала кулак, показывая три небольших изумруда, которые она вынула из ханджара Мунтадира. – Мне нужно в Каир.

Нари отчаянно старалась бороться со сном, пока грохочущая ослиная повозка катилась в город. Быстро наступала ночь и окутывала предместья Каира мраком, что облегчало дорогу. Не только потому, что узкие улочки были сравнительно пусты – горожане садились ужинать, молились и укладывали детей спать, – но и потому, что Нари не смогла бы со спокойным сердцем смотреть на свой бывший дом, на знакомые места, освещенные ярким египетским солнцем. Все это и так было похоже на сон: приторный запах сахарного тростника, устилавшего дно повозки, обрывки арабских фраз, которыми обменивались прохожие, не согласовывались с бесчувственным принцем джиннов, сгорающим в ее руках.

Каждый ухаб отдавался новой вспышкой боли в ее измученном теле, и Нари едва нашла в себе силы пробормотать ответ, когда возница, муж одной из тех женщин у реки, спросил, куда ехать дальше. На большее ей бы не хватило сил. Сказать, что план был сомнительный, было бы преуменьшением. И если их ждала неудача, она понятия не имела, куда еще податься.

Борясь с отчаянием и усталостью, Нари опустила руку и раскрыла ладонь.

– Наар, – прошептала она, вопреки всему надеясь, что сказанное вслух слово что-то изменит, как когда-то учил ее Али. – *Наар*.

Но ее ладонь даже не потеплела, и пламя, которое она жаждала увидеть, не появилось. В глазах защипало, но она поборола слезы. Она отказывалась плакать.

Наконец они прибыли, и Нари, превозмогая ломоту в теле, повернулась в повозке.

– Поможете мне донести его? – попросила она.

Возница растерянно оглянулся:

– Кого?

Нари недоуменно указала на Али, который лежал на расстоянии вытянутой руки от возницы.

– *Ego*.

Мужчина отпрянул.

– Я... Но разве ты была не одна? Готов поклясться, ты была одна.

Тревожное предчувствие прошло ее насквозь. Нары догадывалась, что люди не могут видеть большинство джиннов, особенно чистокровных, как Али. Но этот человек своими руками положил Али в повозку перед тем, как они отправились в путь. Как он мог так быстро забыть об этом?

Она не сразу нашлась, что ответить, и в карих глазах мужчины вспыхнула тревога.

– Нет, – быстро сказала она. – Он был здесь все это время.

Мужчина выругался себе под нос, сползая с осла.

– Говорил я жене, нечего помогать незнакомцам, прибывшим из проклятого места, но когда она меня слушала?

– Это Нил-то проклятое место?

Он бросил на нее мрачный взгляд:

– Ты прибыла не просто с Нила, а со стороны... того места.

Любопытство Нары не позволило ей не спросить:

– Вы говорите о разрушенной деревне на юге? Что там произошло?

Он содрогнулся, вытаскивая Али из повозки.

– Лучше не говорить о таком вслух. – Он зашипел, когда его пальцы коснулись кожи на запястье Али. – Он весь горит. Если ты принесла лихорадку в нашу деревню...

– Знаете что? Думаю, дальше я сама справлюсь, – сказала Нары с фальшивой бодростью. – Спасибо!

Ворча, возница сбросил Али ей на руки и отвернулся. Пытаясь приноровиться к весу его тела, Нары кое-как закинула одну руку Али себе за шею, после чего, кряхтя, направилась к маленькой лавке в конце темной улочки – к лавке, на которую она возлагала все свои надежды.

Колокольчики зазвенели как обычно, когда она открыла дверь, и, услышав знакомый звук и почувствовав знакомые запахи трав и эликсиров, она чуть не согнулась пополам от переизбытка чувств.

– Мы закрыты, – раздался хриплый голос из глубины лавки – старик даже не потрудился оторвать взгляд от стеклянного пузырька, который наполнял. – Приходите завтра.

Нары проиграла битву со слезами, едва услышав его голос.

– Прости, – сказала она со сдавленным всхлипом. – Я не знала, куда мне идти.

Пожилый аптекарь уронил пузырек на пол. Стекло разбилось, но он этого даже не заметил. Якуб уставился на нее широко раскрытыми от изумления карими глазами:

– Нары?

2

Дара

Поразительно, как легко оказалось убивать.

Дара смотрел на опустошенный лагерь Гезири, разбитый на территории ухоженных дворцовых садов. Это было дивное место, самое подходящее для приема почетных гостей короля. Высокие финиковые пальмы с их родины в огромных керамических кадках росли промеж невысоких фруктовых деревьев, а над дорожками, вымощенными камнями янтаря, висели сверкающие зеркальные фонари. Несмотря на то что от магии здесь не осталось и следа, как и повсюду в Дэвабаде, шелковые шатры переливались на солнце, а в неподвижном воздухе раздавалось тихое журчание водяных фонтанов. Аромат цветов и ладана резко контрастировал с едким запахом подгоревшего кофе и кислого мяса – испорченного ужина внезапно убитых гостей. Стоял в воздухе и еще более тяжелый запах, запах крови, смешавшейся со сгустками медного пара, все еще висевшего в воздухе.

Но Дара так привык к запаху крови, что перестал ее замечать.

– Сколько их было? – тихо спросил он.

Приказчика, стоявшего возле него, трясло, как осиновый лист, и он чудом держался.

– Не меньше тысячи, г-господин. Путешественники из южной Ам-Гезиры, прибыли сюда на Навасатем.

Путешественники. Дара перевел взгляд с шатров и деревьев, создававших идеальную атмосферу для сказочного пиршества, на ковры, впитавшие столько крови, что она ручейками утекала в сад. Путешественники Гезири, многие из которых, должно быть, приехали в Дэвабад впервые и еще недавно с восторгом взирали на знаменитые городские базары и дворцы, умерли быстро, но не мгновенно. У многих хватило времени, чтобы сбежать – они умерли, обхватив головы руками, на мощеных дорожках. Другие погибли, цепляясь друг за друга, а десятки – в панической давке, вероятно, при попытке сбежать с небольшой площади, заставленной торговыми рядами. Пар, насланный Манижей, не видел различий между молодым и старым, между женщиной и мужчиной, лишая жизни всех с равной бесцеремонностью. Молодых вышивальщиц, стариков, натягивающих струны на лютни, детей с конфетами в липких руках.

– Сжечь их, – приказал Дара негромко. Сегодня он был неспособен повысить голос, словно чувствуя, что если даст слабину, если позволит лишнего той части себя, которая хотела вопить, хотела броситься в озеро, то он сломается. – Вместе с остальными телами Гезири, найденными во дворце.

Приказчик колебался. Он был Дэвом, и если судить по отметине пепла на его лбу – Дэвом, верующим в Создателя.

– Может... может, стоит принять какие-то меры, чтобы установить их личности? Кажется неправильным...

– Нет.

Приказчик поморщился от его категоричного ответа, и Дара попытался объяснить:

– Лучше не знать истинного размера потерь на случай, если нам придется подгонять число.

Его собеседник побледнел.

– Среди них есть дети.

Дара откашлялся, сглотнув образовавшийся в горле комок. Он обратил на приказчика взгляд, не терпящий возражений:

– Найди священнослужителя, пусть прочитает над ними молитву. А потом *сожги*.

Приказчик покачнулся на ногах.

– Как прикажете.

Он поклонился и поспешил прочь.

Дара снова опустил взгляд на мертвых. В омытом кровью саду стояла полная тишина, и спертый воздух казался могильным. Дворцовые стены нависали над головой, утроившие свою высоту благодаря его магии. То же Дара проделал и с сектором дэвов, воспользовавшись всеобщим столпотворением, чтобы надежно изолировать свое племя от остального города. Он колдовал столько, сколько не колдовал за всю жизнь, не заботясь даже о том, что ему пришлось оставаться в огненной форме, чтобы не растерять свои силы.

И, глядя на убитых Гезири, он знал, что поступил правильно. Ведь если их соплеменники на другой стороне города каким-то чудом пережили туман, Дара не сомневался, что даже потеря магии не остановит их жажду мести.

«*Дьявол*, – нашептывал голос в его голове, когда он возвращался во дворец. Голос, похожий на голос Нары. – *Убийца*».

Бич.

Он приказал голосу замолчать. Дара был оружием Нахид, а у оружия нет чувств.

Коридоры были пустынные, и его шаги звонким эхом отскакивали от древних камней – многие из них пошли трещинами во время землетрясения, сотрясшего город, когда его покинула магия. Джиннов, которым не удалось сбежать из королевской резиденции, вместе с Дэвами, которых уличили в помощи противнику, схватили и согнали в разрушенную библиотеку. Многие ничего из себя не представляли: раненые ученые и гражданские служащие, плачущие женщины гарема и перепуганные слуги-шафиты, – но в толпе Каве указал на несколько десятков вельмож, мужчин и женщин, которые могли бы послужить в качестве заложников, если их соплеменники удумают бунтовать. Кроме Мунтадира, уцелела еще горстка Гезири, которые успели вовремя снять свой реликт.

Дара продолжал идти. *Не про эти ли коридоры ты говорил, когда обещал своим воинам, что в них будет звучать музыка и вы будете праздновать победу и веселиться? Воинам, которые теперь лежат убитыми на берегу, где останутся гнить их тела. Воинам, которые доверяли тебе.*

Дара крепко зажмурился, но не смог унять жар, расплзающийся по его телу. Ондохнул дымящейся золой изо рта и, открыв глаза, увидел пламя на своих ладонях. Кажется, эмир Кахтани говорил, что место Дары в преисподней? Так что его нынешний облик был весьма уместен.

Он услышал стоны раненых в лазарете задолго до того, как прошел через толстые деревянные двери. В стенах царил организованный хаос. Пусть Манижа и лишилась исцеляющей магии, но, благодаря деятельной натуре, ей удалось собрать вокруг себя команду, где каждый занимался своим делом, объединив последователей, которые приехали за ней из становища в северном Дэвастане, слуг, работавших с Нары в лазарете, швей, применяющих свои умения на телах джиннов, и повитуху, которую Манижа забрала из гарема.

Дара заметил бану Нахида в дальнем конце помещения и с недовольством отметил, что она сменила стеганные доспехи, которые она по его настоянию надела во время осады, на более легкую одежду, снятую, вероятно, с чужого плеча: мужскую тунику и фартук с инструментами, уже пропитанный кровью. Ее посеребренные черные волосы были наспех стянуты в пучок, из которого выбивались пряди и падали ей на лицо, когда она склонилась над плачущей Дэвой.

Дара подошел к ней, пал ниц и прижался лбом к земле, намеренно демонстрируя покорность. На фоне неоконченного завоевания и охваченного ужасом города, лишённого магии, их размолвка казалась мелочным беспокойством, и Дара ни за что не стал бы публично подрывать ее авторитет – народ должен верить в неоспоримость ее власти.

– Бану Нахида, – выразительно проговорил он.

– Афшин, – с явным облегчением в голосе отозвалась она. – Вставай. Забудем на время о коленопреклонениях.

Он подчинился приказу, но тон его оставался официальным.

– Я сделал все, что в моих силах, чтобы отрезать квартал дэвов и дворец от остальной части города. Не думаю, что джинны располагают ресурсами для того, чтобы осадить такие высокие стены в ближайшее время, но, если они попытаются, их встретят лучники и Визареш.

– Хорошо. – Ее внимание переключилось на мужчину в другой части лазарета. – Ты нашел пилу? – крикнула она.

К ним подскочил слуга-Дэв.

– Да, бану Нахида.

– Пила? – переспросил Дара.

Манижа кивнула на свою пациентку. Юная девушка жмурилась от боли: сильный укус порвал ее руку в мясо. Место вокруг раны побагровело и распухло.

– Смотрительница симургов в королевском зверинце, – тихо объяснила Манижа. – Когда жар-птицы напуганы, в их слюне начинает вырабатываться яд. Похоже, каркаданн сбежал со своей арены, когда опустились магические ворота, и в общей сумятице одна из птиц укусила ее.

У Дары упало сердце.

– Что будешь делать?

– Если бы у меня были способности, я могла бы вытянуть яд прежде, чем он достигнет ее сердца. Без магии мне остается только одно.

С ужасом Дара осознал назначение пилы, и Манижа, несмотря на перипетии их отношений, решила пожалеть его.

– Это последняя пациентка, которую мне нужно стабилизировать, после чего я хотела бы переговорить с тобой и Каве. – Она кивнула на двери: – Он ждет в соседней комнате.

Дара нерешительно поклонился:

– Да, бану Нахида.

Он пробирался через переполненный лазарет, под завязку набитый ранеными, и не мог не заметить, что все они были Дэвами. И едва ли это означало, что среди пострадавших были только его соплеменники, вовсе нет. Но он подозревал, что, следуя холодной логике их мира, Манижа обратит свое внимание на остальных джиннов только после того, как помощь получат дэвы.

«У нас никогда не будет мира, – в отчаянии подумал он, заходя в двери, на которые указала ему Манижа. – Только не теперь». Поглощенный своими мыслями, Дара понял, куда его направила Манижа, только когда дверь за ним захлопнулась.

Комната Нари.

По сравнению с остальными территориями захваченного дворца, комната Нари казалась тихой и нетронутой. Дара был один, Каве нигде не было видно. Опрятные и красиво обставленные апартаменты на первый взгляд могли принадлежать любой аристократке из племени дэвов. Купель огня из серебра, зажженная в молитвенной нише, наполняла воздух ароматом кедра, а на маленьком расписном столике лежали пара изящных золотых сережек и кольцо с рубином.

Присмотревшись, однако, Дара стал замечать в комнате следы женщины, которую он знал, – женщины, которую любил и предал. Книжки, сложенные кривой стопкой рядом с кроватью, и маленькие, почти вульгарные безделицы: стебель тростника, изогнутый в виде лодочки, засушенная гирлянда цветов жасмина, резной деревянный браслет с любовью были расставлены на окне. На столе рядом с Дарой лежали расческа из слоновой кости и брошенная хлопчатая шаль, и он сдерживался из последних сил, чтобы не прикоснуться к вещам, к которым еще недавно прикасалась Нари, проверяя, сохранился ли на них ее запах.

Она не может быть мертва. Не может – и все. Уступая зову разбитого сердца, Дара рискнул пройти дальше. Чувствуя себя незванным гостем, он провел пальцами по изящной резьбе на столбцах кровати из красного дерева. Он до сих пор помнил, как делал то же самое

шесть лет назад. Каким самодовольным он был в ту ночь, пыша праведным гневом, когда узнал, что Кахтани намереваются выдать Нарю замуж за Мунтадира. Когда Дара проник в ее спальню, он ни на секунду не сомневался в том, что поступает правильно, что Нарю встретит его благодарной улыбкой, возьмет за руку и вместе с ним покинет Дэвабад. Что он спасает ее от страшной судьбы, которой она не могла желать.

Он так бесконечно, бесповоротно заблуждался.

Оглядываясь назад, он с очевидностью понимал, что именно здесь, именно в ту ночь, он потерял ее, и Дара никого не мог в этом винить, кроме себя самого. Он отнял у Нарю выбор – у нее, единственного человека, который видел в нем нечто большее, чем легендарного Афшина, грозного Бича, и, возможно, любил его за это.

– Афшин?

Услышав слабый голос Каве, Дара выпрямился. Старший визирь стоял на крыльце, ведущем в сад, бледный, как полотно, и качался на ногах, как занавеска на ветру.

– Каве! – Дара пересек комнату и протянул руку, чтобы поддержать его. – С тобой все в порядке?

Старший визирь позволил отвести себя к подушкам возле купели огня. Несмотря на теплую погоду, его била дрожь.

– Нет. Я... Манижа сказала мне ждать здесь, но я не... – Его налитый кровью взгляд метнулся к Даре. – Ты обошел весь дворец... Это правда, насчет Гезири?

Дара мрачно кивнул:

– Несколько оставшихся в живых вовремя сняли свои реликты, в том числе эмир, но остальные мертвы.

Каве покачнулся, в ужасе прижав руку ко рту.

– Создатель, нет, – прошептал он. – Пары яда... не должны были распространиться за пределы того места, где его выпустили.

Дара похолодел:

– Это Манижа тебе сказала?

Каве кивнул, раскачиваясь взад-вперед.

– Сколько... сколько их?

Не было смысла притворяться – Каве рано или поздно узнает правду.

– Не меньше тысячи. Среди них были... приезжие, разбившие лагерь в саду, чего мы не ожидали.

Старший визирь издал сдавленный звук.

– О Создатель, лагерь... – Он так туго обхватил голову пальцами, что это наверняка причиняло ему боль. – Там были дети, – всхлипнул он. – Я видел, как они играли. Все должно было быть не так. Я хотел убить лишь Гасана и его подчиненных!

Дара не знал, что сказать. Манижа прекрасно знала, что туман расплзется – они с Дарой горячо из-за этого спорили. Так почему же скрыла это от Каве? Может быть, боялась, что мужчина, которого она любила, воспротивится? Или хотела пощадить его и избавить от угрызений совести, поскольку решение она уже приняла?

Она его ни в чем не пощадил. Манижа сделала из Каве оружие массового поражения, и Дара не знал таких слов, которые могли бы здесь утешить. Слишком хорошо ему было знакомо это чувство.

Он попытался сменить тему разговора:

– Есть новости о Джамшиде?

Каве утер глаза.

– Гасан сказал только, что его держат джинны, которым он доверяет. – Его заколотило пуще прежнего. – Афшин, если он был в Цитадели... если он погиб, когда мы нанесли удар...

– Нет никаких оснований полагать, что он в Цитадели. – Дара опустил перед визирем на колени и взял его за руку. – Каве, тебе нужно успокоиться.

– У тебя нет детей. Тебе не понять...

– Зато я понимаю, что тысячи дэвов могут быть убиты из-за наших действий, если мы утратим контроль над городом. Манижа занята ампутацией конечностей, потому что лишилась магии. Ифриты кружат вокруг нее, выискивая слабое место. Ты ей нужен. Ты нужен *Дэвабаду*. Мы найдем Джамшида, и мы найдем Нарю. Я, как и ты, молюсь, чтобы Создатель был к ним милостив. Но мы не можем им помочь, пока не обеспечим безопасность этого города.

Дверь открылась, и вошла Манижа, плотно затворив ее за собой. Она посмотрела на них, и на ее лице проступила усталость.

– Судя по вашим лицам, вы полны оптимизма.

Она подошла к ним, и Дара напрягся.

– Я поставил Каве в известность о числе погибших Гезири. – Он посмотрел на нее в упор. – Похоже, пар распространился дальше, чем мы предполагали. Почти все Гезири во дворце мертвы...

Стоило отдать ей должное, Манижа не повела и бровью.

– Прискорбно. Что ж, войны часто оказываются более кровопролитными, чем мы надеемся. Если бы Гезири правили по справедливости, нам не пришлось бы прибегать к таким отчаянным мерам. Но, говоря откровенно, несколько сотен мертвых джиннов...

– Не несколько сотен, – вмешался он. – По меньшей мере тысяча, если не больше.

Манижа пристально на него посмотрела, не упрекая за то, что он перебил ее, но Дара не мог не заметить предостережения в ее глазах.

– Тысяча так тысяча. Как бы то ни было, не они наша самая насущная проблема. Речь идет об утрате магии.

На мгновение воцарилась тишина, прежде чем Каве подал голос:

– Вы думаете, это наказание?

Дара нахмурился:

– *Наказание?*

– От Создателя, – прошептал Каве. – За то, что мы учинили.

– Нет, – решительно ответила Манижа. – Я не думаю, что к этому как-то причастно божественное начало. Откровенно говоря, я не вижу божественного начала нигде в этом ужасном городе, и я отказываюсь верить, что Зейди аль-Кахтани мог разорить это место и не понести аналогичного возмездия свыше, если бы дело действительно обстояло так. – Она присела с горестным видом. – Однако думаю, что ты не единственный, кто пришел к такому выводу.

Дара мерил шагами комнату – он был слишком взвинчен, чтобы стоять на месте. Тонна обязательств не давали ему вздохнуть спокойно.

– Как мы будем править городом без магии? Как мы будем *жить* без магии?

– Никак, – ответил Каве, смурнея с каждой минутой. – Наше общество, наша экономика, весь наш мир зиждутся на магии. Половина товаров, которыми торгуют в городе, – магического происхождения. Люди полагаются на чары, чтобы просыпаться по утрам, добираться на работу, готовить пищу. Едва ли каждый двадцатый сможет развести огонь без помощи магии.

– Стало быть, нужно ее вернуть, – сказала Манижа. – Как можно скорее.

Дара перестал расхаживать по комнате.

– Каким образом? Мы даже не знаем, почему это произошло.

– Но мы можем догадываться. Вы оба нервничаете, но мы остались не с пустыми руками. Ты, Афшин, по-прежнему владеешь своей магией, как и ифриты.

Дара скривился от такого сравнения:

– И что из этого?

– То, что исчезнувшая магия – это магия, которую Сулейман даровал нашим предкам *после* их покаяния, – объяснила она. – Твоя магия при тебе, потому что проклятие Сулеймана тебя не коснулось. Ифриты остались при своих фокусах, потому что их магия – другого рода, ее они освоили, чтобы *обойти* проклятие. Не может быть совпадением, что наши силы исчезли именно тогда, когда Нари и Ализейд забрали кольцо Сулеймана и прыгнули в озеро.

Дара задумался над ее ходом мысли.

– Ты в этом уверена?

– Вполне, – ответила Манижа с досадой. – Нари надела кольцо ему на палец, они ушли под воду, и мгновение спустя завеса упала, и мои способности исчезли, – у нее был мрачный вид. – Я смотрела на озеро. Они не выплывали на поверхность.

– А я осмотрел скалы, – тихо добавил Дара. Он чуть не умер тогда, боясь даже думать о том, что может обнаружить Нари, разбившуюся о камни. – Я ничего не нашел. Но падать так невысоко. Возможно, они поплыли в другую сторону, и мы разминулись. Возможно, они прячутся где-то на острове, и Ализейд использует печать, чтобы остановить магию.

Манижа покачала головой:

– Все произошло слишком внезапно. Гасан ушел в уединение на несколько дней, когда впервые принял печать, и, когда вернулся, выглядел так, словно чумой переболел. Не думаю, что это дело рук Ализейда.

Каве прочистил горло.

– Я скажу то, что вы оба говорить не хотите: скорее всего, они мертвы. Такое падение *может* убить. Неизвестно, может, они утонули, и их тела давно ушли на дно.

Сердце Дары сжалось, но Манижа сразу ответила:

– То, что хозяин кольца мертв, не должно влиять на магию повсюду. В конце концов, сколько часов пролежал с ним убитый Гасан?

Дара ущипнул себя за переносицу и снова зашагал по комнате.

– Нари жива, – сказал он упрямо. – Иначе и быть не может. И я ни на секунду не поверю, что марида позволили своей любимой марионетке *утонуть*.

Каве растерялся:

– Почему маридам должно быть до него дело? Из того, что рассказывала мне Манижа, у меня сложилось впечатление, что Ализейд для них – ничто, просто первое попавшееся тело, которым можно воспользоваться, в ночь, когда они убили тебя.

– Для «первого попавшегося» он был определенно щедро вознагражден, – заметил Дара. – Этот пескоплав перебил моих дэвов с помощью магии воды. Визареш сказал, что видел, как Ализейд управляет озером, будто он сам марида.

– Мог бы упомянуть об этом чуть раньше, – возмутился Каве. – Они прыгнули в заколдованное маридами озеро, Афшин! Если эти твари покровительствуют Ализейду...

– Марида обещали мне, что больше не будут вмешиваться в наши дела, – возразил Дара. – Я ясно дал им понять, каковы будут последствия.

Манижа подняла руку, пресекая их спор:

– Довольно. Я не могу думать, когда вы так кричите. – С обеспокоенным видом она поджала губы. – Что, если ему не понадобилось их покровительство?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Дара.

– Имею в виду, что это мог сделать и не Ализейд, – предположила Манижа. – Это ведь *мы* настояли на том, чтобы марида восстановили первоначальные озерные чары, которые позволяли Нахидам путешествовать между водоемами – так мы вернулись в Дэвабад. Но что, если Нари удалось воспользоваться чарами, чтобы сбежать?

Каве разинул рот и побледнел еще больше – Дара искренне удивлялся, как он до сих пор не потерял сознание.

– Это... может быть похоже на правду. В лагере вы оба говорили, что нет никаких свидетельств тому, что печать Сулеймана когда-либо покидала Дэвабад. Может быть, *вэтом* причина, – размышлял Каве, жестикулируя, как чрезмерно воодушевленный лектор. – И если вынести печать за пределы Дэвабада, все разваливается на части. В противном случае, разве не странно, что Кахтани никогда не вывозили печать в Ам-Гезиру и не попытались построить империю ближе к родному дому и своим союзникам?

После осторожного молчания Манижа сказала:

– Хорошая версия. И даже вполне похожая на правду. Однако... если Нар и впрямь прибегла к магии маридов, они могут быть где угодно. Ей достаточно было представить любое место, и они бы переместились...

– Тогда я отправлюсь за ними и найду, – поспешно сказал Дара, не заботясь о том, насколько эмоционально это прозвучало. – Египет. Ам-Гезира. Нар и Ализейд не дураки. Они отправятся куда-нибудь в знакомое и безопасное место...

– Ни в коем случае, – сказал, как отрезал, Каве. – Ты не покинешь Дэвабад, Афшин. Ни на минуту. Не считая ифритов, ты сейчас единственный маг во всем городе. И если джинны и шафиты хоть на мгновение подумают, что тебя здесь нет и нас некому защитить... – Его снова начало трясти. – Ты не видел, что они сотворили с навасатемским шествием. Что они сделали с Низрин. Грязнокровным не нужна магия. У них есть чудовищное человеческое оружие, способное кого угодно разнести в щепки. У них есть «огонь Руми», и винтовки, и...

Рука Манижи легла на запястье Каве:

– Думаю, он все понимает. – Она посмотрела на Дару с пониманием: – Мне катастрофически не хватает моей магии, Афшин. Но мы пролили кровь за этот город, и на первом месте сейчас должен стоять Дэвабад. Нужно придумать другой способ вернуть печать.

Дара и раньше ощущал на себе бремя ответственности, но теперь этот груз придавил его еще сильнее, опутывая плечи и шею, как шарф из колючей проволоки. На сей раз Манижа им не манипулировала. Дара и сам хорошо понимал, какой ценой его народ будет расплачиваться за насилие, начатое их вторжением.

И он не позволит этому случиться.

– Тогда что мы *будем* делать? – спросил он.

– Мы закончим то, что начали: возьмем город – весь город – под свой контроль. Предстоит еще выяснить, осталась ли магия за границами Дэвабада, но об этом лучше пока не распространяться, – добавила Манижа. – Не хватало еще, чтобы шафиты принесли магию в мир людей или джинны разбежались по своим родным местам. Пусть ифриты сжигают любые лодки, пытающиеся пересечь озеро.

Каве заметно вздрогнул при этих словах.

– Но там будут путешественники, приехавшие к Навасатему...

– Тогда и будет разбираться. А теперь более личный вопрос... – Манижа сделала глубокий вдох. – Есть какие-нибудь новости о Джамшиде?

Лицо старшего визиря исказили эмоции.

– Нет, госпожа. Мне жаль. Я знаю только то, что, со слов Гасана, его держат в некоем безопасном месте. Он мог быть в Цитадели, когда она пала...

– Перестань так говорить, – потребовал Дара, впервые наблюдая, как бледнеет Манижа. – Каве, ты сам рассказал мне о восстании Ализейда. Цитадель находилась под его контролем, когда она пала. Стал бы Гасан отправлять туда Джамшида?

Манижа приблизилась к зеркальному столику и взяла в руки расческу Нар.

– Есть еще кое-кто, кто может знать, где Гасан держал Джамшида, – сказала она, проводя пальцами по костяным зубчикам. – Кто-то, кто мог бы заодно рассказать нам о печати Сулеймана и о том, куда могли податься его брат и жена, если они действительно живы. – Она спрятала расческу в карман. – Думаю, пришло время нанести визит бывшему эмиру.

3

Нари

Якуб вернулся в комнату и накинул ей на плечи шаль.

– Ты выглядишь замерзшей.

Нари закуталась в нее потеплее.

– Спасибо.

В тесной аптекарской кладовой было не особенно холодно, особенно рядом с горячим, бессознательным джинном, но Нары все равно не могла унять дрожь.

Она опустила компресс в чашу с прохладной, пахнувшей мятой водой, отжала и положила на лоб Али. Тот пошевелился, но не открыл глаз, а ткань в тех местах, где касалась его разгоряченной кожи, задымилась.

Стоявший рядом Якуб снова заговорил:

– Как долго держится лихорадка?

Нари приложила пальцы к горлу Али. Пульс по-прежнему бился слишком часто, но ей показалось, что темп слегка замедлился по сравнению с тем, что было на берегу реки. Во всяком случае, она на это надеялась, уповая на слова Мунтадира, предупреждавшие, что привыкание к кольцу займет у нового хозяина печати несколько дней, и молила Всевышнего, чтобы все происходящее с ним было нормальным явлением, а не следствием переноса кольца за пределы Дэвабада.

– Сутки, – ответила она.

– А его голова... – Голос Якуба звучал неуверенно. – Она перевязана. Его ударили? Если там открытая рана, она может загноиться...

– Нет.

Нари не знала, что увидит человек, если посмотрит на светящийся знак печати Сулеймана на виске Али, но решила не рисковать и, оторвав лоскут от подола своего платья, туго обмотала ему лоб.

Схватив новую трость – времени прошло действительно немало, – Якуб опустился на землю рядом с ней, бережно удерживая еще одну миску.

– Я принес немного бульона из мясной лавки. Мясник был у меня в долгу.

Ее кольнуло чувство вины.

– Не стоило разминивать на меня свои долги.

– Чепуха. Помогите мне слегка приподнять своего таинственного спутника, чтобы попытаться влить в него немного жидкости.

Нари подняла Али, обхватив его за плечи своими все еще ноющими после реки руками. Он пробормотал что-то во сне, дрожа всем телом, и ее сердце забило чаще. *«Только не умирай»*, – беззвучно взмолилась она, когда Якуб пододвинул ему еще одну подушку.

Якуб молча взял инициативу в свои руки, кое-как влив пару ложек бульона Али в рот и заставляя его проглотить.

– Много не надо, – объяснял он. – Ты же не хочешь, чтобы он захлебнулся.

Он говорил мягко, как будто старался не спугнуть испуганного зверя, и это растрогало Нары и смутило ее почти в равной мере. Сначала она боялась, что он выставит ее за порог, но эти страхи оказались совершенно напрасны: старый аптекарь бросил лишь один взгляд на нее и на больного человека в руках и пригласил войти без лишних вопросов.

Закончив, Якуб сел.

– То ли разум меня подводит, то ли глаза. Всякий раз, когда я смотрю на него, мне мерещится, словно он исчезает.

– Странно, – ответила Нары натянуто. – Мне он кажется нормальным.

Якуб поставил чашу на стол.

– В моем представлении, ты и «норма» никогда не вязались друг с другом. Теперь я должен спросить, не желаешь ли ты показать его настоящему доктору, а не какому-то чокнутому старому аптекарю, но боюсь, я уже знаю твой ответ.

Нари отрицательно покачала головой. Ни один врач из мира людей не мог помочь Али, и она не хотела привлекать лишнего внимания.

– Никаких докторов.

– Так я и думал. В самом деле, зачем поступать логично?

Ага, вот теперь она узнавала своего старого коллегу.

– Я не хочу наживать неприятностей, – объяснила она. – И не хочу, чтобы *у тебя* потом были неприятности. Нам будет лучше пока затаиться. Ты прости меня. Не стоило вот так сваливаться тебе на голову. Я докормлю его бульоном, а потом...

– Что – потом? Пойдешь таскаться с бесчувственным телом по Каиру? – кисло поинтересовался Якуб. – Нет, вы оба останетесь... – Он подскочил и в замешательстве уставился на Али. – Вот, опять, – сказал он. – Готов поклясться, он только что исчез.

– У тебя что-то с глазами, – ответила Нарі. – В твоём возрасте они часто начинают шалить.

Когда Якуб бросил на нее подозрительный взгляд, она выдавила из себя вымученную улыбку.

– Но спасибо тебе за гостеприимство.

Якуб вздохнул:

– Вот что должно было произойти, чтобы ты вернулась. – Он тяжело поднялся на ноги, жестом приглашая ее следовать за собой. – Проходи. Юноша пусть отдыхает, кем бы он ни был. Тебе нужно поесть, а *у меня* накопились вопросы.

Нари насторожилась, но, тем не менее, накрыла Али легким одеялом и поднялась на ноги. Она распрямилась, прогибаясь в позвоночнике, чтобы унять ноющую боль в теле. Она чувствовала себя до ужаса хрупкой.

Это лишь временно. Али очнется, снимет печать, магия вернется, и тогда они во всем разберутся.

У него должно получиться.

Когда Нарі вышла из каморки, в животе у нее заурчало. Якуб не ошибся, она действительно была голодна. Последний раз она ела давно, еще в больнице, вместе с Субхой, когда они усердно ухаживали за жертвами бойни Навасатема.

Всевышний Боже, неужели это было всего два дня назад? Отчаяние снова волной накатило на Нарі. Что станет с Субхой, ее семьей и остальными шафитами в городе, контролируемом Манижей и Дарой, особенно когда новые правители узнают о бойне Навасатема? Помилуют ли ее за спасение жизней дэвов? Казнят за дерзость?

– Идешь? – позвал Якуб.

– Да.

Нарі попыталась отвлечься от своих переживаний, но пребывание в лавке Якуба только сильнее разбередило ей сердце. Аптекарь словно вышел напрямик из ее воспоминаний, такой же неряшливый и уютный, как и всегда. Здесь стоял старый деревянный стол и были разбросаны аптечные приборы, многие из которых выглядели ровесниками Дэвабада. В воздухе витал насыщенный запах специй и трав, в бочонках на пыльном полу хранились сушеные цветки ромашки и кривые имбирные корни, а на полках – банки и стеклянные флаконы с более ценными ингредиентами.

Она провела рукой по потертому столу, пальцами касаясь различных коробочек и безделлиц. В этой пыльной лавке Нарі провела несметное количество часов, помогая Якубу с инвентаризацией и безуспешно изображая, будто она не ловит с жадностью каждое слово, сказанное

им о медицине. В Дэвабаде она многое готова была отдать, чтобы вернуться сюда и провести в Египте еще хоть один день – нарезать травы и толочь семена в солнечном свете, льющемся через высокое окно, пока Якуб болтал бы о лекарствах от желудочных колик и укусов насекомых.

Ни в одной из своих фантазий Нары не возвращалась, спасаясь от кровавого переворота в Дэвабаде, совершенного руками тех, кого она считала погибшими, тех, кого она, возможно, даже любила в прежней жизни, и тем более подумать не могла, что вернется сюда с тем, кто по факту считался ее врагом.

Якуб пощелкал пальцами у нее под носом, после чего показал на бумажный пакет в брызгах масла.

– Самбусаки. Ешь, – буркнул он, усаживаясь на табурет. – Будь я умнее, выдавал бы тебе по штуке за каждый ответ на вопрос.

Нари открыла пакет с целой охапкой пирожков, и в животе от такого изобилия заурчало, от запаха жареного теста закружилась голова.

– Тогда ты был бы очень плохим хозяином. В конце концов, ты назвал меня гостьей. – Она проглотила первый пирожок, едва разжевывая, и блаженно прикрыла глаза, наслаждаясь вкусами соленого сыра и маслянистой выпечки.

Якуб улыбнулся.

– Ты все та же уличная девчонка. Помню, как я кормил тебя в первый раз – никогда не видел, чтобы ребенок ел с такой скоростью. Я боялся, что ты подавишься.

– Уже не ребенок, – возразила она. – Мне было лет пятнадцать, кажется, когда начали работать вместе.

– Ребенок, – мягко настоял Якуб с болью в голосе. – Притом явно очень, очень одинокий. – Он помешкал. – Я... когда ты пропала, я пожалел, что не попытался протянуть тебе руку. Мне следовало открыть для тебя свой дом, найти достойного мужа...

– Я бы отказалась, – задумчиво произнесла Нары. – Я бы подумала, что это какая-то ловушка.

Якуб удивился:

– Неужели даже в последнее время ты мне не доверяла?

Нари проглотила последний кусок и взяла протянутую чашку с водой.

– Дело не в тебе... Я никому не доверяла, – сказала она, только сейчас это осознавая. – Я боялась доверять. Мне всегда казалось, стоит один раз оступиться, и я потеряю все, что у меня есть.

– Ты повзрослела.

Она через силу пожала плечами и опустила взгляд, чтобы он не увидел эмоций на ее лице. Она начинала доверять джиннам в Дэвабаде – настолько, насколько Нары вообще была способна доверять кому бы то ни было. У нее появились друзья и наставники – ее корни. Низрин и Субха, Элашия и Разу, Джамшид и Али, и даже в какой-то мере Мунтадир и Зейнаб.

Пока первый мужчина, которому она сумела довериться, первый мужчина, которому она открыла свое сердце, не вырвал эти самые корни и не сжег все, что она построила, в ярком пламени.

Аппетит пропал.

– Это были долгие несколько лет. – Нары сменила тему разговора. – Как твои дела? Хорошо выглядишь, – добавила она. – Я сомневалась, что ты до сих пор...

– Что? Жив? – хмыкнул Якуб. – Я не настолько стар. Колено все так же ноет, и зрение уже не такое острое, как раньше, как ты уже любезно заметила, но я все еще дам фору половине конкурентов, которые подмешивают мел и сахарный сироп в маркированные товары.

– Не думал взять себе кого-нибудь в подмастерья? – кивком головы она указала на беспорядок в лавке. – Тут много работы.

Он скорчил гримасу:

– Я звал уже нескольких зятьев и внуков. Одни лентяи, от других – толку как от козла молока.

– А дочерей и внучек?

– Пусть дома сидят, – твердо сказал он. – Слишком много войн у нас было, слишком много иностранных солдат слоняется без дела по нашим улицам. Французы, англичане, турки – всех уже не упомнишь.

Нари в недоумении отстранилась.

– Англичане и турки? Но... разве нами управляют не французы?

Якуб посмотрел на нее, как на умалишенную.

– Французы ушли уже несколько лет назад. – На его лице отразилось еще большее недоумение. – Нары, где ты пропадала, что не знала о войне? Сражения шли по оба берега Нила, на улицах Каира... – Его голос сделался ожесточенным. – И все – иностранцы. Они проливали кровь на нашей земле, захватывали нашу пищу, наши дворцы, несметные сокровища, которые якобы выкапывали из-под земли, а затем каждый из них заявлял, что все это для нашего блага, потому что именно он сумеет править нами лучше остальных.

У нее сжалось сердце:

– А теперь?

– Опять османы. Новый султан. Говорит, теперь все будет по-другому, он-де хочет возглавить современный и независимый Египет. – Якуб недовольно фыркнул. – Он многим нравится, да и некоторые его идеи тоже.

– Но не тебе?

– Нет. Говорят, он уже начинает задвигать некоторых египетских аристократов и священнослужителей, которые его поддерживали. – Он покачал головой: – Я не верю честолюбцам, которые уверяют, что единственный путь к миру и процветанию лежит в наделении их большей властью – особенно когда они хотят властвовать над землями и людьми, которые им не принадлежат. А европейцы еще вернутся. Люди не пересекают океан ради войн, если не рассчитывают на компенсацию своих вложений.

Слушая его, Нары заставила себя съесть еще один пирожок. Казалось, где бы она ни была, ее народ притесняли пришлые правители и истребляли в войнах, которых они не развязывали. По крайней мере, в Дэвабаде Нары обладала хоть какой-то властью и предпринимала все возможное, чтобы что-то изменить: для начала заключила брак с Мунтадиром и восстановила больницу. И даже это ничего не дало, а ее попытки по установлению мира снова и снова рушились под натиском агрессоров.

Якуб оперся на стол.

– А теперь, когда ты уже дважды успешно сменила тему, вернемся к вопросам, которые у меня накопились: что случилось? Где ты пропадала все эти годы?

Нары посмотрела на него. Она сомневалась, что даже себе сможет ответить на этот вопрос, не говоря уже о человеке, который не мог иметь ни малейшего представления о волшебном мире.

Человек. Как долго ей не приходилось использовать это слово? Осознание смутило ее, заставляя с еще большей неловкостью подыскивать слова для ответа.

– Ну, это долгая история...

– Ах, ты торопишься? Тебя где-то ждут? – Якуб погрозил ей дрожащим пальцем. – Дитя мое, ты должна быть благодарна этим войнам. Они отвлекали народ от слухов, которые поползли после твоего исчезновения.

– Слухи?

Он помрачнел.

– В Эль-Карафе нашли убитую девочку. Поговаривали, что она была убита стрелой, которая словно дошла до нас со времен Пророка, в окружении десятков гниющих трупов, развороченных гробниц, разбитых могил – будто сами мертвецы проснулись, не дай Бог, конечно. Жуткие ходили разговоры, включая сплетни о том, что ранее тем вечером она принимала участие в заре. Который проводила...

– Я, – закончила за него Нари. – Ее звали Басима. Ту девочку, я имею в виду. – От ее взгляда не укрылось, что он слегка отпрянул.

– Но ты ведь не имеешь отношения к ее смерти?

Ох, Создатель, Нари так устала лгать дорогим ее сердцу людям.

– Конечно, нет, – прохрипела она в ответ.

– Тогда почему ты пропала? – спросил Якуб с обидой. – Я так переживал за тебя, Нари. Знаю, я тебе не родной человек, но могла бы и послать мне весточку.

Чувство вины усилилось, но, по крайней мере, на это Нари могла ответить честно.

– Я бы так и сделала, если бы могла, друг мой. Клянусь. – Она живо соображала, как ему все объяснить. – Меня забрали... чтобы спасти. Но там, где я оказалась, за мной строго следили, – что, пожалуй, было самой мягкой оценкой правления Гасана аль-Кахтани, из когда-либо озвученных. – В общем, поэтому мы и здесь. Мы вроде как... в политической ссылке.

Пока она говорила, седые кустистые брови Якуба ползли все выше, но теперь он смотрел на нее с непониманием.

– Мы? – переспросил он.

– Мы с ним, – ответила Нари, кивнув на спящего Али, которого было видно через дверной проем. Якуб оглянулся на него и вздрогнул:

– Боже, совсем забыл о нем!

– Да, с ним это часто бывает.

Нари не то чтобы жаловалась. Если Али придет в себя в Каире, для всех будет лучше, если люди не смогут видеть – и, что еще важнее, слышать – принца джиннов, который имел обыкновение говорить неподходящие вещи в неподходящий момент.

Если он придет в себя. От одной мысли так и подмывало вернуться и проверить его состояние.

Якуб все еще разглядывал его ноги, щурясь так усердно, будто стараясь этим удержать юношу в поле зрения.

– А кто же такой этот «он»?

– Друг.

– Друг? – Он неодобрительно прищелкнул языком. – Какой еще «друг»? Вы не женаты? Чувство вины как рукой сняло.

– Я пропадаю с кладбища, полного выкопанных скелетов, чтобы шесть лет спустя заявиться к тебе на порог, а твоя главная забота – является ли мне законным мужем человек, которого ты и видишь-то с трудом?

Якуб залился краской, но позиций не сдавал.

– Выходит, ты и этот твой *не-муж* – политические ссыльные? Откуда же?

Из волшебного города джиннов.

– С острова, – ответила она. – Одно крошечное островное королевство. Сомневаюсь, что ты о нем слышал.

– И где этот остров?

Нари сглотнула.

– В Афганистане! – рискнула она. – Ну, то есть... примерно в том регионе.

Якуб скрестил руки на груди.

– Остров. В Афганистане? Где? В бескрайней пустынной степи или за скалистыми горами, откуда до моря несколько недель пути?

Услышав его саркастичный ответ, Нари еще больше загрустила. Как быстро они вернулись к привычным словесным перепалкам и колким замечаниям Якуба, которым она всегда доверяла больше, чем сочувственным словам.

Ее вдруг охватило желание рассказать ему все как есть. Али, похоже, умирал, и магия, которая с самого детства являлась неотъемлемой частью Нари, исчезла, а ее мир был охвачен войной. Нари хотелось, чтобы кто-нибудь пообещал, что все будет хорошо, и прижал ее к груди, пока она проливает столь редкие в своей жизни слезы.

Она смотрела на Якуба, морщины, пролегшие на его усталом лице, и ласковые, по-человечески карие глаза. Какие ужасы он повидал за эти войны, которые пропустила Нари? Как выживал, успевая вести дела в лавке и содержать семью в городе, полном враждебно настроенных иностранцев, – в городе, где его вера выдавала в нем чужака и, возможно, навлекала подозрения – чудовищное положение, с которым Нари успела познакомиться не понаслышке.

Нари не станет добавлять ему новых потрясений.

– Дедушка... ты всегда давал понять, что не хочешь знать обо мне некоторых вещей. Так что поверь, что ты не захочешь услышать эту историю.

Глаза Якуба померкли, на лице проступила тихая печаль.

– Понимаю. – На мгновение воцарилось напряженное молчание, но, когда он заговорил снова, его голос был мягким: – Ты попала в беду?

Нари с трудом сдержала истерический смех. Она обвела вокруг пальца Манижу – женщину, которая взглядом ломала конечности и воскрешала мертвых Афшинов из пепла, – и украла у нее кольцо с печатью, за которым ее мать охотилась не одно десятилетие. Да, можно было сказать, что Нари попала в беду.

Она опять солгала:

– Думаю, сейчас я в безопасности. По крайней мере, на первое время, – добавила она, молясь, чтобы это не оказалось ложью.

Нари не исключала, что способности Манижи позволяли ей выследить их с Али, но Дэвабад все-таки находился в другом мире и, судя по всему, сейчас был погружен в хаос. Нари надеялась, что ее мать будет слишком озабочена вопросами престола, чтобы так скоро начинать за ними охоту.

Но рано или поздно она придет. Нари заметила голод на лице Манижи, когда та заговорила о печати Сулеймана.

Возможно, она пошлет Дару. Бог ей свидетель, Нари почти желала встречи с ним. Она хотела посмотреть ему в глаза, чтобы понять, как этот харизматичный воин, сопровождавший ее в Дэвабад, флиртовавший с ней и угощавший похлебкой своей матери, мог добровольно принимать участие в штурме, который грозил обернуться убийством всех до единого Гезири: мужчин, женщин и детей.

И что потом? Убьешь его? Сможет ли она? Или Дара в очередной раз отметет прочь мнения Нари и ее мольбы и просто вырвет сердце у Али из груди, а потом потащит за собой и представит на суд Маниже?

– Нари? – Якуб внимательно смотрел на нее.

Опустив взгляд, она заметила, что раздавила в кулаке недоеденное лакомство.

– Прости. Я... просто задумалась.

– У тебя усталый вид. – Якуб кивнул в сторону кладовой: – У меня там есть лишнее одеяло. Почему бы тебе не вздремнуть? А я схожу домой и поищу для вас обоих чистую одежду.

Ее снова окатило стыдом.

– Не хочу злоупотреблять твоим гостеприимством.

– Ты это брось. – Якуб уже поднимался на ноги. – Не обязательно все и всегда делать в одиночку. – Он махнул рукой, подгоняя ее: – Ступай, отдохни.

Нари нашла второе одеяло на тонком, скрученном в рулон тюфяке и расстелила их на полу. Облегченно вздохнув, она завалилась в постель. Лежать плашмя было неопишимо приятно – хоть какая-то поблажка ее измученному телу. Она протянула руку, нащупала рядом с собой запястье Али и снова проверила пульс.

Замедлился. Всего на один или два удара, и влажная кожа по-прежнему горела – но хотя бы не обжигала. Он пошевелился во сне, что-то бормоча себе под нос.

Она переплела свои пальцы с его, и к горлу подступил комок.

– Женщина спит рядом с тобой и держит тебя за руку, – предостерегла она срывающимся голосом. – Тебе нужно проснуться и немедленно пресечь подобное безобразие.

Ответа не последовало. Нары его и не ожидала и все же почувствовала, что балансирует на грани отчаяния.

– Не умирай с непопленным долгом, аль-Кахтани. Клянусь, я разыщу тебя в раю, и тебя выгонят оттуда взашей за то, что связался с недостойной воровкой. – Она стиснула его руку. – Прошу тебя.

4

Дара

Извилистый туннель, ведущий к дворцовым подземельям, был мрачен, как и его конечная точка – узкий коридор, уходящий глубоко в городские скалы, который освещался лишь редкими факелами и провонял плесенью и застарелой кровью. Древние дивастийские орнаменты на стенах сообщали о том, что туннель был проложен еще во времена Совета Нахид, но Дара никогда не бывал здесь.

Но слышал он, конечно, всякое. Все слышали – в том-то и был смысл. Слухи о трупах, оставленных перегнивать в тошнотворный ковер из костей и разлагающихся кишок, недобро встречали новых заключенных, которые внезапно решали сделать выбор в пользу чистосердечного признания во всех преступлениях. О попытках рассказывали еще больше ужасов: галлюцинации о гибели близких, насланные мастерами иллюзий, и яды, плавающие плоть. Темнота, почти полное отсутствие воздуха и тесные камеры смерти, где оставалось лишь медленно сходить с ума.

Если бы Зейди аль-Кахтани преуспел в своих попытках пленить его, Дара не сомневался, что эта участь ожидала бы и его. Что лучше укрепит твои позиции, как не последний Афшин, мятежный Бич, брошенный гнить в темнице и сходить с ума под узурпированным тронном в виде шеду? Мысли о таком наказании не выходили у Дары из головы и тогда, когда он сопровождал Нарю в Дэвабад и потребовалось все его мужество и бравада, чтобы смотреть Гасану аль-Кахтани в глаза и не представлять, как его тащат туда, где он проведет остаток вечности в темной каменной клетке.

Однако он даже не предполагал, что высокомерному эмиру при Гасане, наследовавшему все его богатства и привилегии, суждено оказаться здесь вместо него.

Они с Манижей повернули за угол, и Дара шагнул к ней ближе.

– Ты хорошо знала Мунтадира, когда жила в Дэвабаде?

Манижа покачала головой:

– Он едва вышел из отроческого возраста, когда я уехала, а в гареме дети джиннов считали меня ведьмой, способной ломать кости одним только взглядом.

– Ты и способна.

– Вот и ответ на твой вопрос, не так ли? Нет, Мунтадира я почти не знала. Мать дорожила им и старалась держать его от меня подальше. Он был юн, когда ее не стало, но Гасан сразу велел переселить его из гарема в эмирские покои. И, если верить всему, что я слышала, свое резкое и публичное взросление он пережил, вливая в себя все, что можно, и прыгая из одной придворной койки в другую.

Ее ответ сочился презрением, но Дара не спешил недооценивать сына, воспитанного Гасаном для правления разобщенным городом.

– Он отнюдь не глуп, бану Нахида, – предупредил он. – Безрассуден и не воздержан в пьянстве, но точно не глуп, особенно когда речь заходит о политике.

– Охотно верю. И даже рассчитываю на это, потому что отказаться говорить с нами было бы очень глупо с его стороны.

Дара прекрасно понимал, на что она намекает.

– Они помогают хуже, чем ты думаешь, – предупредил он. Когда Манижа метнула в него вопросительный взгляд, Дара сказал прямо: – Попытки. Причины джинну достаточно сильную боль, и он скажет все, что угодно, даже ложь, лишь бы ее прекратить.

– А у тебя, полагаю, достаточно опыта, чтобы вынести такое суждение, – проговорила Манижа с сожалением на лице. – Но, возможно, я знаю другой способ достучаться до него.

– Например?

– Правда. Надеюсь, такое резкое отклонение от курса, которого обычно придерживались наши семьи в общении друг с другом, застанет его врасплох и заставит выдать чистую правду в ответ.

Гуштап, один из уцелевших солдат Дары, сторожил массивную железную дверь, настенный факел отбрасывал яркий свет на его измученное лицо. Заметив их, он вытянулся по стойке «смирно» и нервно поклонился:

– Бану Нахида.

– Да будет гореть твой огонь вечно, – поприветствовала его Манижа. – Как он?

– Пока тихо, но пришлось приковать его цепью к стене – он бился головой о дверь.

– Мунтадир думает, что я вернулся из ада, чтобы отомстить его семье, – объяснил Дара в ответ на удивление Манижи. – Убиться самому до моего возвращения, пока я не убил его более болезненным способом, кажется ему разумным планом.

Манижа вздохнула:

– Хорошее начало. – Она положила руку на плечо Гуштапу: – Сходи, завари себе чаю и пришли кого-нибудь себе на замену. Нельзя подолгу дежурить в этом склепе.

Лицо юноши засветилось от облегчения:

– Спасибо, бану Нахида.

Дара толкнул дверь, и та громко заскрежетала, царапая тяжелым деревом пол. И хотя он доверял своим солдатам, Дара непроизвольно потянулся к кинжалу, прежде чем войти в черную камеру. Воспоминания об убитых Гезири были слишком свежи в его памяти, а Дара прекрасно понимал, как бы сам отреагировал, оказавшись лицом к лицу с теми, кто поступил так с его народом.

Сначала он почувствовал запах: кровь, гниение и испражнения, настолько зловонные, что ему пришлось зажать нос, борясь с тошнотой. Затрещала магия, и Дара наколдовал в воздухе три огненных шара, которые залили камеру золотистым светом. Их пламя обнажило то, чего боялся все эти годы Дара, хотя бесславный «ковер» изрядно поистрепался за годы, оставив от себя лишь почерневшие кости и лохмотья.

Мунтадир нашелся у противоположной стены, по рукам и ногам скованный железными кандалами. Вчерашний фронт, эмир Дэвабада все еще был одет в одежду с прошлой ночи, безнадежно испорченную: окровавленные штаны и дишдашу, изорвавшуюся настолько, что та висела у него на шее, как шарф. Поперек живота тянулся неглубокий порез – рана, несомненно, серьезная, но мало напоминающая то, как она выглядела до исчезновения магии, когда смертоносный яд зультфикара неумолимо бежал по телу зловещими черно-зелеными дорожками.

Мунтадир дернулся от внезапного света и часто заморгал. Едва он встретился взглядом с Дарой, его лицо исказилось ненавистью.

И тогда он заметил Манижу.

Мунтадир разинул рот, из горла вырвался сдавленный хрип. А потом рассмеялся истерическим, злым смехом.

– Ну, разумеется, – сказал он. – Разумеется, это твоих рук дело. Кто бы еще был способен на такое?

– Здравствуй, эмир, – поздоровалась Манижа почти учтиво.

Мунтадир передернулся, словно сам звук ее голоса был ему отвратителен.

– Я видел, как тебя сожгли на погребальном костре, – он метнул на Дару свирепый взгляд. – Видел, как *ты* обратился в прах. Что за дьявольскую сделку вы заключили, чтобы вернуться и устроить такое кровопролитие среди моего народа?

Дара напрягся, но Манижа оставалась невозмутима.

– Все гораздо проще, уверяю тебя. – Она указала на его рану: – Не возражаешь, если я тебя осмотрю? Рану нужно дезинфицировать и, возможно, наложить швы.

– Я бы предпочел смерть. Где мой брат? – Голос Мунтадира взволнованно дрогнул. – И Нарй? Что вы с ними сделали?

– Не знаю, – ответила Манижа. – В последний раз я их видела, когда Ализейд присвоил себе кольцо с печатью Сулеймана, схватил мою дочь и нырнул в озеро. С тех пор о них никто не слышал.

А я-то думал, намечался честный разговор. И все же, не кривя душой, Дара и сам хотел бы принять эту версию за чистую монету. Куда легче занять новую причину ненавидеть Ализейда, чем признать тот неприятный факт, что Нарй сама перешла на другую сторону.

– Я тебе не верю, – сказал Мунтадир. – Озеро убьет любого, кто в него окупнется. Али бы не стал...

– Серьезно? – перебила Манижа. – Твой брат и раньше общался с маридами. Может быть, он знал, что те помогут ему.

Выражение лица Мунтадира оставалось бесстрастным.

– Понятия не имею, о чем ты...

Заговорил Дара:

– Будет тебе, Кахтани. Ты сам видел, как он использует магию воды. Прямо у нас на глазах. И ты был на корабле в ту ночь, когда он упал за борт и им овладели марида.

Эмир не шелохнулся.

– Али не упал в озеро, – сказал он холодно, непринужденно повторяя давно заученную ложь. – Он запутался в корабельных сетях, но успел вовремя очнуться и сразил тебя. Хвала Всевышнему за такого героя.

– Странно, – сказал Дара, вторя его бесстрастности. – А мне вот помнится, как ты выкрикивал его имя, когда он скрылся под водой. – Он шагнул ближе. – Я встречался с маридами, эмир. Ты меня считаешь чудовищем, но ты и понятия не имеешь, что они за существа. Для переговоров они используют разлагающиеся тела своих мертвых приспешников. Они презирают наш род. А знаешь, как они называли твоего брата? Ошибкой. Ошибкой, которой они остались *очень* недовольны, потому что оказались из-за нее в долгу передо мной. А теперь он исчезает в их владениях, вместе с твоей женой и одним из самых могущественных магических артефактов нашего мира.

Мунтадир ответил на его пристальный взгляд:

– Если им удалось уйти от вас, мне плевать, кто им в этом помог.

Вмешалась Манижа:

– Куда они могли направиться, Мунтадир?

– Зачем ты спрашиваешь? Чтобы и то место тоже отравить? – Мунтадир рассмеялся. – Ах да, точно, сейчас ты ни на что не способна, верно? Или думаешь, я не заметил? Магия исчезла у всех, кроме твоего Бича, – он хмыкнул. – Поздравляю, Манижа, ты добилась того, чего не удавалось еще ни одному захватчику: ты покалечила Дэвабад.

– Не мы забрали печать из города, – заметил Дара. – Ведь поэтому так все вышло с магией, не так ли?

Глаза Мунтадира округлились в напускном недоумении:

– В самом деле, странное совпадение.

– И как же ее восстановить? – спросила Манижа. – Как нам вернуть магию?

– Даже не знаю, – Мунтадир пожал плечами. – Можно попробовать подружиться с пророком из человеческого рода. Желаю удачи на этом поприще, правда. Думаю, у вас есть около недели, пока в Дэвабаде не наступила полная анархия.

Надменная язвительность эмира нервировала Дару, но Манижа оставалась невозмутимой.

– Ты не производишь впечатление мужчины, которому понравится наблюдать, как его родина погружается в анархию. Это совсем не похоже на того милого мальчика из моих воспо-

минаний – учтивого юного принца, который всегда завтракал в гареме рядом со своей матерью. Бедная Саффия, так рано покинула этот мир...

Мунтадир попытался вырваться из цепей.

– Не смей произносить ее имя, – взревел он. – Это ты убила мою мать. Я знаю, ты специально оставалась в отъезде во время ее болезни. Ты ей завидовала, завидовала всем нам. Наверное, уже тогда замышляла убить всех джиннов, которые пытались быть с тобой добрее!

– *Пытались быть со мной добрее*, – повторила она еле слышно, и в голосе ее слышалось разочарование. – А я думала, что ты умнее. Жаль, что при всей любви, которую ты якобы питаешь к Дэвам, ты никогда не замечал лжи собственного отца.

Лицо Мунтадира, забрызганное кровью, бешено перекошило.

– Что бы он ни натворил, это не заслуживает той смерти, какую ты навлекла на мой народ.

– Когда твое правление жестоко, ожидай и жестокого переворота, – ответила Манижа уже резче. – Но это можно остановить. Помоги нам, и я помилую выживших Гезири.

– Катись ты...

Дара зашипел, готовый вступить за Нахид по первому слову, но Манижа махнула на него рукой и шагнула к Мунтадиру ближе. Дара поглядывал на кандалы эмира, не одобряя складывающейся ситуации.

– Я помню, что навещал ты не только свою мать, – продолжала Манижа. – Если память мне не изменяет, ты всегда был любезен со своей мачехой и буквально осыпал ее золотом, когда у нее родился первый ребенок. Какую прелестную игрушечную лошадку подарил эмир своей маленькой сестричке, говорили женщины. И даже сочинил смешную песенку о том, как однажды научит ее ездить верхом...

Мунтадир натянул цепи.

– Не смей говорить о моей сестре.

– Но почему? – спросила Манижа. – Кто-то же должен. Столько вопросов о твоём брате, твоей жене, и ни одного о Зейнаб? Неужели тебя не беспокоит ее судьба?

Первые признаки беспокойства промелькнули в лице Мунтадира.

– Я отправил ее в Та-Нтри, когда мой брат поднял мятеж.

Манижа улыбнулась:

– Странно. А ее служанки говорят, что она сбежала с какой-то гезирской воительницей, когда началась осада.

– Они лгут.

– Или они, или ты, – пожалала она плечами. – Все еще хочешь смотреть на расцвет анархии в Дэвабаде, когда твоя сестра где-то здесь, совсем одна и такая незащищенная? Ты ведь знаешь, что случается с женщинами в городах, охваченных насилием? – Она повернулась к Даре и обратилась к нему впервые с тех пор, как они вошли в камеру: – Может, ты ему расскажешь, Афшин? Что бывает с молодыми девушками из семей, наживших такое количество врагов?

Дара забыл, как дышать.

– Что? – прошептал он.

– Что случилось с твоей сестрой? – не отступала Манижа, словно не замечая болезненного выражения, исказившего его черты. – Что случилось с Тамимой, когда она оказалась в том же положении, что и Зейнаб?

Дара покачнулся на ногах. *Тамима*. Светлая, невинная улыбка его сестры, и ее чудовищная участь.

– Ты... ты знаешь, что случилось, – пробормотал он. Не может быть, чтобы Манижа требовала от него произнести это вслух, рассказать о том, как жестоко истязали его младшую сестру.

– А эмир знает?

– Да. – Голос Дары звучал безумно. Он не мог поверить, что Манижа действительно так поступает, грубо используя самую большую трагедию в его жизни как импульс, чтобы заставить Кахтани говорить. Но Мунтадир все знал – он не преминул напомнить Даре о смерти Тамимы той ночью на корабле.

Манижа продолжала напирать:

– А если бы ты мог повернуть время вспять, разве бы ты не пошел на все, чтобы спасти ее? Даже на сделку с врагом?

Терпение Дары неожиданно лопнуло.

– Я бы лично сложил всех членов Совета Нахид к ногам Зейди аль-Кахтани, если бы это означало спасение Тамимы.

Это Маниже явно не понравилось, и в темных глазах вспыхнуло прежде незнакомое ему выражение.

– Ясно, – сказала она ледяным тоном. Она наградила Дару долгим взглядом и снова повернулась к Мунтадиру: – Ты еще не передумал, эмир? Ты готов рискнуть своей сестрой, зная, что с ней может случиться то же, что и с сестрой Афшина?

– Не случится, – отрезал Мунтадир. Уловка даже не сработала. – Зейнаб не окружена врагами, и мои подданные никогда не причинят ей вреда.

– Они могут изменить свое мнение, если я предложу ее вес в золоте тому, кто принесет мне ее голову. – Бесстрастный голос Манижи не дрогнул, вынося эту страшную угрозу, и Дара прикрыл глаза, желая оказаться подальше отсюда. – Но если ты не готов обсуждать безопасность своей сестры, почему бы нам не начать с кого-нибудь другого?

– Если ты думаешь, что я расскажу тебе о Нарии...

– Не Нария. Джамшид э-Прамух.

Дара наострил уши.

Лицо эмира ничего не выражало, гнев сменился маской равнодушия.

– Никогда о таком не слышал.

Манижа улыбнулась и снова перевела взгляд на Дару:

– Афшин, твой колчан под рукой?

Он едва мог смотреть на нее, не говоря уже о том, чтобы отвечать, поэтому он просто молча поднял руку. В то же мгновение в его ладони закружился огненный вихрь, превратившись в колчан с охапкой сверкающих серебряных стрел.

– Превосходно. – Манижа выудила из колчана одну стрелу. – Получится двенадцать, верно? – спросила она Мунтадира. – Если я всажу в тебя две за каждую, что пронзила Джамшида, когда он спасал тебе жизнь?

Мунтадир взглянул на нее, и его голос снова окрасился высокомерием:

– Сама возьмешься за лук? Потому что у твоего Афшина довольно непокорный вид.

– Лук мне не понадобится, – сказала Манижа и воткнула стрелу в бедро Мунтадира.

Дара мигом позабыл о своих обидах.

– Бану Нахида!

Не обращая на него внимания, она провернула стрелу, и Мунтадир взвыл от боли.

– Ну, теперь вспомнил, эмир? – повысила она голос, перекрикивая его вопли.

Мунтадир тяжело дышал.

– Сумасшедшая, садистка... Постой! – вскрикнул он, когда Манижа потянулась за новой стрелой. – Боже, зачем тебе вообще понадобился сын Каве? От него тоже будешь угрозами добиваться послушания?

Манижа опустила стрелу, и Мунтадир осел на землю.

– Я дам Джамшиду то, что ему положено по праву рождения, – сообщила она, глядя на эмира с тем же высокомерием, с каким смотрел на нее он. – Я верну ему статус, которого он заслуживает, чтобы однажды увидеть его на троне его предков.

Дара не знал таких слов, какими он мог бы описать выражение, появившееся на лице Мунтадира. Он часто заморгал, открывая и закрывая рот, как рыба.

– К-какой статус? – спросил Мунтадир. – Что значит «трон его предков»?

– Высунь голову из песка, Кахтани, и постарайся вспомнить, что мир не вращается вокруг твоей семьи. Неужели ты и впрямь считаешь, что я тогда осталась в Зариаспе, рискуя навлечь на себя гнев твоего отца, который умолял меня спасти умирающую королеву, просто чтобы досадить ему? Я не могла вернуться, потому что была беременна и знала, что Гасан уничтожит мой мир, если узнает об этом.

Мунтадира забила дрожь.

– Это невозможно. У него нет способностей к исцелению. Каве не привез бы его в Дэвабад. И Джамшид... Джамшид бы сказал мне!

– Ах, то есть сначала мы не знали его имя, а теперь, оказывается, вы были настолько близки, что он поделился бы с тобой своей самой опасной тайной? – Гнев наконец прорвался сквозь холодный фасад Манижи. – Джамшид понятия не имеет, кто он такой. Мне пришлось заблокировать его дар, лишиться наследия, чтобы из него не сделали невольника при лазарете, как из меня в свое время. И рассказываю я это тебе только потому, что ты сейчас ясно дал понять, как много для тебя значит семья... и должен знать, что я пойду буквально на все, чтобы защитить сына.

Мучительная гримаса перекосило лицо Мунтадира.

– Я не знаю, где Джамшид. Ваджед вывез его из города. Его хотели оставить своего рода заложником...

– Заложником? – перебили Манижа. – Ты позволил использовать спасителя твоей жизни в качестве заложника?

Дара едва мог смотреть на Мунтадира – чувство глубокой вины, исходившее от эмира, оказалось слишком знакомо.

– Да, – прошелестел Мунтадир, и в его хриплом голосе звучало раскаяние. – Я пошел к отцу, но опоздал. Он был уже мертв.

– А если бы не яд, лишивший Гасана жизни, что тогда? – подтолкнула Манижа. – На что ты готов был пойти?

Мунтадир крепко зажмурился, пытаясь дышать сквозь боль, сжимая обеими руками древко стрелы, все еще торчащее у него из ноги.

– Не знаю. Али захватил Цитадель. Я хотел попытаться уговорить отца, настоять на том, чтобы он отпустил Джамшида и Нарю...

– А если бы он этого не сделал?

Его ресницы влажно блеснули. Его слова, когда он снова заговорил, были едва слышны:

– Я бы встал на сторону Ализейда.

– Я тебе не верю, – заявила Манижа. – Ты, доблестный сын Ам-Гезиры, предал бы родного отца, чтобы спасти жизнь Дэва?

Мунтадир открыл налитые кровью глаза. Они были полны боли.

– Да.

Манижа не сводила с эмира глаз.

– Ты его любишь. Джамшида.

Дара почувствовал, как кровь отхлынула от его лица.

Мунтадир выглядел совершенно разбитым. Его дыхание участилось, плечи затряслись.

– Да, – выпалил он снова.

Манижа присела на корточки. Дара не смел шелохнуться, потрясенный поворотом в разговоре. Создатель, как Манижа узнала о Мунтадире с Джамшидом? Даже Каве не хотел, чтобы она знала!

Она продолжала говорить:

– Мы оба знаем, как предан твоему отцу был Ваджед. Говорят, он буквально воспитывал Ализейда как собственного сына. – Она помолчала. – Как по-твоему, что Ваджед и его подданные – славные гезирские воины – сделают с Джамшидом, когда узнают, что их король, их любимый принц и все их сородичи погибли якобы от рук Каве?

Несмотря на свое враждебное отношение к Кахтани, Даре было тошно видеть панику, медленно проступающую на лице Мунтадира. Он слишком хорошо понимал, что сейчас чувствует эмир.

– Я... я оповещу Ваджеда. – Эмир уже сдался и даже не понял этого. – Письмо! Я пошлю письмо со своей печатью, в котором прикажу не причинять вреда Джамшиду.

– Как мы пошлем это письмо? – спросила Манижа. – Магии нет. Нет метаморфов, умеющих летать, нет заклинаний, которые нашептывают птицам. Мы даже не знаем, куда направить твою весточку.

– В Ам-Гезиру, – выпалил Мунтадир. – На юге стоит наша крепость. Или в Та-Нтри! Если Ваджед узнает об отце, он может направиться к королеве.

Манижа положила руку ему на колено:

– Благодарю тебя за информацию. – Она поднялась на ноги. – Остается молиться, чтобы мы не опоздали.

Теперь уже Мунтадир не хотел отпускать ее.

– Подожди! – закричал он, пытаясь встать с земли, и зашипел, перенося вес тела на здоровую ногу.

Манижа дала Даре знак открыть дверь.

– Не бойся, я только возьму все необходимое, чтобы осмотреть твои раны, и сразу вернусь, – она оглянулась. – Теперь, когда ты немного разговорился, возможно, я приведу ифритов. У меня к тебе еще много вопросов о печати Сулеймана. – Она шагнула в дверной проем, оставив Дару позади.

Мунтадир бросил на него полный отчаяния взгляд через всю камеру:

– Афшин...

Он твой враг. Он вынудил Нарю лечь с ним постель. Но Дара не мог вызвать в себе ни гнева, ни ненависти, ни даже проблеска торжества от долгожданного триумфа над семьей, уничтожившей его близких.

– Я дам знать, если будут новости о Джамшиде, – сказал он тихо.

А затем, оставив Мунтадиру маленькую поблажку в виде парящих в воздухе светящихся шаров, ушел, закрывая за собой дверь.

Манижа уже направлялась в сторону туннеля.

– Зейнаб аль-Кахтани находится в секторе Гезири.

Дара нахмурился:

– Откуда ты знаешь?

– Этот тип далеко не так умен, каким себя считает. Нужно забрать ее оттуда.

– Сектор Гезири укреплен изнутри. Ализейд объединил соплеменников и шафитов под своим командованием и готовился к осаде задолго до нашего прибытия. Если принцесса находится по ту сторону их баррикад, будет непросто вытащить ее оттуда.

– Выбора нет. Зейнаб должна оказаться в наших руках, и желательно прежде, чем обо всем прознает ее мать. – Манижа поджала губы в мрачной гримасе. – Я рассчитывала на то, что Хацет будет в Дэвабаде. Можно было взять ее в заложники, чтобы держать в узде Аяанле. Вместо этого приходится иметь дело с разгневанной вдовой, которая защищена морем и располагает горой золота для финансирования своей местности. – Она отвернулась, жестом приглашая Дару следовать за собой: – Идем.

Он не двинулся с места.

– Мы не договорили.

Манижа с возмущенным видом оглянулась:

– Прошу прощения?

Дару снова начала бить дрожь.

– Ты не имела права. Не имела права так манипулировать именем моей сестры.

– Разве я сказала неправду? Зейнаб аль-Кахтани и вправду рискует, слоняясь по Дэвабаду безо всякой протекции. Забудь о благородных воинах Гезири, которые, по мнению Мунтадира, смогут ее защитить. Ее отец на протяжении десятилетий издевался над народом этого города, и многие с радостью воспользовались бы нынешней сумятицей, чтобы отомстить за это.

– Это не... – Дара не мог найти слов, презирая себя за то, с какой легкостью она оборачивала их против него. – *Ты знаешь, что я имею в виду.* Ты должна была предупредить меня заранее, что собираешься говорить о ней.

– Ах, должна была? – Манижа развернулась к нему лицом. – Чтобы ты мог в более красивых выражениях сказать, что бросил бы моих предков к ногам Кахтани?

– Я был в ступоре! – Дара постарался обуздать гнев, когда языки пламени вспыхнули в его ладонях. – Мы ведь должны действовать сообща.

– О чем же ты думал, когда шептался с Каве за моей спиной о Джамшиде и Мунтадире? – Ее черные глаза вспыхнули. – Ты не подумал, что *должен был предупредить меня заранее* о том, что мой сын на протяжении десяти лет крутил роман с сыном Гасана?

– Ты теперь шпионишь за мной? – пробормотал он.

– А есть необходимость? – парировала Манижа. – Потому что я бы предпочла не расходовать на это наши и без того ограниченные ресурсы, и хотелось бы надеяться, что безопасность нашего народа – достаточный стимул, чтобы держать вас в узде.

Коридор задрожал от его бессильного негодования, из воздуха посыпались искры.

– Не рассказывай мне о безопасности нашего народа, – процедил Дара сквозь зубы. – *Наш народ* был бы в большей безопасности, если бы мы не поторопились с вторжением и не пытались совершить геноцид Гезири, о чем я предупреждал!

Если он думал, что демонстрация магии смутит Манижу, Дара ее недооценил. Та не повела даже бровью, а тьма в ее черных глазах внезапно стала еще чернее.

– Ты забываешься, Афшин, – предупредила она, и будь на его месте кто угодно другой, он бы простерся у ее ног, услышав опасные нотки в голосе Манижи. – Вина за нашу неудачу лежит и на твоих плечах. Или ты думаешь, Визареш не рассказал мне о твоём промедлении с Ализейдом аль-Кахтани? Если бы ты приговорил этого пескоплава сразу, как только добрался до него, Нарин не убежала бы с ним. Она не отдала бы ему печать Сулеймана и не покинула бы город, лишив нас магии. Вторжение могло бы увенчаться успехом!

Дара ошетинился, но ничего не мог на это возразить. Позже он может и придушить ифрита за то, что распускал язык, но оставить Ализейда в живых действительно было роковой ошибкой.

Манижа и сама поняла, что Дара готов признать поражение.

– Никогда больше ничего от меня не скрывай, слышишь? Мне предстоит править городом, и я не могу делать этого, параллельно переживая за то, какие секреты скрывает глава моей службы безопасности. Мне нужны *верные* подданные.

Дара нахмурился и сложил руки на груди, подавляя в себе порыв что-нибудь испепелить.

– Что ты предлагаешь делать? Мы все еще не имеем понятия, где находятся твои дети, и ты ясно дала понять, что мне нельзя рисковать безопасностью целого племени, отправляясь на их поиски.

– Нам и не нужно отправляться на их поиски, – сказала Манижа. – Это сделают за нас, если мы сделаем правильное заявление.

– *Правильное заявление?*

– Именно. – Она снова поманила его к себе: – Пойдем, Афшин. Пришло время обратиться к моим новым подданным.

5 Али

С самого детства Ализейд аль-Кахтани обладал необычной способностью молниеносно пробуждаться.

Эта черта, как правило, выбивала окружающих из колеи: гаремные няньки ходили на цыпочках, как вдруг маленький принц, только что мирно посапывавший, бодро подавал голос, желая им доброго утра... А его сестра Зейнаб, когда Али резко распахивал глаза, со слезами бросалась к матери, голося, как дворцовый каркаданный. Зато чуткий сон Али несказанно радовал Ваджеда, который с гордостью заявлял, что его протеже, как и подобает воину, даже во время сна несет службу. И действительно, Али не раз убеждался на собственной шкуре в ценности этого дара, спасавшего ему жизнь, когда во время изгнания Али в Ам-Гезиру к нему по ночам пробирались ассасины.

Сейчас этот дар не приносил ему радости. Потому что, когда Али наконец открыл глаза, ему не было отпущено ни мгновения на то, чтобы не вспоминать о смерти брата.

Он лежал на спине, глядя на низкий незнакомый потолок. Видимо, в комнате было окно, потому что теплый воздух рассекали несколько солнечных лучей, в которых кружились и искрились, прежде чем скрыться из виду, пылинки. Свежий аромат пахучих трав, мерный ритмичный стук, цокот копыт и шелест отдаленных разговоров... все указывало на то, что Али находился *далеко* не на запустевшем берегу Нила. Он продрог, под тонким одеялом его трясло от липкого озноба, который напоминал лихорадку, и все тело ныло от слабости, которая должна была его обеспокоить.

Ему было все равно. Гораздо больше печалил тот факт, что Али вообще проснулся.

Все закончилось быстро, ахи? Или длилось так долго, как все говорят? Было больно? Нашел ли тебя Афшин, причинив еще большие боли? Али знал, что не должен задавать такие вопросы. Знал, что, согласно вере, которую он исповедовал всю свою жизнь, его брат уже обрел покой, попав в рай мучеником.

Но богоугодные слова, которые он сказал бы любому, оказавшемуся на его месте, ощущались пеплом на языке. Мунтадир не должен был попадать в рай. Он должен был улыбаться, жить и вытворять что-нибудь скандальное. А не задыхаться и падать Али на грудь, приняв на себя удар зульф리카ра, предназначенный младшему брату. Не касаться лица Али окровавленными пальцами и уговаривать того бежать, плохо скрывая собственные страхи и боль.

Все хорошо, Зейди. Все хорошо. Столько месяцев они враждовали из-за ерунды, столько дней и недель, которых уже не вернуть обратно. Неужели нельзя было сесть и просто обсудить все свои политические взгляды, все обиды? Дал ли Али хоть раз своему брату знать, как любит его и восхищается им и как отчаянно хотел бы наладить их отношения?

Теперь он никогда не сможет этого сделать. Никогда больше он не заговорит ни с кем из своих братьев. Ни с Мунтадиром, которого в последние минуты перед смертью, скорее всего, пытал Афшин, если только яд зульф리카ра не прикончил его раньше. Ни с офицерами, с которыми вместе воспитывался в Королевской гвардии, чьи тела упокоились в озере Дэвабада. Ни с Любайдом, его первым ам-гезирским другом, спасшим ему жизнь, который покинул свой мирный дом только для того, чтобы пасть от руки ифрита. Отблагодарил ли его Али хоть раз должным образом? Усадил перед собой, пресекая его бесконечные шутки, чтобы сказать, как много для него значит их дружба?

Али сделал глубокий, рваный вдох, но глаза его оставались сухими. Он сомневался, что сможет заплакать. Он не хотел плакать.

Он хотел кричать.

Кричать и кричать, пока не спадет эта страшная давящая тяжесть в груди. Теперь он понимал, почему горе заставляет людей рвать на себе волосы, царапать кожу и рыть землю ногтями. Но больше, чем кричать, Али хотелось исчезнуть. Это было эгоистично, это противоречило его вере, но, если бы у него под рукой оказался клинок, вряд ли он смог бы удержаться от того, чтобы не вырезать боль из своего сердца.

Возьми себя в руки. Ты – Гезири, ты веруешь во Всевышнего.

Вставай.

Преодолевая лихорадочную дрожь, Али с трудом принял сидячее положение и еле сдерживал болезненный стон, когда каждый мускул его тела протестующе заныл. Перед глазами поплыли черные точки, и он вцепился в колени, а затем ощупал все тело, потрясенный собственной немощностью. Порванная дишдаша пропала, сменившись мягкой хлопчатобумажной шалью вокруг его плеч, и набедренником, завязанным у него на поясе с какой-то торопливой небрежностью. Он потерял глаза, восстанавливая зрение.

Первое, что он увидел, – Нарид лежала рядом с ним на полу и она была без сознания.

Вне себя от волнения, Али метнулся к ней. Но слишком поторопился и, чуть не потеряв сознание, рухнул на локти рядом с ее головой. Теперь, с близкого расстояния, он четко видел, как вздымается и опускается в дыхании ее грудь. Нарид что-то пробормотала во сне и свернулась калачиком, коленом задев его руку.

Спит. Она просто спит. Али заставил себя расслабиться и сделал глубокий вдох. В таком состоянии он никому из них не поможет. Он снова сел и прикрыл глаза, пока не почувствовал, что голова почти перестала кружиться.

Так-то лучше. Далее, где они оказались? Последнее, что помнил Али, – он в разрушенной мечети на берегу Нила и ему кажется, что он вот-вот умрет. Теперь же они находились в какой-то кладовке, где царил жуткий беспорядок, и полки были забиты сломанными корзинами и сушеными травами.

Должно быть, Нарид привела нас сюда. Он снова взглянул на бану Нахиду, все еще крепко спавшую на выцветшей подушке. Она сменила королевские одежды на поношенное черное платье, которое было ей велико на несколько размеров, а шарф, повязанный на волосах, почти не удерживал локоны, черным ореолом рассыпанные вокруг ее головы. Лучи пыльного света прочертили полосы на ее теле, высвечивая изгиб бедра и нежную кожу на внутренней стороне запястья.

Его сердце забилося чаще, и Али был достаточно честен с собой, чтобы признать, что не одно только горе поднималось в его душе. Умная, упрямая Нарид каким-то чудом не дала ему умереть и вместе с ним добралась от реки... туда, где они сейчас находились. В очередной раз она спасла ему жизнь, записав на его счет еще один должок, о котором, он знал, Нарид никогда не забудет. Сейчас она выглядела особенно красивой: сон придавал ее чертам умиротворенное выражение, которого Али прежде не замечал за ней.

Вспомнились слова Мунтадира, сказанные тогда, на арене. *Отец сделает тебя эмиром, он даст тебе Нарид. Все то, чего ты притворяешься, что не хочешь.*

Можно сказать, теперь Али получил это. И стоило оно ему лишь всего остального, что он когда-либо любил.

Али покачался. *Не надо. Не сейчас. Дыши глубже.* Один раз он уже сумел собрать себя по частям.

Но прежде чем опустить взгляд, он заметил кое-что еще. Кожу Нарид покрывали царапины. Ничего серьезного, лишь небольшие порезы, вполне ожидаемые после того, как они очутились в реке и потом пробирались сквозь подлесок.

Вот только у Нарид не должно оставаться царапин. Они должны были исцелиться.

Печать Сулеймана. Наша магия. Снова нахлынули воспоминания, и Али машинально потянулся к своей груди. Жгучая, колющая боль, которая подкосила его, когда они едва прибыли в Египет, ушла. Теперь Али не чувствовал... ничего.

Не может быть. Он попытался сосредоточиться, закрывая глаза и мысленно нащупывая в себе что-то новое. Но если и существовала какая-то ниточка, за которую он должен был потянуть, чтобы снять печать Сулеймана, то он не чувствовал в себе этой силы. Он щелкнул пальцами, надеясь вызвать пламя. Простейшее заклинание из известных Али, привычное ему с самого детства.

Ничего.

Али похолодел.

– Гори, – прошептал он по-гезирийски, снова щелкнув пальцами. – *Гори*, – повторил он по-нтарански, а затем и на джиннском, поднимая другую руку.

Не срабатывало. Не виделось ни малейшего намека на жар, ни даже слабой струйки дыма.

Мой зульфикар, мое оружие. Али обвел комнату шальным взглядом и увидел эфес своего меча, высывавшийся из вороха грязной одежды. Он вскочил на ноги, на непослушных ногах пересек комнату и потянулся к зульфикару, как к давнему другу после долгой разлуки. Его пальцы сомкнулись на рукоятке, и он отчаянно ждал, чтобы пламя вырвалось из меча, на овладение которым он положил всю свою жизнь, – меча, так неразрывно связанного с самим его существом.

Оружие в его руке оставалось холодным, медная поверхность в слабом свете казалась тусклой. Пропала не только магия Нары.

Но и магия Али.

Не может быть. Али сам видел, как его отец продолжал колдовать даже тогда, когда с помощью печати лишал магии всех вокруг. В этом и заключалась часть силы кольца, делающей его обладателя самым могущественным джинном в комнате.

Его охватила паника. Всегда ли это сопровождало получение печати или они сделали что-то не так? Существует ли какое-то заклинание, ритуал, *что-нибудь*, что полагалось сделать Али?

Мунтадир знал бы ответ. Мунтадир знал бы, что делать с печатью, если бы не погиб по твоей милости от этого самого клинка.

Раздвоенный меч выпал из его рук обратно на кучу тряпья. Али отступил назад, зацепившись о свое отброшенное одеяло, и хрупкая скорлупа самообладания, за которую он старательно держался, треснула.

Ты должен был защищать его. Это ты должен был помешать Афшину, ты должен был погибнуть от его руки. Что он за брат, что за мужчина – прятаться в кладовой за полмира от города, где лишили жизни его отца и брата, где убивали его соплеменников и друзей? Где его сестра – *сестра* – заперта в осаждении и окружена врагами!

Нары снова что-то промычала во сне, и Али вздрогнул. *Ты подвел ее. Ты их всех подвел.* Нары могла бы сейчас быть в Дэвабаде, весь мир и трон могли лежать у ее ног.

Нужно выбираться отсюда. Внезапно возникло непреодолимое желание сбежать из этой замкнутой маленькой комнаты. Надышаться свежим воздухом, побыть подальше от Нары и этих страшных, кровавых воспоминаний. Он пересек комнату, потянулся к двери и вывалился за порог. Краем глаза Али успел заметить забитые полки, уловить запах масла сезама...

И врезался прямо в низкорослого пожилого мужчину. Старик удивленно ойкнул и подался назад, чуть не опрокинув жестяное блюдо с аккуратными горками порошков.

– Простите, – поспешно извинился Али на джиннском, ничего не успев сообразить. – Я не хотел... Боже, да вы же человек.

– Ох! – Старик отложил нож, которым нарезал яркие травы с грядки. – Прошу меня извинить... Боюсь, я тебя не вполне понимаю. Но как бы то ни было, ты очнулся. Нары будет

так рада! – Его пушистые брови сошлись на переносице. – Все время забываю о твоём существовании. – Он покачал головой, на удивление невозмутимо для такого тревожного заявления. – Как и о приличиях, кстати говоря... Мир твоему дому.

Али быстро закрыл дверь, чтобы не будить Нари, и устался на старика с нескрываемым изумлением. Али не мог объяснить, что так сразу выдавало в нем человека – в конце концов, он встречал немало шафитов с такими же, как у этого старика, круглыми ушами, тусклой кожей землистого цвета и теплыми карими глазами. Но было в нем что-то настолько реальное, настолько осязаемое, настолько *основательное*... Словно Али очутился во сне или переступил через завесу, которой никогда раньше не замечал.

– Я, м-м-м... мир вашему дому, – промямлил он в ответ.

Старик говорил по-арабски с еще более сильным египетским акцентом, чем Нари.

Взгляд старика забегал по лицу Али.

– Чем больше я смотрю на тебя, тем труднее мне тебя видеть. Как странно, – удивился он и нахмурился. – А это что, татуировка у тебя на щеке?

Рука Али дернулась вверх, прикрывая метку Сулеймана. Он понятия не имел, как себя вести: несмотря на свой интерес к миру людей, ему никогда не приходило в голову, что однажды он будет *говорить* с человеком. По всем законам, он вообще не должен был видеть Али.

Что, во имя всего святого, случилось с магией?

– Родимое пятно, – пискнул Али через силу. – От природы. Я... таким родился.

– Чаю не желаешь? Ты, должно быть, голоден. – Он ушел в глубь лавки и сделал Али знак следовать за ним. – Кстати, меня зовут Якуб.

Якуб. Он вспомнил рассказы Нари о жизни в мире людей. Значит, они действительно попали в Каир, к старику, который, со слов Нари, был ее единственным другом.

Али сглотнул, пытаясь собраться с мыслями.

– Вы друг Нари. Аптекарь, у которого она работала. – Он смотрел на невысокого старичка сверху вниз – голова Якуба едва доставала Али до локтя. – Она всегда очень тепло о вас отзывалась.

Якуб зарделся.

– Она очень добра. – Он прищурился, словно пытаясь удержать Али в поле зрения. – Должно быть, с возрастом у меня помутился рассудок. Не припомню, чтобы она называла твое имя.

Али помешкал, разрываясь между вежливостью и осторожностью – в последний раз, когда не-джинн спрашивал его имя, дело кончилось весьма плачевно.

– Али, – ответил он просто.

– Али? – повторил Якуб. – Значит, мусульманин?

Человеческое слово, священное слово, которое в его народе редко произносили вслух, еще больше взволновало Али.

– Да, – прохрипел он в ответ.

– Из какого королевства? – не отставал Якуб. – Твой арабский... Я никогда не слышал подобного акцента. Откуда родом твоя семья?

Али растерялся, в поисках ответа пытаясь собрать воедино все, что знал о мире людей, и сопоставить с географией джиннов.

– Сабейское царство? – Якуб озадачился еще больше, и Али попробовал по-другому: – Йемен? Так оно называется?

– Йемен. – Старик поджал губы. – Йемен и Афганистан, – проворчал он себе под нос. – Ну, конечно, соседи ближе некуда.

Но вопросы о семье снова омрачили Али, и отчаяние накатило и расплзлось по нему плющом, от которого не было спасения. Он не мог оставаться здесь и поддерживать светскую

беседу с этим любопытным стариком. Он боялся оплошать и разрушить легенду, которую уже сочинила Нари.

Али глубоко вдохнул, чувствуя, что душная комната начала кружиться. Стены аптеки словно обступили его – слишком близко. Ему был нужен воздух, небо. Остаться наедине с собой.

– Это выход на улицу? – спросил он, указывая дрожащим пальцем на дверь в другой части лавки.

– Да, но ты несколько дней был прикован к постели. Не думаю, что тебе стоит выходить из дома...

Али уже пересек комнату.

– Со мной все будет в порядке.

– Постой! – одернул Якуб. – Что мне сказать Нари, если она проснется до твоего возвращения?

Али помедлил, положив руку на дверь. Как бы ни обстояли дела с печатью Сулеймана и с магией, он не мог не думать о том, что самым милосердным поступком по отношению к Нари с его стороны будет никогда не возвращаться. И если она ему действительно дорога, если он любит ее, в чем обвинял его Мунтадир, Али выйдет за этот порог и позволит Нари вернуться в мир людей, по которому она постоянно тосковала, где ей не нужно трястись над бестолковым принцем, которого ей вечно приходилось спасать.

Али распахнул дверь.

– Скажите ей, что я сожалею.

Всю жизнь Али провел в мечтах о мире людей. Он поглощал описания их памятников и базарных площадей, воображая, как окажется в священном городе Мекке и будет гулять в портах, где стоят большие корабли, бороздящие океаны. Изучать базары, полные новых блюд и изобретений, которые еще не добрались до Дэвабада. А библиотеки... о, библиотеки...

Но ни в одной из своих фантазий он не представлял, что чуть не попадет под колеса телеги.

Али отскочил от плоскомордого осла с погонщиком, а затем пригнулся, чтобы не задеть его поклажу, громадную охапку сахарного тростника. В результате этого маневра он врезался в женщину в вуали, тащившую корзину ярко-фиолетовых баклажанов.

– Извините! – выпалил он, но женщина уже пронеслась мимо, будто Али был путающимся под ногами невидимкой. Мимо прошли двое увлеченных беседой мужчин в церковных одеждах и расступились, обтекая его, точно волной, даже не прервав разговора. А затем Али чуть не сбил с ног человека, удерживающего на голове большую корзину хлеба.

Али постарался убраться с дороги, еле волоча ноги. Все казалось слишком ярким, слишком суетным. Повсюду, куда бы ни упал его взгляд, раскинулось небо, яркое и солнечно-голубое, какого он никогда не видел в Дэвабаде. Низкие здания, не более нескольких этажей в высоту, занимали куда большую территорию, чем в его перенаселенном островном городе. За ними виднелись золотистая пустыня и каменистые горы.

И хотя Али жаждал открытого неба и свежего воздуха, для него, ошеломленного своим горем, вдруг оказался невыносим оживленный человеческий мир, такой чужой и в то же время знакомый. Тяжелый сухой зной казался печкой по сравнению с туманной прохладой его королевства, насыщенные ароматы жареного мяса и специй витали в воздухе, как и на базарах Дэвабада, но в то же время неуловимо от них отличались.

– *Аллаху акбар! Аллаху акбар!*

Али встрепенулся, услышав азан. Даже призыв к молитве звучал странно: ударения человеческой речи падали на другие такты. Он чувствовал себя, словно во сне, словно кошмарные обстоятельства его пробуждения все-таки не были реальностью.

Это все реально, все. Твой брат мертв. Твой отец мертв. Твои друзья, твоя семья, твой дом. Ты бросил их, когда они больше всего нуждались в тебе.

Али обхватил голову руками, но зашагал быстрее, идя на голос ближайшего муэдзина по извилистым улицам, как одержимый. Это было ему знакомо, и сейчас он хотел только одного: молиться, зывая к Богу и прося его все исправить.

Он влился в толпу людей, устремившихся к огромной мечети, одной из самых больших на памяти Али. Он не мог разуться на входе, так как уже был босиком, но в воротах все равно задержался, изумленно распахнув рот при виде огромного двора. Его внутренняя часть была подставлена небу, окруженная четырьмя крытыми галереями, которые поддерживались сотнями роскошно украшенных каменных арок. Мастерство и самоотдача, отразившиеся в замысловатых узорах и взмывающих в небо куполах – сооруженных с кропотливым усердием человеческими руками, а не мановением пальцев джинна, – ошеломили его, ненадолго заставив Али забыть о горе. Затем его внимание привлекли плеск и брызги воды – фонтан для омовения.

Вода.

Мимо грубо протиснулся какой-то прихожанин, но Али не обратил на него внимания. Он уставился на фонтан, как человек, умирающий от жажды. Но это было не желание напиться, а желание чего-то более глубинного. Силы, кипевшей в его крови на пляже Дэвабада, когда он управлял водами озера. Покоя, овладевшего им, когда он заговаривал ручьи в скалистых утесах Бир-Набата.

Магии, которую ему даровали овладевшие им мариды, одновременно разрушая и спасая ему жизнь.

Али подошел к фонтану, чувствуя, как сердце его бьется где-то в горле. Его со всех сторон окружали люди, это нарушало все законы Сулеймана, которым подчинялись в его народе, но Али нужно было знать. Он вытянул руку над водой и мысленно зывал к ней...

Влажная струя втекла ему в ладонь.

Слезы брызнули из глаз, но Али сбился, когда грудь сковало спазмом. Боль была не слишком сильной, но ее хватило, чтобы отвлечься. Вода ушла, стекая по его пальцам.

Но у него получилось. Его водная магия ослабла, но она никуда не делась, в отличие от его джиннской магии.

Али не знал, что бы это значило. В смятении, он закончил омовение. Затем отошел от фонтана, позволив толпе оттеснить его вглубь, и окунулся в привычный ритм молитвенных движений.

Это было похоже на погружение в забытие, в блаженство, где мышечная память и распевные бормотания священных откровений расслабляли его туго натянутые нервы и дарили кратковременный побег. Али даже представить себе не мог, как отреагировали бы старик в накрахмаленной галабее и бледный суетливый юноша, между которыми он оказался зажат, если бы узнали, что сидят рука об руку с джинном. Вероятно, это было еще одним нарушением закона Сулеймана, и все же Али это сейчас не волновало, ему хотелось лишь воззвать к своему Создателю, в которого он верил наравне с окружавшими его прихожанами.

Когда он закончил молитву, его глаза были полны слез. Али стоял на коленях в оцепенелом молчании, пока остальные потихоньку расходились. Он уставился на свои руки, на рваный шрам от крюка, изуродовавший одну ладонь.

Все в порядке, Зейди. Отравленные дорожки, разбегающиеся по животу брата, и боль, которую Мунтадир не смог скрыть своей последней улыбкой. Мы в порядке.

Али не смог долго сдерживать слез. Он упал навзничь, прикусив кулак в беспомощной попытке сдержать свой вопль.

Диру, прости меня! Прости! Али зашелся в рыданиях, сотрясавших тело. Он слышал, как его плач эхом отражается от высоких стен, но никто из людей словно не замечал его. Он был здесь совершенно один, в этом мире, где ему не просто запрещалось находиться, но и

который, казалось, отрицал само его существование. И разве не это он заслужил за то, что подвел свой народ?

Во рту появился соленый привкус крови. Али опустил руку, борясь с непреодолимым желанием вытворить что-нибудь безрассудное и бесповоротное. Броситься обратно в Нил. Взобраться на эти высокие стены и сигануть с них. Что угодно, что позволит не чувствовать горя, разрывающего его на части.

Вместо этого он привалился к земле, закрыв лицо руками, и начал раскачиваться взад-вперед. *Боже Милосердный, умоляю, помоги мне. Прошу Тебя, избавь меня от этого. Я не переживу. Это выше моих сил.*

Миновали часы. Али не сходил с облюбованного места, сходя с ума от собственного горя все это время, казавшееся ему бесконечностью. Его голос затихал по мере того, как начинало саднить горло, слезы высохли, голова раскалывалась от обезвоживания. В своем отрешении он почти не замечал людей, спящих вокруг, но каждый раз, когда они приходили на молитву, он находил в себе силы подняться с земли. Только эта тонкая, хрупкая ниточка и удерживала его от полного безумия.

Когда наступила ночь, Али поднялся по лестнице, спиралью обвивающей минарет, чувствуя себя мятущимся зверем, какими, по рассказам, люди и представляли джиннов – незримым духом, что населяет руины и таится на кладбищах. Он выбрался на маленькую витиеватую крышу и наконец заснул, приютившись между древних камней под звездами.

Перед самым рассветом его разбудили шаги муэдзина, поднимающегося по ступенькам. Али застыл, не желая пугать мужчину, и тихо слушал, как призыв к фаджру волнами прокатывается по городу. С такой высоты Али мог наблюдать почти весь Каир: лабиринт светло-коричневых зданий, простиравшийся от гор на востоке до извилистого темного Нила на Западе. Он был больше, чем Дэвабад, и расползлся вширь, так непохоже на его родной туманный остров, что, несмотря на эту ослепительную красоту, Али чувствовал себя очень маленьким и очень, очень тосковал по дому.

Так вот как чувствовала себя Нарі? Али вспомнил ее в ночь перед тем, как все пошло катастрофически наперекосяк. Тоска в ее голосе контрастировала с праздничным шумом, когда они вдвоем сидели в больнице и говорили о Египте. В ночь, когда она коснулась его лица и умоляла найти свое счастье в жизни.

В ночь, когда Али с опозданием осознал, что его сердце и разум не могут прийти к компромиссу, когда дело касается его умной, красивой подруги. И хотя Али не был настолько эгоцентричен, чтобы считать, что его город понес наказание за зародившееся в нем запретное влечение, на поводе у которого он бы никогда не пошел, чувство вины не ослабевало.

Нельзя было бросать ее вот так у Якуба. Да, Али тогда сходил с ума от горя, но с его стороны вышло жестоко и эгоистично исчезнуть, не сказав ни слова. Нарі и впрямь было бы лучше без него, но решение все равно оставалось за ней.

И он не станет отнимать у нее этот выбор.

Али потребовалось почти полдня, чтобы найти путь обратно. Несколько раз он сворачивал не на те улицы и успел испугаться, что заблудился окончательно. Но наконец он заметил извилистую дорожку, которую смутно припоминал, и пошел по ней до упора.

Нарі сидела в лучах солнца на табурете у входа в аптеку. И хотя ее лицо было закрыто вуалью, Али узнал бы ее в любом случае. На коленях у нее стояла корзинка, и она перебирала охапку веток, отделяя зеленые листочки так, словно делала это годами. Она вернулась к ритмам своей прежней жизни и казалась умиротворенной.

А потом она подняла глаза. Во взгляде мелькнуло облегчение, и Нарі вскочила на ноги, опрокинув корзину.

Али в таком же порыве пересек улицу.

– Прости, – выпалил он. – Когда я проснулся, я... мне просто необходимо было уйти. – Он опустился на колени, принимаясь собирать разбросанные листья. – Я не хотел пугать тебя...

Нари перехватила его руки.

– Ты не напугал... Я сидела и ждала здесь тебя, надеялась, что ты вернешься!

Али встретился с ней взглядом поверх опрокинутой корзины.

– Вот как?

Нари отпустила его, поспешно отводя взгляд, и принялась складывать ветки обратно в корзину.

– Я... когда я проснулась, а тебя уже не было... я хотела пойти за тобой, но сомневалась, что ты захочешь меня видеть. Я решила подождать хотя бы день, но потом испугалась, что, если меня не будет на улице, ты не сможешь найти аптеку... – Она смолкла, закончив свой нетипично сбивчивый рассказ.

Это совсем не походило на гнев, который ожидал встретить Али.

– Почему я не захочу тебя видеть?

Нари дрожала.

– Я надела это кольцо тебе на руку. Я оторвала тебя от твоей семьи, от твоего дома. – Он заметил, как у нее перехватило горло. – Когда ты... я думала, ты ушел потому, что ненавидишь меня.

– О Боже, Нарид... – Али забрал корзинку у нее из рук, отставил в сторону и помог ей подняться. – Нет. Что ты. Я тоже был во дворце и видел все то же самое, что и ты. Я не виню тебя за то, что случилось той ночью. И я никогда не смог бы тебя ненавидеть, – заверил он, потрясенный тем, что она могла такое подумать. – Ни за что на свете. Клянусь Богом, я думал, ты обрадуешься, если я уйду...

Настала ее очередь смотреть на него с недоумением.

– Но почему?

– Ты наконец-то можешь быть свободна, – поспешно объяснил он. – Вдали от моей семьи, от волшебного мира. Я подумал... подумал, что хороший друг позволил бы тебе вернуться к своей настоящей жизни. Среди людей.

– Я целый чертов день волокла твое горящее тело по Нилу. Конечно, я не хотела, чтобы ты уходил!

Он почувствовал укол стыда.

– Не стоило этого делать. Ты не обязана все время меня спасать.

Нари подошла ближе и взяла его за руку. Али почувствовал, как все стены, которые он по кирпичику возводил вокруг своего разбитого сердца, вмиг рухнули.

– Али... я думала, ты уже уяснил, что я намерена всегда держать тебя у себя в долгу.

Из горла Али вырвался звук, который мог быть как всхлипом, так и смехом. Но к его глазам подступили слезы.

– Нарид, боюсь, я не справлюсь.

Али даже не мог сказать, что он имеет в виду. Масштаб трагедии, жестоко сотрясшей его мир, опасность, которой подвергались его близкие, или невозможность хоть как-то все это исправить... Он не знал слов, чтобы выразить это.

– Знаю. – Влажный блеск ее глаз тоже ни с чем нельзя было спутать. Нарид отпустила его руку. – Почему бы нам не прогуляться? Я хочу показать тебе одно место.

6

Нари

– Это мое первое воспоминание, – тихо проронила она, не сводя глаз с бурлящей реки. – Как будто моя жизнь началась в тот день, когда меня вытащили из Нила. Рыбаки били меня по спине, вытряхивая воду из легких, и спрашивали, что случилось, кто я такая... – Дрожа, невзирая на теплую погоду, Нары обхватила себя руками. – Я не знала. Но я помню солнечные блики на воде, пирамиды на фоне неба, запах глины. Словно это было вчера.

Они вернулись к Нилу и бродили вдоль берега, где рыбаки и моряки вытаскивали на сушу лодки и неводы. Спустя некоторое время они устроились под стволом высокой пальмы, и Нары повела тихий рассказ о своей прежней жизни.

Рядом с ней Али выводил узоры в пыли. Он почти ничего не говорил, слушая ее молчаливой тенью.

– Твое первое воспоминание? – переспросил он. – Сколько лет тебе было?

Нары пожала плечами:

– Пять? Шесть? Я даже не знаю. У меня были проблемы с речью – в моей голове звучало столько языков одновременно. – Ее охватила ностальгия. – Меня называли девочкой из реки.

– *Бинт эль нар*. – Они переходили с джиннского языка на арабский, но эти слова он произнес по-арабски, взглянув на нее. – Нары.

– Нары, – подтвердила она. – То небольшое, что я могла решить за себя. Мне то и дело пытались присвоить подходящее имя. Ни одно не прижилось. Я всегда предпочитала выбирать свой собственный путь.

– Должно быть, нелегко тебе пришлось в Дэвабаде.

На языке вертелось с полдюжины язвительных ответов, но трагедия все еще воспринималась слишком остро.

– Да, – коротко ответила она.

Али долго молчал, прежде чем заговорить.

– Можно задать тебе один вопрос?

– Зависит от вопроса.

Он снова посмотрел на нее. Создатель, до чего же трудно было не отвести взгляда. Али всегда казался ей открытой книгой, и щемящая боль в его налитых кровью глазах не имела ничего общего с безрассудным всезнающим принцем, с которым она невольно подружилась.

– Ты когда-нибудь была там счастлива? В Дэвабаде?

Нары вздохнула, не ожидая такого вопроса.

– Я... да, – ответила она, понимая, что говорит правду. – Временами. Мне нравилось быть Нахидой-целительницей. Это придавало моей жизни смысл, меня уважали. Мне нравилось принадлежать к племени дэвов и впитывать новые знания и новые навыки, а не ломать голову над тем, когда в следующий раз я смогу поесть. – Она смолкла, когда к горлу подступил комок. – И мне очень нравилось работать в больнице. Я впервые начала надеяться на лучшее. Думаю... – Она опустила глаза. – Думаю, там я была бы счастлива.

– Но мой отец нашел способ все испортить.

– Да, не скрою, постоянный страх за жизнь моих любимых и вынужденный брак с женщиной, который меня ненавидел, были далеки от идеала. – Она смотрела на свои руки. – Но я умею искать лучики света и храню их под сердцем, когда жизнь поворачивает к худшему – у меня в этом большой опыт.

– Так не должно быть, – вздохнул Али. – Мой дивастийский... он довольно скверен, но я разобрал кое-что из того, что Манижа говорила тебе в ту ночь. Она предлагала тебе перейти на их сторону, так?

Нари помолчала, не зная, как ответить. Кроме них здесь никого не было, но Али оставался Кахтани, а она оставалась Нахидой, и между их народами шла война. Казалось лишним напоминать, что Нары обеими ногами стояла по разные стороны баррикад.

Но сейчас Али не был похож на врага. Он был похож на человека, скорбящего по погибшим близким, на оптимиста, который всеми фибрами души желал мира между их народами, но воочию наблюдал, как рушатся его надежды.

Нари как никто разделяла его чувства.

– Да, Манижа предлагала мне перейти на их сторону. – Уединившись на берегу реки, она сняла вуаль и теперь теребила ее в руках. – И Дара тоже. – Ее уверенный голос дрогнул на имени Дары. – Он просил прощения и говорил, что я должна была быть в лазарете с Низрин... ох... Ох.

– Что? – Али тут же придвинулся ближе, в его голосе слышалось беспокойство. – В чем дело?

Но Нары потеряла дар речи. *Я должна была быть с Низрин в ночь вторжения.* А слова Низрин о ее дальнейшем обучении, ее настойчивое содействие в том, чтобы Нары не забеременела от Мунтадира...

«Доживем до Навасатема, – сказала Низрин в последний вечер, проведенный вместе, когда они распивали сому, помирившись после нескольких месяцев отчуждения. – Обещаю тебе... очень скоро все изменится».

Низрин знала о Маниже.

Наставница, заменившая ей мать, которая умерла на руках у Нары. Заодно с Каве. Дарой. Кто еще из дэвов, ее соплеменников, которым Нары наивно доверяла, знал и тайно содействовал массовому убийству джиннов, среди которых они жили? Кто еще позволял Нары мечтать, зная, что ее мечтам не суждено сбыться?

– Нары? – Али потянулся было к ее плечу, но одернул себя. – Ты в порядке?

Она помотала головой. Ей казалось, ее сейчас вырвет.

– Мне кажется, Низрин знала о Маниже.

– *Низрин?* – Глаза Али полезли на лоб. – Но если знала она... и Каве знал... ты же не думаешь, что Джамшид...

– Нет, – Джамшид... словно еще один нож вонзился ей в сердце при имени брата, и Нары была не в состоянии его вынуть. – Джамшид бы никогда не принял в этом участия. Думаю, нас не собирались вмешивать. Наверное, решили, что если нагрязнуть, убить твоего отца, захватить трон и избавиться от кровавых улик, мы только обрадуемся такому спасению. – Слова оставляли во рту горький привкус.

У Али был болезненный вид.

– Каждый раз, когда я думаю, что наш мир не может пасть еще ниже, мы погружаемся в еще большую пропасть.

– Но некоторым удастся подняться над собой, – спокойно возразила она. – То, что сделал Мунтадир... я никогда не видела поступка храбрее.

– Да, он действительно оказался храбрецом. – Али поспешно утер глаза, даже не скрывая слез. – Я не могу перестать думать о нем, Нары. Мне кажется, что я схожу с ума. Я постоянно задаюсь вопросом, сколько времени это продлилось, сколько боли он испытал, винил ли меня под конец...

– Нет. Али, не мучай себя. Мунтадир ни в чем тебя не винил, и он не хотел бы, чтобы ты убивался, думая об этом.

Али била дрожь.

– И все же на его месте должен был быть я. Я не понимаю, что случилось, почему я не смог сразиться с Дараявахаушем...

Еще одна тема, которую Нары не была готова поднимать.

– Я не могу... не могу сейчас говорить о нем, Али. Пожалуйста.

Али взглянул на нее, неуверенно хлопая мокрыми глазами. Пересилив себя, он кивнул:

– Ладно.

Но молчание между ними не затянулось надолго. Потому что, как бы мало Нары ни хотелось говорить о Даре, она слишком хорошо помнила гнев женщины, которая им командовала, и в настоящий момент Али и Нары были бессильны.

– Тебе удалось задействовать печать? – спросила она, стараясь замаскировать надежду в голосе.

Выражение Али не сулило ничего хорошего.

– Нет. Я уже почти не чувствую, что кольцо в моем сердце вот-вот разорвется на части, но по-прежнему не чувствую его магии.

– Мунтадир говорил, что это может занять пару дней.

– Пара дней уже прошла.

Нары потеряла вуаль в руках.

– Что ж... есть еще кое-что.

– *Кое-что?*

– Мунтадир сказал, что кольцо с печатью не должно покидать Дэвабад.

Али встрепенулся.

– Что? – ахнул он. – Почему ты раньше не говорила? – Он ошалело махнул рукой в сторону Нила: – Мы-то далеко не в Дэвабаде!

– Я не хотела, чтобы ты перенервничал! Вот как сейчас, – добавила Нары, когда Али с тяжким стоном обхватил голову ладонями.

– Да простит меня Бог, – пробормотал он сквозь пальцы. – Мы сломали кольцо пророка.

– Мы ничего не ломали! По крайней мере... намеренно, – исправилась она. – И потом, мы забегаем вперед. Всего два дня прошло. Не будем бросать попытки.

Али вскинул голову:

– Значит, если у меня нет магии и у тебя нет магии... – В его голосе зазвучала тревога. – Что, если ни у кого ее нет?

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что, если *ни у кого* нет магии, Нары. Пока меня не было, к тебе вернулись какие-нибудь способности? – Когда она отрицательно покачала головой, он продолжил: – Мой отец не мог лишиться кого-то магии на таком большом расстоянии. Когда он использовал печать, она действовала только на тех, кто находился в его присутствии. Но что, если мы все-таки сломали кольцо пророка?

Ох. У Нары пересохло во рту. Об этом она как-то не подумала.

– Мы все исправим, – ответила она, стараясь говорить с уверенностью, которой не чувствовала. Она прочистила горло. – Впрочем, не могу не отметить, что это немного уравнивает наши шансы против Манижи, если мы все будем одинаково бессильны.

– Насчет этого... – В голосе Али смутно послышалось смущение. – Я не... абсолютно бессилен. У меня в запасе есть еще это. – Он потянулся к реке и поманил ее ладонью к себе.

Вода хлынула к нему. Тонкая струйка влаги закрутилась в ладони, как крошечный циклон, но вдруг Али дернулся, будто от боли, и циклон упал.

– Ага, – язвительно протянула она. – Вот оно что. Очередной секрет, которых, по твоим собственным словам, у тебя нет.

– Парочка, пожалуй, наберется, – сознался Али. – Обо мне, о маридах, о войне... Я даже не знаю, с чего начать.

Если бы еще на прошлой неделе кто-то из дэвабадской королевской семьи захотел поделиться с Нары своими секретами, она бы охотно выслушала. Но сейчас она еле сдерживалась,

чтобы не зажать Али рот ладонью, настолько она была не готова познавать новые ужасы волшебного мира.

– Может, не будем начинать? Во всяком случае, не сейчас. – Али непонимающе нахмурился, и Нарі попробовала другой подход: – Однажды я спросила Субху, как она не ломается под натиском ответственности и продолжает лечить больных, невзирая на мрачность нашей работы. – Она сделала паузу. Мысли о Субхе причиняли боль: Нарі мутило от страха за своих друзей-шафитов, когда она представляла, в каком состоянии они находятся. – Знаешь, что она мне сказала?

– Зависит от того, на каком этапе тогда находились ваши отношения. Насколько я помню, первые несколько недель были довольно ершистыми.

Нарі сверкнула на него глазами, но в остальном проигнорировала замечание.

– Она сказала мне не расклеиваться на части. Нет ничего постыдного в том, чтобы позаботиться о себе и потом помогать тем, кто в тебе нуждается.

Али поерзал на месте.

– Что ты предлагаешь?

– Предлагаю отложить обсуждение наших секретов на несколько дней. Вернуться в аптеку. Поест. Познакомишься с Якубом поближе. Может, купим тебе новую одежду вместо... этой, – она кивнула на его рваную шаль.

– А потом?

Она взяла его за руку:

– Али, мы выбиты из сил. Ты не смог сразиться с Дарой, я не смогла сразиться с Манижей. А теперь мы оказались на другом конце света, в еще более отчаянном положении, и понятия не имеем, как вернуться. – Ее голос стал мягче. – Я знаю, что ты торопишься домой. Хочешь спасти сестру, спасти свой народ и отомстить за Мунтадира. Но мы не готовы. Давай подождем пару дней, восстановим силы и посмотрим, не изменится ли что-нибудь с печатью.

Али нехотя пришлось признать логику в ее словах.

– Наверное, ты права. – Он глубоко вздохнул, а затем быстро, как молния, стиснул и отпустил ее руку.

Поднявшись с земли, Нарі заметила стайку смеющихся девушек, с бельем идущих к реке. Нил пылал в угасающем послеполуденном свете, и вокруг слышалось знакомое жужжание насекомых. Впереди, по улицам, ведущим обратно в Каир, сновали люди: кто-то шел домой, кто-то заглядывал в магазины, кто-то ставил столики под кофе и нарды.

Али тоже встал. Сейчас он выглядел немного получше, и в его чертах снова читалась свойственная ему решимость. Он сказал:

– Я знаю, что дела обстоят скверно, но я верну нас в Дэвабад. Обещаю. Мы найдем дорогу домой.

Нарі не сводила взгляда с египетских улиц.

– Домой, – повторила она, и у нее перехватило горло. – Конечно.

7

Дара

Аэшма прищелкнул языком, разглядывая творение Дары с нескрываемым восхищением.

– А вот это действительно вещь, достойная истинного дэва. – Он улыбнулся Даре, сверкнув клыками. – Видишь, что получается, когда ты принимаешь свою магию вместо того, чтобы обижаться?

Дара метнул в него сердитый взгляд, но получилось вымученно. Ибо то, что помог ему сотворить ифрит, было поистине великолепно.

Кровавый зверь, созданный из дыма и крови самого Дары по образу и подобию громадного шеду. Его шкура была насыщенного янтарного цвета, а сверкающие крылья переливались всеми цветами радуги. Шеду, связанный с Дарой мысленно, расхаживал из стороны в сторону, и земля дрожала под его лапами размером с колеса колесницы.

Дара протянул руку и запустил пальцы в его гриву, высекая из темных косм огненные искры.

– Разве он должен быть таким... *большим*?

– Я убивал и покрупнее, – подбодрил Аэшма. – Всегда было приятно наблюдать, как Нахиды, их ездоки, разбиваются о землю. Похоже, после этого никто не исцелялся.

– Он на тебя похож, – вставил Визареш. – Гривой. Как знать, может, твоя Нары, если выживет, еще прокатится на нем верхом, – протянул ифрит с похотью в голосе, и Дара сделал глубокий вдох, напоминая себе, что Маниже еще нужны эти обормоты – а значит, ему никто не разрешал снести с плеч голову Визареша.

Поэтому он лишь наградил его свирепым взглядом.

– Как ты остер на язык, когда не убегаешь, сверкая пятками, от малолетних джиннов, которые кажутся младенцами по сравнению с тобой.

Визареш фыркнул:

– Я бы не прожил столько веков, если бы лез на рожон к существам, которых не понимаю, и этот «малолетний джинн» с дегтярными глазами, который наколдовал хлыст из воды, из их числа. – Он откинулся спиной на ствол абрикосового дерева. – Хотя и жаль, что я не дождался момента, как твоя подружка обрушила потолок тебе на голову. Было бы забавно посмотреть.

– Трус. Зато теперь понятно, почему ты сразу бросился к бану Маниже, рассказывать, что я пытался его поработить. Занятно, что о своем участии ты промолчал.

– Я не хотел неприятностей. Кроме того, – Визареш пожал плечами, бросив краткий взгляд на Аэшму, – я бы *ни за что* не поставил под угрозу наш союз с бану Нахидой. – Он прижал когтистую руку к сердцу. – Моя преданность не знает границ.

– Для тебя это что, шутки? – спросил Дара. – Джинны мертвы, а мой дом в руинах.

В огненных глазах Визареша закрубились негодование.

– Ты не единственный, чей дом уничтожили у него на глазах, Афшин. Не единственный, кому есть о ком скорбеть. Или ты думаешь, я не оплакиваю своего брата, дэва, которого твоя маленькая Нахида убила своей отравленной кровью на берегу Гозана?

– Нет, – отрезал Дара. – Сомневаюсь, что вы, демоны, способны на глубокие чувства. И вы не дэвы, вы ифриты.

– Мы называли себя дэвами за тысячи лет до того, как ты появился на свет. До того как Анахид предала нас и...

– Визареш. – В голосе Аэшмы звенело предупреждение. – Достаточно. – Он мотнул головой в сторону дворца: – Ступай.

Меньший ифрит удалился, метнув на прощание в Дару полный ненависти взгляд.

Аэшма выглядел не менее раздраженно.

– Ты *невыносим*, ты в курсе?

Дара был не в настроении выслушивать замечания о своем характере.

– Зачем ты здесь?

– Что ты имеешь в виду?

– Зачем ты здесь? Почему ты помогаешь бану Маниже, если твой народ ненавидит Нахид?

– О, ты начал задаваться вопросами? Я думал, необходимую для этого часть твоего мозга удалили в ходе дрессировки.

– *Зачем ты здесь?* – в третий раз прорычал Дара, обнажая клыки. – Если мне придется повторяться, я разобью тебя о землю с большой высоты.

В глазах ифрита плясала злоба.

– Может, я хочу стать как вы. Может, после десяти тысяч лет на земле я умираю и согласен на мир, чтобы почувствовать вкус своей старой магии. А может, вы с Манижей просто кажетесь мне забавными и неприевшимися, и я с вами развлекаюсь.

– Это не ответ на мой...

– А я перед тобой не в ответе. – Шутливая интонация вмиг пропала из голоса Аэшмы. – Мой союз заключен с госпожой, а не с ее шавкой.

Ярость кипящей волной прокатилась по рукам Дары, в ладонях закружились языки пламени.

– У меня нет госпожи, – процедил Дара. – Я больше не раб.

– Да что ты? – Аэшма кивнул на изумруд, сверкающий на пальце Дары: – Тогда зачем ты до сих пор носишь это кольцо? Потому что красивое? Или потому что слишком боишься его снять?

– Я могу убить тебя, – сказал Дара, шагая к нему ближе. – Мне бы это ничего не стоило. Аэшма фыркнул:

– Ты не убьешь меня. Ты не бросишь вызов своей бану Нахиде, а она ясно дала понять, что нам нельзя причинять вреда.

– Вы не всегда будете ей нужны.

Коварная улыбка медленно расплывалась по лицу Аэшмы, вселяя в Дару тысячу недобрых предчувствий.

– О нет, всегда. Потому что я могу научить ее магии, которой она может повелевать сама, вместо того чтобы смотреть, как колдуешь ты по ее указке. – Аэшма отошел в сторону, указывая на шеду. – Чем ты и должен сейчас заниматься, правильно я понимаю? – Он прищелкнул языком. – Лучше поторопись, Афшин. Ты же не хочешь прогневать своих командиров.

Дара сосредоточился на своей магии, и она окатила его волной. Огненный жар сошел с кожи, когда он принял свою смертную форму, и его простая туника со штанами превратились в роскошную ало-черную военную форму. Тело облепили сверкающие чешуйчатые доспехи, Дара развел руки в стороны, и в них лег великолепный серебряный лук, переливаясь на солнце.

– Ты все равно не можешь сделать так, – холодно сказал он. – И никогда не сможешь. Хвастайся и петушись сколько хочешь, Аэшма, ибо наступит день, когда ты перейдешь черту и станешь представлять угрозу для бану Нахиды, и тогда я окажусь рядом и покончу с тобой.

– Интересно, – протянул Аэшма, когда Дара развернулся и зашагал прочь, прихватив подготовленный колчан стрел, прежде чем вернуться к шеду. – Потому что я сказал ей почти то же самое о тебе.

Дара застыл на мгновение, стоя спиной к ифриту. Но только на мгновение – больше он не позволит Аэшме играть с собой.

Вместо этого он рассмотрел шеду перед собой. Дара был опытным всадником, но лошади и летающие львы принципиально отличались между собой, преимущественно потому, что этот

шеду был не настоящим животным, а скорее продолжением собственной магии Дары, как рука является продолжением тела.

Совершенно *новая* рука. Вцепившись ему в гриву, Дара вскарабкался на дымчатую спину шеду, и по позвоночнику пробежали мурашки. Несмотря на мрачные обстоятельства, в глубине души Дара, выросший на фантастических древних легендах об Афшинах и великих Нахидах, испытывал чистый ребяческий восторг.

Повинуясь мысли дэва, зверь взмыл в небо, взмахивая крыльями высоко над головой, и Дара ахнул, вцепившись ему в гриву. Дворец под ним становился все меньше и напоминал миниатюрную игрушку, украшенную драгоценными камнями, и Дара не сдержал непривычно нервного смеха, прежде чем сумел совладать с собой. С такой высоты он видел все: полуночное озеро и пышные леса, аккуратные террасы полей за городскими стенами и узорчатый Дэвабад с хитросплетениями улочек и крохотными каменными башенками.

Но манили его только горы и широкий мир, простиравшийся за ними. Будь Дара умнее, он бы полетел туда, пользуясь возможностью сбежать от безумия, царившего на земле, и начать заново, чтобы не становиться причиной еще большего раздора.

И тогда все дэвы в городе погибнут. С легкой горечью Дара велел шеду снижаться, вынимая одну из пяти стрел, подготовленных заранее, по одной для каждого племени джиннов. Лоскутами, оторванными от окровавленного тюрбана Гасана, к их древкам было привязано по свитку с коротким посланием, в котором содержалось требование немедленной капитуляции. Прошло уже три дня с тех пор, как они заняли трон, а остальные племена до сих пор хранили молчание. Ни послов, требующих объяснений, ни обеспокоенных родственников вельмож, которым не повезло оказаться во дворце в ту ночь, ни даже мстительных, самоубийственных набегов, которых Дара ожидал от выживших Гезири, укрывающих принцессу. Все, казалось, расплзлись по своим секторам и забаррикадировались всеми доступными им немагическими средствами, с ужасом ожидая надвигающейся катастрофы.

Катастрофы, которой и Дара, и Манижа хотели избежать, и оставалось надеяться, что у джиннов хватит мудрости не допустить ее.

Он начал с Агниванши. Зная, что у него в запасе всего несколько минут, пока его не заметили (его облик был призван приводить в ужас, но мало подходил для засады), Дара окинул беглым взглядом их укрепления: красивые ворота из песчаника были заложены кирпичом, а стены охранялись горсткой джиннов на лестницах, вооруженных луками и мечами. Скорее всего, мирные жители, поскольку единственными джиннами в Дэвабаде, кому разрешалось проходить военную подготовку, были служащие Королевской гвардии – гвардии, чью Цитадель уже уничтожило войско Дары.

На деревянном помосте сразу за воротами высилась груда тучных мешков. Вокруг толпились джинны, держа наготове корзины и кувшины. Дара подлетел ближе, наблюдая за раздачей зерна в очереди. Если не обращать внимания на вооруженную охрану и нервные лица в толпе, все выглядело довольно организованно.

Но порядки в Дэвабаде отныне могла устанавливать только бану Манижа.

Он щелкнул пальцами, и мешки полыхнули пламенем. Стоявшие на раздаче джинны испуганно вскрикнули и засуетились, пытаясь потушить огонь. По велению Дары, пожар разгорелся с удвоенной силой, вынуждая джиннов спасаться бегством. Наконец взгляд одной из женщин упал на него:

– Бич Кви-Цзы!

Зачарованный шеду сиганул вниз, и запаниковавшие джинны подняли крик, бросаясь врассыпную. Дара натянул тетиву, взяв на прицел одного из стражников Агниванши, который как раз сделал то же самое.

Дара оказался быстрее. Он выпустил стрелу лучнику в грудь. Тот упал навзничь, и кровавый шелк, которым к стреле был привязан свиток, развевался, как поверженное знамя на поле боя. Дара полетел дальше, оставляя крики позади.

Пусть кричат. Непротивление лучше гражданской войны, убеждал он себя. Пусть лучше Агниванши откроют свои ворота и согласятся на мировую с Манижей, чтобы зерна хватило на весь Дэвабад, чем у них будет скапливаться столько еды, сколько не съест одному племени. Даре было действительно жаль джиннов. Он не испытывал ни малейшего желания проливать еще больше крови и сеять еще больше страха.

Но будь он проклят, если они не смогут удержать Дэвабад.

Дара поджег ухоженный виноградник в самом центре Сахрейнского базара, утопавший в гроздьях ягод, затем спалил дотла караван-сарай в секторе Аяанле, намеренно нанося более ощутимый урон ближайшим союзникам Гезири. У него не хватило духу сжечь что-либо на территории тохаристанцев, но он понимал, пуская стрелу со свитком в цветочный венок у мемориала жертвам Кви-Цзы, что это само по себе будет достаточно явным намеком.

Он изучал все, что видел, каждый клочок земли, подмечая поваленные магические здания и следы отбушевавших пожаров. Там, где земля раскололась во время недолгого землетрясения, сопровождавшего отток магии, остались гигантские трещины, разрушившие еще больше домов. На улицах валялись искореженные трубы и обломки кирпича, из водонапорных колонок все еще била вода. Дара чуть не задохнулся от запаха испражнений, пролетая над раскуроченными обломками общественного туалета.

«Будет мор, – думал он, обводя взглядом свой разрушенный город. – Голод. Паника. Смерть.

И все потому, что мы решили вернуться».

С таким настроением он приближался к сектору Гезири: части города, и так внушавшей ему наибольшие опасения, а количество тревожных знаков, встреченных им на пути, лишь усиливало его беспокойство. Во-первых, судя по кипучему оживлению на улицах, истребить пескоплавов отнюдь не удалось. Зейнаб аль-Кахтани или кто другой, но кто-то явно успел предупредить Гезири о тумане, погубившем их сородичей во дворце.

Во-вторых, *времени* они даром не теряли. Стена, некогда разделявшая шафитский сектор и сектор Гезири, была снесена, а кирпичи использованы для укрепления внешних границ и ворот, отделявших их от остальной части города. Цитадель все еще лежала в руинах, напоминая уродливую рану, но тела, похоже, вынесли – скорее всего, прихватив с собой все клинки, луки и копья, которые нашлись в ее арсенале.

Дара чертыхнулся. Стало быть, Гезири и шафиты в самом деле объединились: племя, которое они пытались уничтожить, и джинны человеческой крови, которые лучше всех умели выживать без магии. Если уцелела хоть толика Королевской гвардии, они были здесь. Если в городе оставалось проклятое грязнокровное оружие, наделавшее столько шума во время процессии в честь Навасатема, оно тоже было здесь.

И Дара не видел такого варианта развития событий, при котором этот конфликт мог закончиться миром. Манижа вложила в гезирский свиток записку, адресованную Зейнаб, умоляя ее подумать о судьбе Мунтадира, но Дара сомневался, что одна принцесса сможет убедить тысячи разъяренных, скорбящих джиннов. Да и с *какой стати* им сдаваться? Гезири знали, что Манижа вознамерилась их уничтожить, а шафиты знали о дурной славе Бича Кви-Цзы. Только глупцы поверили бы их обещаниям.

Предчувствуя недоброе, Дара подлетел ближе, ища место, где бы оставить свое послание. Но едва он миновал первый квартал, как его оглушил жуткий грохот, будто кто-то громил магазин фарфора, одновременно играя на тамбурине.

Во имя Создателя, что за ужасный шум?

Его взгляд наткнулся на источник этого звука. Поперек широкой улицы была протянута проволока, на которой висели связки медных горшков, стучаясь друг о друга, когда какой-то мужчина водил по ним взад и вперед длинной кривой тростью.

Мужчина смотрел прямо на Дару.

Прежде чем Дара успел среагировать, его примеру последовала женщина с таким же устройством из стальных тарелок, и звук разнесся по окрестностям по мере того, как все больше и больше дозорных подключались к сигналу тревоги из разбитой посуды и железных кастрюль. Поодаль джинны начинали разбегаться, но не в панической неразберихе, как другие племена. Гезири и шафиты – в основном мужчины, но иногда женщины и дети – укрывались в ближайших домах, где их встречали с распахнутыми дверями, как долгожданных гостей.

Воздух сотряс взрыв.

Дара дернулся, когда мимо пронесся снаряд, кисло пахший железом, – достаточно близко, чтобы опалить волосы. Исторгая проклятья, он коленями стиснул спину зачарованного шеду и развернулся назад, бешеным взглядом высматривая, откуда стреляли. На балконе многоэтажного каменного здания рядом с Большим базаром он заметил белый дым. Двое шафитов возились с продолговатым металлическим предметом.

Ружье, понял он. Такое же, как то, что, по словам Каве, использовали для убийства дэвов во время Навасатема. Возможно, даже то самое. И, пролетая над главной улицей, Дара наконец увидел то, что осталось от одного из самых важных праздников его народа.

Огромные колесницы с процессии Навасатема лежали опрокинутые там же, где были атакованы. От многих оставались лишь полуобгоревшие остовы. Разбитые латунные кони, осколки гирлянд из зеркал и стекла, искореженные останки бродячей рожи вишневых деревьев, усыпанных самоцветами, большинство из которых вместе с золотой корой содрали с деревьев, валялись на пыльной земле. Прилавки, обмотанные грязными лентами, пустовали, из перевернутой повозки рассыпались детские игрушки.

Ярость прожгла его, стремительно распаяя ненависть к джиннам и шафитам, словно кто-то плеснул масла на тлеющие угли. Тела погибших дэвов унесли, но Дара и сейчас видел обувь и кровавые пятна там, где их убили, пока они праздновали свою юность, радостно шествуя по улицам священного города.

Убили из орудий, подобных тому, которое только что пытался опробовать на нем шафит. По правде говоря, Дара мало знал об огнестрельном оружии. Во времена его прежней жизни ничего подобного не существовало, и он редко пересекался с людьми с момента своего воскрешения, лишь однажды увидев охотника, убившего тигра в горах. Разрушительная сила ружья повергла его в шок, и он с отвращением понял, что человек действовал из какого-то спортивного интереса.

Возможно, Даре стоило испугаться такой диковинной технологии; оружия, возможности которого не укладывались у него в голове.

Но Дара был не из трусливых, и когда он летел на стрелявших в него шафитов, которые сейчас кричали друг на друга, неуклюже пытаясь перезарядить свое оружие, он не чувствовал страха. Какая жалость, что это оружие отнимало столько времени и сил. Недостаточно, чтобы уберечь десятки дэвов от гибели, но все же.

Даре время не требовалось. Взревев, когда магия закипела в жилах и уже высекала искры из пальцев, он занес свою руку, а затем сжал в кулак, резко опуская вниз.

Здание рухнуло на землю целиком.

Дара сразу обмяк, изможденный заклиниванием. Не стоило так перенапрягаться, находясь в смертном облике. Теперь он из последних сил удерживал шеду в воздухе. Он оглянулся, тяжело дыша. Из новой дыры в ландшафте поднималась пыль.

Внутри что-то сжалось. Наверное, там были и невинные джинны.

Но, пока все это не закончится, погибнет еще немало невинных душ, и не только от рук Дары. Одному Создателю известно, сколько человеческого оружия контрабандой было ввезено в Дэвабад за эти годы. Возможно, там есть вещи и пострашнее ружей – вещи, которым дэвы, с их методичным нежеланием иметь дела с миром людей, не будут иметь понятия, как противостоять. И когда он представил полный масштаб опасности, к нему вернулось холодное осознание, которое он впервые испытал, наблюдая, как медный пар Манижи клубится по мерзлой почве северного Дэвастана.

Мы никогда не сможем жить с ними в мире. Но если перемирие с Гезири и шафитами невозможно, значит, они будут оставаться угрозой. А Манижа расправлялась с угрозами точно так же, как до нее все гезирские короли, разрушившие ее жизнь.

Она их устранила.

Но без своих способностей она ничего не может. Никакая магическая чума не поразит джиннов в Дэвабаде, пока печать Сулеймана покоится в сердце носителя кольца, где-то на другом конце света. Нервная дрожь охватила его, и шеду в ответ замедлил полет. Ибо следующая часть его миссии должна была приблизить их к возвращению этой самой печати.

«Ты – оружие Нахид, – напомнил себе Дара. – Защитник дэвов».

И верный Афшин повиновался.

Потребовалось много времени, чтобы пересечь обширную, мерцающую озерную гладь. Осталась в прошлом ее мертвенная неподвижность, подобная жидкому стеклу; течения кружились и плясали на поверхности воды; волны, как голодный пес, жадно облизывали берег. Дара с опаской поглядывал вниз, пролетая над озером, и старался держаться повыше. Маридады могли говорить, что не хотят иметь ничего общего с дэвами после того, как помогли Маниже в ее завоевании, но Дара все равно подозревал, что видели они их не в последний раз.

Но Дара и думать забыл о маридах, когда миновал озеро и полетел над горами. Туман, прежде окутывавший их, рассеялся, деревья резко сменялись песчаной пустошью, и там, где раньше была завеса, стояла полоса умирающего леса. Гниль ползла по деревьям, бородавчатые наросты выпирали из-под истончившейся, шелушащейся коры. Дара горько вздохнул, ощутив в воздухе привкус разложения. Око Сулеймана, что происходит с их домом?

Дара летел дальше, перемахнул через бурный Гозан и там, на засушливой равнине над рекой, увидел становище: путешественники, по словам Каве, направлявшиеся в Дэвабад на Навасатем. Туристы и торговцы, которые лишь из-за неувязки со временем, оказались по эту сторону завесы, когда пала магия. Путешественники, от которых сейчас так многое зависело.

Дара получил свой ответ сразу, как только остановил на них взгляд.

Магии у них не было.

Разбитый песчаный корабль Сахрейна лежал на боку, а его тяжелые паруса служили безыскусной палаткой. Ни шатров из зачарованного шелка, ни фонарей, висящих в воздухе. Путники просто собирались вокруг своих повозок, паланкинов и колесниц, сдвинутых вместе, формируя стену. Десятки животных, включая верблюдов, лошадей, а также симургов и редких ручных заххаков – самое странное стадо, которое Дара когда-либо видел, – паслись на узкой полоске земли, лишенной растительности.

Здесь находилось около сотни путешественников, но ни один из них не смотрел в небо. Несчастные, замерзшие и вымотанные, у них не было даже огня, чтобы согреться или приготовить пищу, – Каве оказался прав, без магии мало кто знал, как его развести. Но зато они нашли общий язык. В осунувшихся лицах Дара распознавал мужчин, женщин и детей из всех шести племен, они передавали друг другу холодную еду и разговаривали. Среди дюжины детей, игравших на палубе упавшего корабля, были дети дэвов и Гезири.

Скрепя сердце Дара приготовился нарушить эту дружескую атмосферу.

Он спикировал вниз, приземлив шеду с грохотом, от которого содрогнулось все вокруг. Послышались тревожные возгласы, джинны повскакивали на ноги, но Дара, не обращая на это

внимания, вытянулся в полный рост, чтобы окинуть толпу своим самым надменным взглядом. Он откинул волосы, сложил руки на эфесы мечей. На Даре не было шлема, и ничто не скрывало татуировку и изумрудно-зеленые глаза, которые на весь свет кричали о его личности. Он мог себе вообразить, какое зрелище представлял в эту минуту, – впрочем, на то и был расчет. Он должен стать для них Афшином из легенды, отважным богом войны из ушедшей эпохи.

Неудивительно, что первым пришел в себя Дэв.

– Силы Создателя... – выпалил он. – Ты... – Его глаза полезли на лоб, когда он увидел зачарованного шеду. – Это же...

– Возрадуйтесь! – повелел Дара. – Ибо я несу благую весть. – Слова звучали фальшиво в его устах, сколько бы раз он ни репетировал их с Манижей и Каве. – Узурпатор Гасан аль-Кахтани мертв!

Кто-то ахнул, а двое Гезири, чистивших седла, вскочили с мест.

– В каком смысле мертв? – потребовал тот, что помладше. – Что еще за фокусы? Кем ты себя возомнил?

– Вы знаете, кто я, – холодно парировал Дара. – И я не намерен попусту тратить слова. – Он вытащил второй меч, зульфикар самого Гасана, и швырнул его на землю. Остатки окровавленного тюрбана короля были обвязаны вокруг рукояти. – Ваш король пескоплавов отправился на тот свет, вместе со всей своей родней, и если вы не торопитесь присоединиться к ним, то выслушаете меня.

Все больше джиннов поднималось на ноги, со смесью недоверия и страха на лицах.

– Лжец, – огрызнулся Гезири, обнажая свой ханджар. – Это какая-то выдумка огнепоклонников.

Одним выплеском жара Дара расплавил его клинок. Жидкий металл потек по коже, и Гезири вскрикнул и выронил кинжал. Взвыв от боли, он схватился за руку. Одна сахрейнка, оказавшаяся к нему ближе всех, бросилась ему на помощь.

Дара поднял руку.

– Не надо, – предупредил он, и женщина застыла. – Если кто-нибудь еще притронется к оружию, это покажется вам милосердием.

Дэв, который заговорил первым, пожилой мужчина с посеребренной бородой и пепельным пятном на лбу, осторожно вышел вперед.

– Мы не возьмемся за оружие, – сказал он, бросая взгляд на разъяренных джиннов. – Но, пожалуйста... расскажи нам, что случилось. И почему ты до сих пор владеешь магией?

– Потому, что я служу избраннице Создателя. Законной правительнице, благословенной бану Маниже э-Нахид, которая вернула под свое крыло город ее предков и правит в нем, как и было положено.

У старика отвисла челюсть:

– Манижа? Бану Манижа? Но она мертва. Вы... вы оба должны быть мертвы!

– Однако же это не так. Дэвабад снова принадлежит нам, и, если вам дороги жизни ваших близких, вы запомните наши слова. – Дара смотрел за спину Дэва. Он восхищался мужеством, которое потребовалось его соплеменнику, чтобы встать между Афшином и джиннами, но это послание предназначалось не для него. – Те из вас, кто принадлежит к племенам джиннов, не будут допущены в город. Вы вернетесь в свои земли.

Это вызвало еще одну волну возмущения.

– Но мы не можем вернуться! – заявляла одна женщина. – У нас нет ни припасов, ни магии...

– Молчать! Вы вернетесь к себе с нашей помощью, но волшебство вам пока не вернут. – Он свирепо посмотрел на толпу джиннов. – Ваши предки сбились с истинного пути, и вам придется за это платить. Вы вернетесь к себе, соберете любые советы, которые используете

для внутреннего управления, и отправите своих лидеров с их семьями в Дэвабад с данью и присягой на беспрекословную верность.

Толпа загудела, но Дара еще не закончил.

– Что касается магии, в этом вы должны винить только одного джинна: отступника Ализейда аль-Кахтани. – Он почти прошипел эти слова, выпуская свой гнев наружу – наконец-то, хоть одна искренняя эмоция. – Он лжец и чудовище, крокодил, который продал душу маридам и, воспользовавшись неразберихой, похитил печать Сулеймана и дочь бану Манижа.

Вперед вышла женщина Аяанле, уже немолодая, но с горящими глазами.

– Ты лжешь, демон. Ты сам чудовище, хуже любого марида.

– Можешь меня не слушать. Возможно, Аяанле не хотят возвращения магии, но кто-то наверняка не согласен с таким положением вещей. Им бану Манижа предлагает сделку. Ализейд аль-Кахтани бежал, ускользнул через озеро, как учили его наставники-марида, и теперь прячется в ваших землях. Разыщите обоих, предателя и бану Нари, верните их в Дэвабад – *живыми*, – и магию возвратят вашему племени. А нет – так ступайте к вашим любимым людям, пусть научат вас, как жить без магии.

Дара видел, как по толпе джинов пробежало напряжение, истончая свежие и хрупкие узы, которые начали связывать их вместе.

Женщина Аяанле не спускала с него глаз.

– А наши соплеменники в городе?

– Никто не покинет Дэвабад, пока бану Нахида не вернет свою дочь. И не только она должна вернуться в целостности и сохранности. – Он повернулся к мужчинам Гезири: – Вы похожи на солдат, так что постарайтесь доставить своему каиду следующее предупреждение. Если он вздумает мстить Джамшиду э-Прамуху, мы выпустим на вашей родине яд, который в течение одного дня убьет всех Гезири до единого.

Гезири отпрянул.

– Тебе это не под силу. И ведьме, которая тобой командует, тоже. Такая магия...

– Пескоплав, – перебил Дара, – как, по-твоему, мы захватили город?

Тот отшатнулся от Дары, и в его серых глазах застыл ужас.

– Нет, – прошептал он. – Этого не может быть... Нас были *тысячи* в Дэваба...

– Были тысячи. А в Ам-Гезире вас еще больше. – Дара снова окинул взглядом толпу. – Наш мир возвращается к должному порядку вещей, и я молюсь, чтобы на этот раз ваш народ проявил здравый смысл, не уподобляясь вашим предкам. Сдавайтесь.

Некоторые джинны начинали потихоньку пробираться к краю, родители хватали детей, бросали взгляды на припасы, словно гадая, чем смогут воспользоваться.

Но Дара еще не закончил. К угрозам и агрессии оставалось добавить милосердие, намек на вознаграждение, которое ожидает их в случае повиновения.

– Ничего не бойтесь в дороге, – заявил он. – Я все устрою, как и было обещано.

Он развел руками и сосредоточился на песчаном корабле. Магия выплеснулась и разделила его на полдюжины маленьких кораблей, чьи серебряные паруса раздувались на ветру и каждый был отмечен эмблемой своего племени. В висках стучало, но Дара продолжал колдовать, рисуя в воображении трюмы, наполненные едой и питьем.

Его тело изнывало от желания перекинуться в огненную форму, которая снабжала его такой силой, но он изо всех сил боролся с инстинктом.

– Уходите, – прорычал он, сжимая в кулаки пальцы, в которых плясало пламя. Он выдохнул, и в воздухе стало жарко. – *Живо*.

Ему не пришлось повторять дважды. Джинны бросились бежать, слишком напуганные, чтобы попрощаться со своими товарищами из дружественных племен. Или, быть может, они уже сжигали эти мосты, стремясь поскорее вернуться домой и сделать все, чтобы именно их соплеменники нашли Ализейда и Нари.

Пусть остаются разделенными. Пусть возвращаются по домам с рассказами о страшной магии, которой не могут противостоять. Пусть все знают, что мир возможен только при бану Маниже.

Но когда Дара заметил, что дэвы отступают с той же скоростью, что и остальные джинны, он обратился к ним, все еще дрожащим голосом.

– Стойте, – крикнул он, останавливая их. – Вам незачем уходить. Вы можете войти в город.

Нерешительное молчание встретило его слова. Дэвы неуверенно переглянулись.

Наконец один из мужчин спросил:

– Это приказ?

Вопрос застал Дару врасплох.

– Конечно, нет. Но Дэвабад снова под нашей властью, – заверил он, сбитый с толку их реакцией. – Он наш. Мы сделали это для тебя.

Одна девочка, маленькая дэва, начала плакать. Какая-то женщина быстро взяла ее на руки и испуганно на нее шикнула.

Весь напускной пыл, который он демонстрировал перед джиннами, был забыт в мгновение ока. В последний раз, когда Дара находился среди детей своего племени, они встречали его как героя и наперебой показывали свои детские мускулы.

– Я... не причиню вам вреда, – пробормотал он. – Обещаю.

Дэв, казалось, изо всех сил пытался скрыть свой ужас.

– И все равно... мы... мы бы предпочли уехать.

Дара заставил себя улыбнуться.

– Тогда я отпускаю вас в добрый путь. Да будет гореть ваш огонь вечно.

Никто не ответил ему тем же.

Корабли остальных джиннов уже отплывали прочь. Дара провожал взглядом корабль дэвов, и на сердце становилось гадко. Только когда горизонт очистился, он выдохнул и позволил огненной форме возобладать. Жгучая боль прошла, как и усталость, в который раз напомним Даре, чем он теперь в действительности являлся. А учитывая бегство его собственного народа, возможно, ему следует оставаться в этом облике и впредь. Чувствовал он себя самым настоящим чудовищем.

Дара развернулся и зашагал обратно к зачарованному шеду, на каждом выдохе пыша теплым паром. Его сапоги хрустели по земле, и, нахмурившись, он посмотрел себе под ноги.

По изрытой земле катились мелкие кристаллы. Лед. Дара только сейчас заметил, что вокруг все стихло. Стало холодно. Тишина в зябком воздухе показалась совершенно противоестественной, как будто сам ветер затаил дыхание.

Страх поднимался в его душе, и Дара зашагал быстрее, сокращая расстояние между собой и своим крылатым творением. Он потянулся к львиной гриве...

Ветер выдохнул.

Порыв холодного воздуха ударил наотмашь, и Дара отпрянул от шеду, валясь на замерзшую землю. Он прикрыл голову, когда мимо понеслись остатки брошенного лагеря путешественников, которые швырял по местности завывающий ветер. Шеду растворился в облаке дыма, рассеявшегося со следующим дуновением ветра, воздух закружил так неистово, что Даре показалось, будто его избивает невидимый противник.

Буря исчезла почти сразу же, как появилась, оставив после себя лишь слабый ветерок. Весь ландшафт покрылся льдом и теперь сверкал в лучах заходящего солнца.

Дару трясло, он часто дышал. Что, во имя Сулеймана, только что произошло?

Но ответ уже пришел к нему со все еще обжигающим ветром. Ни огонь, ни вода, ни земля. Воздух.

Пери.

Он снова задрожал. Конечно, ведь именно здесь Хайзур был убит своими же сородичами, приговоренный за то, что спас жизнь Даре и Нари. Потому что не только марида играли с Дарой в игры. И Кахтани, и Нахиды, и марида, и пери.

Гнев охватил его. Обвинения, которые он не смог бросить в лицо Маниже, ласковые прощальные слова Хайзура и обманутые глаза Нари. Дара так устал от отчаяния за собственную судьбу, от чувства вины, пожирающего его заживо. Теперь он был просто разъярен. За то, что его использовали, за то, что он *позволял* поступать так с собой снова и снова.

Эти существа не заставят его чувствовать себя еще хуже.

– Где вы были, когда убивали *мой* народ? – возопил он, обращаясь к ветру. – Я думал, могущественные пери не вмешиваются, им все равно, как поступают друг с другом жалкие дэвы. – Он вскинул кулаки, из которых вырвался огонь. – Ну же! Нарушите свои правила, и я вернусь, чтобы уничтожить вас, как уничтожил марида! Я уже залетал в ваше царство, и я сделаю это снова и испепелю ваши небеса. Я не оставлю вам ничего, кроме дыма, которым вы задохнетесь!

Холод сразу покинул воздух, земля под ним потеплела. Дара поднялся на ноги. Какой-то ветерок его не остановит.

Но ветер держал его, развевая волосы и одежду, все время, пока Дара уходил прочь. Это смахивало на предупреждение. Дара подумал о больных деревьях по ту сторону Гозана и разрушенном городе, скрытом за горами, и по его спине пробежал холодок. Пери не вмешивались. Это был их самый священный постулат.

Что же могло означать их предупреждение?

8

Нари

Камыши царапали ей ноги, когда они бежали по болотистому полю. Нары снова расплакалась, уткнувшись лицом в теплую шею женщины, которая несла ее на руках.

– Тише, родная, – прошептала женщина. – Не так громко.

Они спустились в узкий канал, которым орошались поля. Нары подняла глаза, когда они проходили мимо шадуфов: деревянные балки оросительных сооружений торчали на фоне ночного неба, как длинные когти. Воздух сгустился от запаха дыма и криков, доносящихся из горящей деревни позади них. Папирусная завеса не могла скрыть катастрофу, которой они едва избежали. Все, что она видела сейчас от их деревни, – это разрушенную крышу минарета над морем сахарного тростника.

Нары сцепилась маленькими пальчиками в платье женщины, крепче прижимаясь к ней. Дым обжигал ее легкие, совсем не похожий на приятный и чистый аромат крошечных огоньков, которые она любила играючи создавать.

– Мне страшно, – всхлинула она.

– Я знаю. – Рука погладила ее по спине. – Но нам нужно добраться до реки. Эль-Нил. Ты видишь?

Нары видела. Нил тек впереди, такой стремительный и темный. Но едва они вошли в его воды, как Нары снова услышала голос – того самого незнакомца, что прибыл в деревню и говорил на мелодичном языке, на котором запрещали говорить Нары вне стен их маленького дома; слова, которые шелестели и пылали в ее разуме, когда заживали ее исцарапанные коленки и когда она вдохнула жизнь в крошечного котенка, попавшего под повозку неосмотрительного торговца.

– Дурийя! – кричал незнакомец.

Женщина не слушала его. Одной рукой пристроив Нары у себя на бедре, она прокусила себе вторую руку, пока не пошла кровь, а затем сунула ее в воду.

– Я ПРИЗЫВАЮ ТЕБЯ! – воскликнула она. – Себек, ты же обещал!

Тяжелая тишина повисла в воздухе, заглушая предсмертные крики пылающей деревни и останавливая слезы, катившиеся по щекам Нары. Кожу покалывало, волосы у нее на затылке зашевелились, словно ощутив присутствие хищника.

На противоположном берегу в воду скользнула темная фигура.

Нары пыталась вырваться, но сильные руки, обнимавшие ее, втолкнули ее в реку.

Кто-то спорил.

– Достану я тебе твою кровь!

Лоб прижался ко лбу, теплые карие глаза с золотыми крапинками заглянули в глаза Нары – слишком темные, шептались соседи. Нары поцеловали в нос.

– Господь защитит тебя, – прошептала женщина. – Ты храбрая, ты сильная, ты справишься, родная моя, клянусь тебе. Я люблю тебя. И всегда буду любить, – следующие слова донеслись до нее, как в тумане. Женщина сквозь слезы смотрела на воду. – Забери у нее эту ночь. Пусть начнет все сначала.

Зубы сомкнулись у Нары на лодыжке, и, не успевшая она закричать, как ее утащили под воду.

– Нары? – Чья-то рука трясла ее за плечо. – Нары.

Нары резко проснулась и обнаружила себя в темной кладовой.

– Али? – пробормотала она, приходя в себя после дурного сна. Она села, потирая сонные глаза. Щеки были мокрые от потеков слез.

Али с обеспокоенным видом присел рядом с ней на корточки.

– Извини. Я услышал, как ты плачешь, и у тебя был такой расстроенный голос...

– Все в порядке, – сказала она, сбрасывая с себя одеяло. Оно сбилось вокруг, как после борьбы, а сама Нари взмокла от пота, ее платье прилипло к коже, а волосы – к шее. – Мне приснился кошмар... о той деревне, кажется, – но подробности сна уже уплывали в тумане. – Там была женщина...

– Женщина? Какая женщина?

Нари покачала головой:

– Не знаю. Мне просто приснился сон.

Али, казалось, ей не поверил.

– В последний раз, когда мне «просто приснился сон», это марииды напускали на меня видения за два дня до того, как озеро вышло из берегов и сокрушило Цитадель.

Справедливое замечание. Она подтянула колени к груди, вытирая лицо рукавом.

– Почему ты не спишь? Тебе нужен отдых.

Он покачал головой:

– Я устал от отдыха. И от кошмаров.

Нари сочувственно посмотрела на него – совсем недавно она сама слышала, как Али выкрикивал во сне имя Мунтадира.

– Со временем станет легче.

В иной раз Али кивнул бы в ответ с искренним и серьезным видом – или, что более вероятно, сам говорил бы Нари, что со временем все наладится.

Теперь он не сделал ни того ни другого. Али лишь плотно поджал губы, нехотя выражая согласие, и сказал:

– Конечно. – Он словно постарел от лжи. От жизнерадостного принца, которого она знала, не осталось и следа. Он поднялся на ноги. – Если ты больше не собираешься ложиться, я заварил чай.

– Не знала, что ты умеешь заваривать чай.

– Я и не говорю, что это хороший чай.

Нари не смогла сдержать улыбки.

– С радостью променяю ночные кошмары на стакан не очень хорошего чая. – Она взяла свою шаль, накинула на плечи, чтобы согреться, и последовала за ним.

Войдя в аптеку, она удивленно захлопала глазами. Склянки и флаконы кто-то аккуратно расставил по полкам и тщательно протер, пол был чисто выметен. Пучки чеснока, трав и корней, которые Якуб сушил под потолком, переместились в какой-то агрегат, похоже, собранный Али из сломанных корзин, которые старый аптекарь грозился починить еще до того, как Нари покинула Египет.

– Что ж... – начала она. – Ты определенно занимался не только тем, что просто заваривал чай.

Али смущенно потер затылок.

– Я хотел помочь. Отплатить Якубу за доброту.

– Якуб тебя теперь ни за что не отпустит. Я даже не представляла, что здесь так много свободного места. – Она присела на край стола. – Ты, наверное, всю ночь не спал.

Али налил в стакан чаю из медного чайника, стоявшего на огне, и протянул ей.

– Мне проще, когда руки чем-то заняты. Если я что-то чиню, собираю, прибираюсь – физический труд отвлекает от других мыслей... Хотя, наверное, это и трусость с моей стороны.

– То, что ты не хочешь погрязнуть в пучине отчаяния, не говорит о трусости, Али. Это говорит о воле к выживанию.

– Пожалуй.

Но Нари видела, что ее слова не смогли пробиться сквозь затравленный взгляд его серых глаз. На него было больно смотреть.

– Поедем завтра на Хан аль-Халили, – предложила она. – Это самый большой базар в городе, и если ты не сможешь отвлечься, копаясь в человеческих товарах, то я уже не знаю, чем тебе помочь. – Нарі сделала глоток чая и закашлялась. – Ого... кошмар какой. Не знала, что чай можно так испортить. Ты ведь в курсе, что листья нужно вынимать, верно? А не настаивать, пока они впитают вкус металла?

Насмешка сработала даже лучше доброты – в лице Али мелькнуло веселье.

– Может, ты просто любишь слабый чай?

– Да как ты смеешь!

Но прежде чем Нарі успела добавить что-то еще, за дверью аптеки послышались шаги, а затем и голоса.

– Говорю вам, она вернулась, – твердила женщина. – Аптекарь уверяет, что она служанка, крестьянка с юга, но Умм Сара говорит, у нее те же черные глаза, как у девушки, что здесь раньше работала.

Нарі тут же потянулась к ножу Якуба. Али бросил на нее недоуменный взгляд:

– Что ты делаешь?

– Это самооборона.

Она выпрямилась, сжимая в руке нож. Удивительно, как быстро все возвращалось. Постоянное беспокойство, что обманутый клиент вернется и приведет с собой солдат, обвиняя ее в воровстве. Страх, что одно неверное движение приведет к тому, что толпа назовет ее ведьмой.

В дверь постучали, твердо и настойчиво.

– Откройте! – крикнула женщина. – Нам нужна помощь!

– Не надо, – предупреждая шикнула Нарі, когда Али метнулся к двери.

– Но они сказали, что им нужна помощь.

– Мало ли что люди скажут!

Али потянулся к ней и осторожно опустил ее руку.

– Никто не причинит тебе вреда, – заверил он. – Я не очень хорошо знаю людей, но я более чем уверен, что, если я взорву все жидкости здесь разом, надолго они не задержатся.

Нарі нахмурилась:

– Я не уберу нож.

Но когда Али пошел открывать дверь, она не стала ему мешать.

Вошла пожилая женщина в поношенном черном платье.

– Где она? Где девушка, которая работает у аптекаря?

У гостьи был заметный южный акцент, и, судя по ее непокрытому, обветренному лицу, она прожила нелегкую жизнь.

– Это я, – прохрипела Нарі, все еще не выпуская нож из руки. – Что вам нужно?

Нарі сама не знала, чего ожидала: обвинения, разоблачения.

Но точно не того, что женщина протянет к ней руки, сложенные в умоляющем жесте.

– Умоляю, мне нужна твоя помощь. Мой сын – он упал с крыши на прошлой неделе... – Женщина махнула рукой, и вошли двое мужчин, тащивших на переноске мальчика, потерявшего сознание. – Мы вызвали платного лекаря, который сказал, что сыну просто нужен покой, но сегодня вечером у мальчика началась рвота, и теперь он не приходит в себя... – В ее голосе сквозило отчаяние, но она не сдавалась. – О тебе ходят разные слухи. Люди говорят, что ты девушка с Нила. Которая раньше исцеляла больных...

Слова матери попали не в бровь, а в глаз: *раньше* исцеляла больных.

– Я не врач, – призналась Нарі, презирая себя за это. – А где лекарь, которого вы вызывали в прошлый раз?

– Он больше не придет. Сказал, что он нам не по карману.

Нарі отложила нож.

– Я ничем не могу вам помочь.

– Ты могла бы взглянуть на него, – упорствовала женщина. – Пожалуйста... просто осмотри его.

Мольба в глазах матери сломила сопротивление Нары.

– Я... Что ж, ладно... Али, убери со стола. Вы, – Нары кивнула мужчинам с носилками, – несите его сюда.

Они уложили мальчика вместе с простыней, на которой его принесли. Ему было не больше десяти – жилистый юноша с коротко подстриженными черными кудрями и широким невинным лицом. Он был без сознания, но его руки были странно вытянуты по бокам, а ладони вытянуты вперед.

Нары прощупала его пульс. Он был нитевидный и слишком редкий.

– Он не приходит в себя?

– Нет, саида¹, – ответил старший мужчина. – Всю неделю ходил сонный, жаловался на головные боли и почти не разговаривал.

– Он упал с крыши? – уточнила Нары, осторожно снимая повязку с ушибленного черепа. – Это стало причиной травмы?

– Да, – поспешно ответила мать.

Нары продолжила осмотр. Она приподняла мальчику веко.

Страх сковал ее. Зрачок был сильно расширен, карие радужки почти целиком окрашены в черный.

И Нары перенеслась в Дэвабад, где она ходила по пятам за Субхой, пока та перекладывала инструменты, которые принесла в больницу. «Как ты догадалась?» – допытывалась она, выуживая подробности о пациентке, которую заметила в ее саду.

Субха усмехнулась. «Удар по голове несколько дней назад и расширенные зрачки? В черепе скапливается кровь, сомнений быть не может. И это смертельно опасно, если кровь вовремя не выпустить – время решает все».

– Ему нужен хирург. Срочно, – объявила Нары, стараясь держать голос под контролем.

Один из мужчин покачал головой:

– Мы мигранты-шаиди. Никакой хирург не станет нам помогать, если только мы не заплатим вперед, но у нас нет денег.

Мать снова обратила на нее взгляд, полный надежды, которая разрывала Нары на части.

– Не могла бы ты... возложить на него руки и пожелать ему всего хорошего? Соседи говорят, раньше у тебя получалось.

Вот опять. Раньше получалось. Но в глубине души Нары боялась, что уже никогда не получится.

Она посмотрела на мальчика.

– Мне понадобятся кипяток и чистые тряпки. И пусть кто-нибудь из вас сходит домой к аптекарю. Скажите ему принести все инструменты, которые остались у него от деда.

Мать мальчика нахмурилась:

– Тебе все это нужно, чтобы возложить на него руки?

– Нет, мне все это нужно, потому что я собираюсь вскрыть ему череп.

Собрав волосы на затылке, Нары изучила принесенные Якубом инструменты и возблагодарила Создателя, узнав среди старых инструментов его прадеда маленький циркулярный трепан.

– Вот оно, – объявила она, извлекая сверло. – Как нам повезло, что среди твоих предков был хирург.

¹ Здесь госпожа, хозяйка (араб.).

Якуб яростно замотал головой:

– Ты сошла с ума. Этой штуке уже сто лет. Ты убьешь мальчонку, и нас всех посадят за убийство.

– Нет, я спасу ему жизнь. – Она подозвала Али и вручила ему сверло. – Аль-Кахтани, ты мой должник. Прокипяти это, а скальпель, который кипит сейчас, принеси мне.

– Нари, ты...

Но она уже разворачивала Али, подталкивая его к котлу.

– Меньше болтай, больше помогай.

Якуб встал перед ней.

– Нари, за все время, что я тебя знаю, ты никогда не делала ничего подобного. Ты говоришь о хирургии: люди годами учатся, чтобы овладеть этим искусством.

Нари задумалась. На самом деле она разделяла его позицию: с Субхой они упражнялись на кокосах и дынях, но тем дело и кончилось, а вопреки хаосу, царившему в остальных сферах ее жизни, к врачеванию она всегда относилась с благоразумием, и годы работы в лазарете сделали ее только более осмотрительной. Когда тебе вверяют жизнь пациента, это большая ответственность и честь, к которой нельзя относиться легкомысленно.

Но Нари также знала, с каким презрением относятся к людям, подобным этой семье. Крестьянам и мигрантам, девочкам без имени и матерям без денег, которыми можно завоевать благосклонность нерадивого лекаря.

– У них нет времени слоняться по Каиру и молить хирургов сжалиться над ними, Якуб. Мальчик может умереть к рассвету. Я знаю достаточно, чтобы попытаться помочь.

– А если ты потерпишь неудачу? – Он подошел ближе, понижая голос. – Нари, ты же знаешь, как здесь обстоят дела. Что-то случится с мальчиком у меня в аптеке, и его соседи придут за моей семьей. Они прогонят нас из этого района.

Нари как ушатом ледяной воды окатило. Как здесь обстоят дела, она действительно знала, этот же страх преследовал ее и в Дэвабаде. Когда эмоции накалены до предела, границы, разделяющие их сообщества, становятся смертельно опасными.

Она встретила с ним взглядом:

– Якуб, если ты откажешься, я пойму и не стану этого делать. Но ребенок умрет.

Эмоции охватили его морщинистое лицо. Родители сидели по обе стороны от мальчика, мать прижимала руку сына к своей заплаканной щеке.

Якуб посмотрел на них, борясь с нерешительностью.

– Ты выбрала неподходящий момент, чтобы обзавестись совестью.

– Это значит «да»?

Он наградил ее мрачным взглядом:

– Не убей его.

– Сделаю все возможное. – Видя нерешительность в его глазах, Нари добавила: – Ты не мог бы заварить чаю для его родителей и не подпускать их слишком близко? Им лучше этого не видеть.

Она вымыла руки с мылом. Вернулся Али и разложил инструменты на чистой скатерти.

– Мой руки! – скомандовала Нари.

Али бросил на нее встревоженный взгляд:

– Зачем?

– Будешь мне ассистировать. Чтобы управиться со сверлом, потребуется грубая сила. Давай. И мыла не жалей, – прикрикнула она, и он пробурчал что-то себе под нос.

Напрягая память, чтобы вспомнить все, чему научила ее Субха, Нари отметила точку примерно на расстоянии ширины ладони за лбом мальчика, аккуратно сбрила там волосы и тщательно вымыла кожу с большим количеством мыла, после чего сделала аккуратный разрез

на скальпе. Вытирая кровь, которая быстро выступала из раны, она отодвинула небольшой лоскут кожи, обнажая кость под ним.

Али, стоя рядом с ней, пошатнулся.

– О. Вот как это выглядит.

– Дай чистую тряпку, – отозвалась Нари, убирая окровавленную. – Сверло.

Али дрожащими руками протянул ей сверло. Нари ощутила тяжесть инструмента в своих ладонях, и у нее чуть не подкосились ноги от кошмарного осознания того, что она собиралась сделать. Нари что, сошла с ума? Кто она такая, чтобы взять жизнь этого мальчика в свои руки и просверлить дыру в его голове? Она воровка, она мошенница.

Нет, ты – бану Нахида.

Когда Нари приставила дрель к его черепу, ее руки больше не дрожали.

Позже, она не смогла бы ответить, когда ее окутала пелена тихого умиротворения – чувство, которое якобы должна вызывать правильная молитва. Слышался мерный скрежет сверла, стоял влажный, мучнистый запах костной пыли и крови. Когда ее руки и запястья уже горели от усталости, она передала сверло Али, и под ее бдительным руководством он сделал несколько оборотов. Капли пота выступили на ее коже, и она остановила его, как только увидела, что они дошли до последнего костного слоя. Нари заняла его место и с замирающим сердцем осторожно извлекла сверло, вытаскивая с ним окровавленный кругляшок кости.

Она смутно сознавала, что Якуб уводит родителей мальчика. Нари едва обратила на это внимание, потому что... она только что *проделала дырку в черепе*. Она молча смотрела на результат своей работы, не в силах вымолвить и слова. Ее кровь гудела от нервного напряжения, смешанного со страхом и тревогой.

«Дыши», – сказала она себе, вспоминая слова Субхи. Прямо под черепом находится мембрана. За этой мембраной и скапливается кровь. Ее-то тебе и нужно проколоть.

Нари взяла скальпель. Она едва не задыхалась от повисшей в комнате тишины, а ее сердце билось так быстро, что, казалось, вот-вот разорвется. Нари сделала глубокий вдох, вознося молитву Создателю, Анахид и всем на свете, лишь бы склонить чашу весов в свою сторону.

Она проткнула мембрану. Кровь брызнула ей прямо в лицо, густая и темная, почти пурпурная, с маслянистым отливом.

Это наконец привлекло внимание матери.

– Что ты натворила? – закричала она, бросаясь вперед.

Али встал между ними, не позволив женщине вцепиться в Нари. Та застыла, глядя на кровавый разрез. Когда вся темная жидкость вытекла наружу, Нари увидела, как розовато-желтый мозг под ней начал пульсировать в такт сердцебиению мальчика.

А потом он пошевелился.

Несильно, лишь вздохнув и слегка дернув одной рукой. Но потом что-то шевельнулось под его закрытыми глазами. Мальчик что-то пробормотал во сне, и Нари судорожно выдохнула, стараясь удержаться на ногах.

Она оглянулась. Все в комнате смотрели на нее со смесью восхищения и ужаса.

Нари улыбнулась.

– Кто-нибудь поможет мне со швами?

Остаток ночи ушел на то, чтобы наложить швы. Нари дождалась, пока мальчик откроет глаза, после чего его переложили на доску, которую принес очередной родственник. Семья жила всего в квартале отсюда, и Нари подробно объяснила родителям, как ухаживать за сыном, пообещав, что придет к нему на осмотр около полудня.

Его отец, уходя, рассыпался в извинениях и словах благодарности.

– Да отблагодарит тебя за это Господь, – лепетал он. – Мы найдем способ заплатить тебе, обещаю.

Глядя на мать, баюкавшую сына, Нари отрицательно покачала головой.

– Не нужно мне платить, – сказала она, придерживая дверь. – Я была рада помочь.

Рассветные лучи светлили небо, когда она провожала их взглядом. Было тихо, если не считать пения птиц и дуновения ветерка, доносившего запах Нила. Нари глубоко вздохнула, с чувством достигнутой цели и умиротворения, которых не испытывала с самого дня шествия в честь Навасатема.

Она все еще на что-то годилась. Пусть ее магия исчезла, но Нари только что спасла чью-то жизнь, проведя операцию, которая даже у опытных врачей не всегда получалась успешной. Когда прилив страха и возбуждения окончательно спал, она задрожала и прислонилась к двери аптеки, утирая слезы, к ее собственному смущению выступившие на глазах.

Я стала тем, кем всегда хотела быть. К черту политику Дэвабада и отсутствие дипломов, которые человеческий мир никогда не предоставит такой женщине, как она. Нари была *целительницей*, и никто не мог отнять это у нее.

Она вернулась в аптеку. Али и Якуб сидели друг напротив друга с одинаково ошеломленными лицами, в окружении окровавленных инструментов и тряпок.

Но нет, не просто ошеломленными: Али, казалось, был на волосок от того, чтобы его не вырвало. Нари с трудом сдержала улыбку.

– Вот уж не ожидала, что окажешься таким слабонервным.

– Я не слабонервный, – возмутился он и трясущимся пальцем указал на сверло: – Я больше *никогда* не желаю прикасаться к этой штуковине, но я не слабонервный.

Стараясь не рассмеяться, она пересекла комнату и положила руку ему на плечо:

– Почему бы тебе не вздремнуть? А я пока наведу порядок, мне сейчас нужно себя чем-то занять.

Его лицо засветилось от облегчения.

– Храни тебя Бог.

В ту же секунду Али так припустил вон из комнаты, будто за ним гнался каркаданный.

– Я тебе помогу, – предложил Якуб. – Не думаю, что смогу заснуть после того, как у меня на глазах провели операцию на мозге в моей же аптеке.

Они принялись за работу: Нари складывала окровавленные тряпки в мешок для стирки, а Якуб вытирал инструменты.

Нари свернула скатерть, которой застилала стол.

– Прости, что сразу не спросила у тебя разрешения. Нельзя было ставить тебя в такое положение.

Якуб шелкнул языком:

– Сначала она рискует ради незнакомых людей, а теперь прощения просит. Куда подевалась нахалка, которая пыталась меня обобрать много лет назад?

Ее больше нет, и след давно простыл.

– Я могу украсть пару инструментов по старой памяти.

Он покачал головой, не веря ни одному слову:

– Ты изменилась, в лучшую сторону, даже если сама в этом себе не признаешься. – Он помешкал, а затем встретился с ней взглядом. – Ты ведь все-таки это сделала, да? Ты выучилась на врача?

– В каком-то смысле.

Он не сводил с нее пристального взгляда:

– Где ты была, Нари? Только честно.

На языке вертелась дюжина отговорок, но господи, как же она устала лгать. Нари вздохнула.

– Ты поверишь, если я скажу, что происхожу из древнего рода джиннов-целителей и была пленницей в скрытом волшебном королевстве на другом конце света?

Якуб сначала отпрянул... а потом фыркнул:

– Даже тебе не под силу выдать такую небылицу за правду.

Нари нервно усмехнулась, кровь отлила от ее лица.

– В самом деле, – проговорила она с плохо скрываемым разочарованием. – Кто ж поверит в такую безумную историю?

Якуб поставил чайник на огонь.

– Где бы ты этому ни научилась, сегодня ты сделала невероятное, – сказал он, раскладывая чайные листья по двум стеклянным чашкам. – О тебе пойдет столько слухов.

– Тем более что я не взяла с них денег.

– Это действительно неоспоримый плюс.

Нари обтерла инструменты, завернула их в чистую ткань, и Якуб жестом пригласил ее сесть рядом.

– Ты нарушила мой сон, так что выпей со мной чаю, – распорядился он, протягивая ей чашку. – Хоть поговорю с тобой.

Она сразу встревожилась:

– Если мы злоупотребляем твоим гостеприимством, я могу найти другое жилье...

Якуб цыкнул на нее:

– Я не хочу, чтобы вы уходили. Наоборот. Я хочу, чтобы вы остались.

Нари нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

Он подул на чай.

– Не секрет, что я старею – ты и сама отпускала немало бесцеремонных комментариев на этот счет. Никто в моей семье не годится на то, чтобы взять управление аптекой на себя. Мы с женой обсуждали продажу лавки, но я подумал, вдруг ты и твой друг заинтересуетесь в том, чтобы остаться и заправлять здесь после меня.

Она изумленно уставилась на него. Это было *самое* последнее, что она ожидала услышать от Якуба.

– Я... я не училась на аптекаря, – пробормотала она.

– Она не училась на аптекаря... Боже мой, да ты сегодня вот на этом самом столе провела операцию на мозге! Ты могла бы открыть здесь свой собственный врачебный кабинет, и твоя репутация все сказала бы за себя. А если это так тебя беспокоит, то я еще не готов выходить на пенсию. И буду только рад взять вас обоих в подмастерья на несколько лет.

Это было такое сердечное и прекрасное предложение, что Нары с трудом удалось найти предлог для отказа.

– Я женщина. Никто не будет воспринимать меня всерьез ни как аптекаря, ни тем более как врача.

– Ну и к дьяволу их всех. Тебе прекрасно известно, что в городе есть женщины, практикующие врачевание, в особенности на пациентках женского пола.

– Богатые женщины. Дочери и жены врачей, которые работают с ними бок о бок.

– Так *соври*. – От переизбытка эмоций Якуб чуть не расплескал чай из своей чашки. – Когда-то ты врала направо, если это приближало тебя к цели. Уж наверное, тебе под силу скроить для себя подходящую легенду. Вот и скажи, что ты обучалась медицине в некоем загадочном островном королевстве, откуда родом твой не-муж.

Нари откинулась на спинку стула. Непрошенные фантазии о таком будущем пронеслись перед глазами. Она ведь действительно была хорошей целительницей. Может, богачи и заграничные пажоны и будут воротить нос от самопровозглашенной врачевательницы без какого-либо диплома, но такие люди, как семья этого мальчика? Люди, среди которых она выросла? Для них кто-то вроде Нары стал бы подарком с небес. И подумаешь, что им не всегда будет хватать денег на оплату. У Нары останется аптека, и она всегда умела найти способ подзарабо-

тать. Али хорошо ориентировался в цифрах. Они будут зарабатывать достаточно, чтобы хватило на безбедную жизнь.

Только вот...

Только вот о таком будущем, которое предлагал Якуб, она мечтала, когда жила в Египте. Теперь у нее были новые обязательства, и народ в Дэвабаде ждал ее. И хотя Нари чувствовала эйфорию, спасая этого мальчика, она знала, что способна на большее. Она могла бы спасти куда больше жизней с помощью магии, и пока они не найдут способ вернуть ее, Нари никогда не раскроет весь потенциал, который в себе ощущала.

Видимо, Якуб по ее глазам заметил, как она расчувствовалась. Он отставил чашку и взял ее за руку:

– Нари, дитя мое, я не знаю, от чего вы бежите. Не знаю, что замышляете дальше. Но вы можете остаться и построить жизнь здесь. Беззаботную жизнь.

Нари судорожно вздохнула и сжала его руку.

– Это... невероятно щедрое предложение. Мне нужно подумать.

– Не торопись, – тепло отозвался Якуб. – Поговори со своим другом, – он улыбнулся. – Я думаю, Каиру нужен такой человек, как ты.

Она не стала возражать.

Но ее мучил вопрос, не нужна ли она Дэвабаду *больше*.

9

Али

Али еще много месяцев будут сниться кошмары о вскрытых черепах, но восхитительный рынок, куда на следующий день привела его Нари, это с лихвой компенсировал. Таким он и видел человеческий базар в своих грезах, и Али бродил по рядам с нескрываемым восторгом, радуясь, что люди, казалось, не замечали его, потому что он даже не пытался сдерживать свое любопытство. Он перебегал от лавки к лавке, от тележки к тележке, трогая все, что попадалось под руку, и с необузданным энтузиазмом разглядывал расшитые гобелены, плотницкие инструменты, зеркальные фонари, стеклянные очки, туфли...

Он ахнул, вдалеке заметив блеск металла.

– Мечи.

– Нет, – осадил Нари, дернув его за рукав не по размеру сидящей галабеи, которую он позаимствовал у Якуба. – Я чуть не потеряла тебя у игрушечных цыплят. Мы не будем смотреть на мечи. Так мы никогда отсюда не уйдем.

– Эти «игрушечные цыплята» – настоящее чудо инженерной мысли, – оправдывался Али, с упоением вспоминая диковинное устройство, где два жестяных цыпленка начинали кивать головами, стоило ему потянуть за молоточек, как будто бы склевывая зернышки с расписного стекла. Он отчаянно захотел приобрести его, так ему не терпелось разобрать игрушку и посмотреть, как она устроена.

– Да. Чудо инженерной мысли... для детей.

– Я отказываюсь верить, что ты не была точно так же очарована, впервые попав на базар Дэвабада.

Нари ответила ему легкой, доверительной улыбкой, от которой тепло разлилось по всему его телу.

– Может, отчасти. Но, – она вырвала кофейник, который рассматривал Али, у него из рук и потащила за собой, – я хочу показать тебе кое-что получше.

Следующий переулочек был крытым, узкая тропинка змеилась под потолком с резным орнаментом в виде геометрических сот. Они завернули за угол, и там, на коврах и сундуках, лежало целое море книг и свитков.

Али тихо ахнул:

– Да. Да, это лучше мечей.

Он, недолго думая, направился к первому магазину, осматривая все вокруг округлившимися глазами. Кроме книг, здесь продавались разнообразные карты и какие-то свитки морской тематики, рядами разложенные на синем бархате.

Али опустил на колени, штудировав их. Карты были очень красивы и щедро иллюстрированы миниатюрными рисунками городов и кораблей. Он провел пальцем по ярко-синей линии реки, изучая вручную нарисованные холмы и трио островов.

– Это Каир? – спросил он.

Нари заглянула ему через плечо.

– Возможно. Я не очень сильна в географии.

Он разглядывал карту, рассеянно теребя бороду.

– Как далеко на юг протянулся Нил?

– Думаю, довольно далеко. Как я поняла, южная его часть проходит через Та-Нтри. Но это ведь ты у нас эрудит, верно?

– Любопытно, – тихо сказал он.

– Почему?

Али отметил настороженный тон ее голоса.

– Просто задумался, – пробормотал он, просматривая карты в поисках чего-нибудь еще интересного.

– Ну, ты можешь оставаться и любоваться реками. А я хочу найти тут одного человека, который раньше продавал труды по медицине. Догоняй, как освободишься.

Он пробормотал что-то в знак согласия, продолжая копаться в ворохе карт. Еще одна карта Нила. Али обвел взглядом южные берега реки, изучая ее притоки и пытаясь по мере сил разобрать арабские подписи, хотя большинство названий были ему незнакомы.

Но за ним... об этой земле он многое слышал. Пышные горы и секретные замки, построенные среди человеческих руин, пустынный полуостров, почти целовавший Ам-Гезиру, и влажное муссонное побережье, рассказы о котором Али слушал в детстве, сидя на коленях матери.

Та-Нтри.

Амма.

Хацет уже должна быть на своей родине, верно? Казалось, это так пугающе далеко, но... Али провел подушечкой пальца по нарисованным землям, размышляя о новых перспективах. Он еще не до конца оправился от горя, но это не мешало ему втихомолку обдумывать пути возвращения в Дэвабад, ворочая в уме данные, как головоломку.

И вот – новый фрагмент.

Али поднялся на ноги, не выпуская из рук карты. Оглядевшись, он заметил Нари несколькими прилавками в стороне, увлеченную собственными поисками. Он открыл рот, собираясь позвать ее по имени, но передумал.

«Нет, оставь ее», – сказал он себе, чувствуя прилив нежности к подруге. Он не станет давать ей ложных надежд – рано. Могло показаться, что Нари справляется с трагедией лучше, чем он, но Али не спешил принимать это за чистую монету. Горе пронизывало Али до мозга костей, но было простым по сути: его близкие убиты, его дом – захвачен. У Нари второй раз за шесть лет мир перевернулся с ног на голову, ее предали буквально все ее близкие, включая мать и Афшина, которых она считала погибшими.

Кроме того, с этой задачей Али наверняка справится и сам. Он подошел к книготорговцу.

– Мир вашему дому... *Мир вашему...* вы меня слышите? – прокричал Али, щелкая пальцами у того под носом.

Мужчина моргнул и склонил голову, приняв какой-то осоловелый вид.

– Слушаю! – проговорил он не совсем уверенно.

– Я хочу купить вот это, – объявил Али. Он порылся в сумке в поисках монет, которые Якуб дал ему сегодня утром.

– *Мне тебя Бог послал,* – плакал аптекарь, любуясь своим свежестполированным столом. – *Ты... как твое имя, напомни?* – добавил он, потому что за ночь он снова и снова забывал имя Али, а иногда и само его существование.

Али протянул монеты:

– Этого достаточно?

Книготорговец взглянул на монеты и снова моргнул.

– Да, – сказал он, выхватывая их из рук Али. – Это ровная сумма.

– Вот как, – ответил Али, замечая, с каким злорадством торговец спрятал деньги в небольшой сундучок. Али знал, что некрасиво думать о других худшее, но был почти уверен, что его только что облагопошили.

– Что ты делаешь?

Али вздрогнул, услышав голос Нари.

– Ничего! – быстро сказал он, оборачиваясь, в надежде, что она не догадается, как легко его только что обманули. – Куда дальше?

– Обедать. Пришло время отплатить тебе за фытыр, который ты достал для меня в Дэвабаде, настоящей египетской едой.

10

Нари

Али лежал рядом с ней на крыше в окружении остатков их пиршества.

– Признаю свое поражение. Человеческая еда вкуснее.

– Я же говорила, – ответила Нары, доедая последний ломтик арбуза и отбрасывая корку в сторону. – Колдовские пряности и в подметки не годятся уличной выпечке.

– И все же ты не просто так выбрала именно это место, чтобы насладиться нашей трапезой, – подколот он, жестом обводя разрушенное здание, на крышу которого они забрались. Это было похоже на ханаку, суфийскую обитель, заброшенную, когда центр города сместился. – Люди верят, что руины заселены джиннами, верно?

– Именно. Когда я была младше, то любила здесь прятаться. И отсюда открывается прекрасный вид, – добавила она, глядя на россыпь коричневых куполов и минаретов на фоне сверкающего Нила.

Али с трудом привстал, принимая сидячее положение.

– Это да. – Но затем его лицо окрасилось печалью, стирая минутную беспечность, которой он недолго наслаждался. – Такой же вид на Дэвабад открывался с башни Цитадели, – тихо проронил он, проводя пальцами по разбитым кирпичам. – До сих пор трудно поверить, что ее нет. Цитадель так долго заменяла мне дом, и солдаты были мне как семья.

Его слова разбередили и ее раны.

– Я точно так же воспринимала лазарет и Низрин. И Джамшида, – добавила она, почувствовав укол вины.

Джамшид *был* ей семьей, и Нары невольно вспомнила, как в свою последнюю ночь в Дэвабаде отказалась идти на поводу у Гасана, шантажировавшего ее жизнью брата. И если бы Гасан прожил на несколько часов дольше, он, возможно, исполнил бы свою угрозу – и убил Джамшида на глазах у Нары.

И она была готова позволить этому случиться – она была готова на все ради спасения жизни джинна, сидящего рядом с ней, в надежде, что тот свергнет своего отца. Но пока она не спешила рассказывать об этом Али – едва ли они были готовы к этому разговору.

– Может, Каве и предатель, но я уверен, что у него был план, как спасти своего сына, – сказал Али. Он изменился в лице. – Но когда Джамшид узнает о Мунтадире... они были очень близки.

Пожалуйста, скажи ему, что я любил его. Скажи, что я сожалею, что не вступился за него раньше. Нары крепко зажмурилась. Она не хотела говорить на эти темы. Она справлялась с травмой, подавляя ее, задвигая подальше горе и гнев, которые в противном случае поглотили бы ее целиком.

От ответа ее спас внезапный бой большого барабана. Али встрепенулся и потянулся к ханджару, висевшему у него на поясе.

– Не дергайся, – успокоила Нары, опуская его руку. К барабанам уже присоединились звуки пения. – Свадьба, наверное. – Она высунулась из-за стены, оглядывая лабиринт переулков внизу. – Лет десять назад я бы догнала их и прикинулась гостьей ради еды.

– Хочешь верь, хочешь нет, но в Бир-Набате мы делали точно так же. Караулили человеческие праздники и уносили с собой объедки. Искусно владея магией, из них можно воссоздать весь пир. – Голос Али разочарованно дрогнул. – Ну, как... другие так делали. Меня никогда не отпускали. Все считали, что я не смогу вести себя осторожно.

Нары хмыкнула:

– Ты – и не сможешь вести себя осторожно с людьми? Ни за что бы не подумала. – Она замолчала, почувствовав в себе желание задать ему еще один вопрос. – Но тебе там нравилось? – рискнула она. – Жить подобием нормальной жизни?

– Очень нравилось. – Опираясь на локти, Али смотрел на Каир. – Иногда становилось немного одиноко, и я не всегда вписывался в ту жизнь. Но мне нравилось приносить пользу. Знаешь это чувство? Когда понимаешь, что можешь сделать что-то хорошее, – он вздохнул. – В Бир-Набате это было гораздо легче, чем в Дэвабаде.

– Да, – пробормотала она. – Кажется, я понимаю, каково это.

Али повернулся к ней:

– Кстати, как поживает твой пациент?

– Хорошо, слава Богу. – С утра Нарі провела мальчика. Швы выглядели хорошо, и хотя он ощущал некоторую слабость в левой стороне тела, он был жив. – Его мать расцеловала меня и плакала без остановки.

– То-то печенье, которое ты принесла, показалось мне сыроватым, – пошутил Али, не теряя серьезности во взгляде. – Рад слышать, что с ним все будет хорошо. Потому что нам нужно поговорить.

– О чем?

– О печати Сулеймана и о том, что магия не возвращается.

Нарі замотала головой:

– Мунтадир сказал, что процесс может занять пару дней...

– Прошло уже пять, Нарі... И ничего не изменилось. Я не чувствую ни своих джиннских способностей, ни печати. – Али коснулся груди: – У меня покалывает сердце, когда я взываю к магии воды, но это все. Может, у тебя...

– Нет. – Каждое утро, просыпаясь, Нарі пыталась дозваться до своей исцеляющей магии и жаждала ее возвращения.

– Значит, нам нужен новый план. – Али потянулся к сумке, которую носил с собой. – Возможно, Манижа и Дара тоже лишились магии, возможно, ее лишились и все остальные, но мы не знаем наверняка и не можем ждать с моря погоды. Это небезопасно ни для нас, ни для людей, с которыми мы пересекаемся. Нам нужно найти место, где мы сможем воссоединиться с нашим народом, найти союзников, начать собирать армию...

Союзники. Армия. В голове Нарі нарастал гул. Она прочистила горло, внезапно обнаружив, что ей трудно говорить.

– Что за место? – выдавила она.

– Та-Нтри. – Али вытащил из сумки пачку бумаг – нет, не бумаг, а карт.

– Так *вот* зачем тебе понадобились карты?

– Да. Смотри. – Он указал точку на карте, посреди золотых песков за Тростниковым морем. – Ам-Гезира близко, но, думаю, нам не стоит рисковать: вдруг Манижа обрушит новую чуму на народ Гезири, если ее силы все еще при ней. Но если пойти на юг... – Он прочертил указательным пальцем вниз, обводя береговую линию океана. – Моя мать родом из Шефалы – это здесь, – Али постучал пальцем по невидимой точке. – Она должна быть там. Та-Нтри – сами по себе сила, с которой стоит считаться. У них есть деньги, воины и достаточно ресурсов, чтобы оставаться в значительной мере независимыми.

Та-Нтри. Нарі переварила услышанное. Несмотря на их непростые отношения, Нарі не могла не согласиться, что обратиться за помощью к Хацет было бы мудрым решением – из хитроумной королевы выйдет соперница под стать Маниже.

Но уехать из Каира...

– Нам точно будут рады в Та-Нтри? – спросила она. – Мунтадир всегда говорил так, будто Аяанле чуть ли не заговоры против нас плетут.

– Это... не совсем беспочвенные обвинения. – Когда Нары в ответ вздернула бровь, он поспешил добавить: – Но библиотека в Шефале, говорят, необыкновенная. Там хранится много книг, привезенных из Дэвабада во время первоначального завоевания, и в этих книгах мы могли бы найти что-то о печати Сулеймана. Может быть, мы что-то упускаем, и есть какой-то способ все исправить и вернуть магию.

Видит Создатель, Нары хотела вернуть магию. Но еще одно королевство джиннов, сующих нос в чужие дела, где, по всей видимости, хранились украденные архивы ее семьи, а правил суверен, которому она не доверяет...

– Но у нас нет способа добраться туда.

– Есть. – Али снова указал на карту: – Вплавь.

Нары наградила его скептическим взглядом:

– Ты умеешь управлять кораблем?

– Умею... немножко. Но что важнее, я могу сделать так. – Али перегнулся через перила и поманил рукой поваленную пальму, дрейфующую по ленивому течению реки. Та резко остановилась, а затем изменила курс, двигаясь по направлению к руке Али, как будто ее потянули за подводную цепь. Он отпустил пальму, и та, покругившись на месте, продолжила плыть своим ходом.

Он поморщился, потирая грудь.

– Будет болезненно. – Али взглянул на нее, и впервые с тех пор, как пал Дэвабад, Нары увидела в его глазах надежду. – Но думаю, это может сработать.

Нары смотрела на него, стараясь вести себя так, будто вокруг нее не смыкаются стены.

– Это слишком опасно. И слишком далеко. Мы почти бессильны, а ты предлагаешь отправиться в поход через пустыни и джунгли, потому что можешь заставить бревно плыть вверх по реке?

Али понурил голову.

– Тогда что ты предлагаешь?

Нары засомневалась, но лишь на мгновение.

– Предлагаю побыть здесь... подольше. – Она встретилась с ним взглядом, чувствуя себя неприятно уязвимой. – Якуб хочет, чтобы я заправляла аптекой.

– *Заправляла аптекой?* – переспросил Али в замешательстве. – В каком смысле?

– Он предложил нам пойти к нему в подмастерья, – объяснила Нары. – Когда он выйдет на пенсию, аптека останется нам и я смогу принимать там пациентов. Я могла бы стать *врачом* или кем-то вроде. Я бы лечила людей, которые не могут позволить себе никого другого.

Али отпрянул, явно потрясенный.

– Ты предлагаешь не остаться в Каире *подольше*. Ты предлагаешь остаться *навсегда*.

– Даже если так? Что в этом такого плохого? Мы могли бы прожить здесь хорошую жизнь. Мы могли бы помогать людям!

– Нары... – Али поднялся на ноги, уже качая головой.

– Хотя бы подумай над этим! – Она последовала за ним, презирая себя за мольбу, сквозящую в голосе. – Здесь мы могли бы быть *самими собой*: Нары и Али. Не Нахида и не Кахтани, обреченные на какую-то кровную вражду, – продолжала она с отчаянием. – Тебе ведь нравится здесь? Ты мог бы любоваться человеческими игрушками, сколько душа пожелает; наводить порядок в лавке Якуба и развлекаться с бухгалтерскими книгами – не говоря уже о том преимуществе, что тебя не убьют в каком-нибудь безрассудном заговоре. Мы могли бы быть *счастливы*.

– Мы не можем здесь оставаться, Нары. *Не можем*... – повторил Али, когда она отвернулась, не в силах видеть жалость в его глазах. – Прости. Мне бы очень хотелось, но Манижа еще придет за печатью. Ты это знаешь. Я это знаю. Это лишь вопрос времени.

– Ничего мы не знаем, – яростно возразила Нары. – Откуда нам знать, может, она решила, что мы утонули в озере. И даже если есть у нее магия, что с того? Что она, будет искать нас по всему миру?

– Ей не нужно искать по всему миру. – Али колебался. – Ты не скрывала любви к своему человеческому дому. Ей достаточно спросить Дараявахуша, и...

– Дара *ничего* обо мне не знает.

За этим последовало напряженное молчание. Али отошел поодаль, заложив руки за голову, но Нары не сдвинулась со своего места. Если бы она могла, то пустила бы корни прямо на этой крыше.

Она тяжело дышала, стараясь обуздать бурлящие эмоции. В любой трудной ситуации ей всегда помогал холодный, трезвый расчет.

– Может, это не навсегда, – сказала она, пытаясь прийти к компромиссу. – Вернется магия – замечательно. Тогда и подумаем о том, чтобы ехать в Та-Нтри. А если нет? Здесь у нас есть запасной план, здесь мы будем в безопасности.

– Здесь мы всегда будем в опасности, и все вокруг нас тоже. – Он постучал пальцем по отметине на виске: – Вот из-за этого. И откуда нам знать, что Манижа не пошлет ифритов по наши души? По душу Якуба? Да я и *не хочу* быть в безопасности, пока в опасности мой народ и моя сестра.

– И что? Отправимся в Та-Нтри, соберем армию, чтобы развязать очередную бессмысленную войну? – Она всплеснула руками: – Али, Манижа превратила озеро в чудовище и создала яд, лишивший жизни тысячи джиннов буквально за одну ночь. Она вступила в сговор с ифритами. Нет ничего, на что она бы ни пошла, чтобы победить.

– Мы найдем способ дать им отпор!

– Такой же, как в ту ночь? – Али обернулся, услышав вызов в ее голосе, но Нары не отступала: ее слова были жестоки, но она хотела, чтобы он понял. – Сколько дэвов ты убил тогда?

В его лице проступили первые признаки гнева.

– Убитые мной дэвы были солдатами. Солдатами, которые вторглись в мой дом, убили моих друзей и намеревались истребить все мое племя.

Нары невозмутимо посмотрела на него:

– Смени «дэвов» на «джиннов», и я уверена, этими же словами успокаивал себя и Дара. Али отшатнулся, как будто Нары дала ему пощечину.

– Я *совершенно* не такой, как он. Я скорее перережу себе горло, чем совершу то, что совершал он. – Он сморгнул, и гнев в его глазах сменился болью. – Он убил моего брата... Как ты можешь говорить мне такое?

– Потому что я не хочу для тебя такой судьбы! – взорвалась Нары. – И *для себя* не хочу! Ты напомнил мне его в ту ночь на крыше, и я... – К горлу подступила тошнота. – Я помогла тебе. Я помогла тебе убить трех дэвов. А когда я вонзила нож в грудь твоего отца, Али? Это оказалось приятно. Я испытала *удовлетворение*.

Сильно дрожа, Али отвернулся, пересекая крышу, как будто специально увеличивая расстояние между ними.

Она опять последовала за ним, все более отчаиваясь.

– Как же ты не понимаешь, что нам не обязательно идти на войну. Пусть думают, что мы утонули. Мы с тобой... мы пытались, слышишь? Пытались сильнее, чем другие. Мы построили больницу, и посмотри, что получилось. Дэвы напали на шафитов, шафиты напали на дэвов, твой отец был готов убивать всех подряд, но моя мать убила его раньше. Дэвабад – это смертельный капкан. Он развращает и губит каждого, кто пытается это исправить. А мы можем освободиться из него, как ты и хотел раньше. Мы вдвоем. Мы *заслуживаем* того, чтобы быть свободными.

Али остановился на краю крыши, тяжело дыша. И тут Нарі заметила это – мимолетный проблеск соблазна в его лице. Нарі был знаком этот соблазн. Она нередко замечала его в других, когда ее мишеням не хватало ума, чтобы скрыть свои эмоции, а затем использовала в своих целях. В мыслях вертелось полдюжины способов убедить его остаться, вынудить пойти у себя на поводу.

Но Али давно не был ее мишенью – он был ее другом.

Он обернулся. Болезненное выражение исчезло с его лица. Более того, Али сосредоточил свое внимание *на ней*, как будто это она оказалась его мишенью, и Нарі это ни капли не понравилось.

– Мне нужно сказать одну вещь, которую не вправе говорить тебе ни один Кахтани, но это должно быть сказано, и больше никому, – начал он. – Даже если Манижа не станет искать нас, даже если мы не вернем магию, мы не можем оставаться здесь. Мы обязаны вернуться, невзирая на последствия. Наши семьи заварили эту кашу, но они не единственные, кто будет ее расхлебывать. Расплачиваться придется десяткам тысяч ни в чем не повинных мирных жителей. И мы с тобой не имеем права закрыть на это глаза, какой бы заманчивой ни казалась перспектива.

Нарі хотелось ударить его по лицу.

– Ты прав, ты не вправе говорить мне такое. *Заманчивая перспектива?* Так я эгоистка, раз не хочу умирать в Дэвабаде, когда я могу помогать людям здесь?

– Я не называл тебя *эгоисткой*...

– Считаю, назвал. – В ней закипала ярость как на саму себя, так и на Али. Зачем она тратит время, уговаривая какого-то упертого принца джиннов оставаться с ней?

«*Потому что ты хочешь, чтобы он был рядом*», – раздался насмешливый и жестокий голос в ее голове. Потому что Нарі не хотела жить в Египте одинокой, самоотверженной врачевательницей. Она хотела пить невкусный чай и листать книги вместе с тем, кто так хорошо ее знал. Она хотела полноценную жизнь, хотела друга.

Нарі могла обойтись без Али. Она просто не хотела.

И это делало его слабостью. Нарі слышала это слово голосом Низрин, голосом Гасана, голосом Манижи: Али был ее слабостью, как и все они, весь Дэвабад. Следовало и там продолжать жить так, как она всегда жила в Египте. Не привязываясь, не мечтая о больнице и о лучшем будущем. Просто выживать.

Небо резко потемнело, солнце ушло за пирамиды. Шелест речного транспорта и городской шум наполнили ее сердце нежностью. Все это вдруг показалось таким хрупким, что ей захотелось прижать Каир к груди и никогда не отпустить.

– Забудь, – заявила она. – Я не собираюсь тут распинаться, в который раз спасая тебя от самого себя. Хочешь умереть в Дэвабаде? Хорошо. Только без меня.

Нарі развернулась, собираясь оставить его одного на крыше, но он бросился за ней вдогонку.

– Нарі, она же придет за печатью...

Она оглянулась. Это была ошибка. Потому что умоляющий взгляд Али запал в тот уголок ее сердца, который Нарі хотела в себе раздавить.

Поэтому она раздавила его.

– Тогда я рада, что отдала ее тебе.

Нарі трясло от гнева, когда она убегала из ханаки. К черту Ализейда аль-Кахтани и его идеализм. К черту *Дэвабад*, обреченный, отравленный город, которому она пыталась помочь. В Великом храме уже было достаточно алтарей, посвященных Нахидам, принявшим мученическую смерть. Нарі не собиралась пополнять их ряды.

Она не вернулась в аптеку. Пусть сначала вернется Али, соберет вещи и отправится в свое бессмысленное путешествие по Нилу. Может, когда он будет умирать от голода, заблудившись на берегах какого-нибудь безвестного ручья, он поймет, что нужно было к ней прислушаться.

И она ушла гулять по городу. Не вдоль берега реки, а в глубь людных каирских улиц, ведущих к холмам, через кварталы мигрантов. Нари не хотела покоя, к которому склонял полноводный Нил, приглашая к тихому созерцанию. Она хотела отвлечься на шумную человеческую жизнь и суету: детские игры и сплетни соседей. Обычную жизнь, которой она могла бы жить последние пять лет, но оказалась пешкой в опасных политических играх кучки мстительных, воинственных джиннов. Она шла, не обращая внимания на то, куда идет, в глубине души надеясь, что заблудится настолько, что к тому времени, как она доберется до дома Якуба, Али уже уйдет, и последнее звено, связующее ее с волшебным миром, будет разорвано.

И все же, несмотря на желание оторваться от этого этапа своей жизни, Нари не удивилась, когда ноги принесли ее туда, где все и началось.

Пустой удел, где она проводила зар, оставался подозрительно нетронутым, хотя район стал более оживленным, у соседних многоквартирных домов появились дополнительные этажи, а вдоль стен были пристроены хижинки. Якуб говорил, что люди в Египте надеются на перемены. Француз повержен, а новый заморский правитель обещает реформы. Все больше людей переезжало в город в поисках новых возможностей.

Она хотела предупредить их не делать этого. Видеть, как разрушаются твои мечты, больнее, чем никогда не мечтать.

Однако даже робкие надежды на лучшее не коснулись этого удела. Невзрачный земляной квадрат был завален мусором, а единственным обитателем оказался рыжий кот, вылизывавший усы.

Не в первый раз она подумала о Басиме. Вынули ли из ее горла стрелу Дары, прежде чем передать тело девочки скорбящей матери – матери, которая накануне расцеловывала Нари в щеки и осыпала благословениями? Обуглились ли ее пальцы от одержимости ифритом и провела ли она свои последние мгновения в агонии только потому, что Нари, повинувшись какой-то прихоти, решила запеть по-дивастийски?

Ты ответственна за смерть этой девочки не меньше, чем Дара и Визареш. Со стороны Нари было верхом самонадеянности промышлять традициями, которых она не понимала, превращая способности, предназначенные для исцеления, в способ обмана невинных людей. Так же она поступила и с печатью Сулеймана, забрав ее у Дэвабада и уничтожив их магию.

И теперь снова окунуться в эту неопределенность и опасность? Когда у нее появился шанс оставить все позади и начать заново? Нет. Ни за что.

Небо темнело, отзвучал призыв к магрибу. Нари, вероятно, стоило бы испугаться: молодая женщина, совсем одна – но, парадоксальным образом, несмотря на отсутствие магии, Нари почти не испытывала страха перед окружающими ее людьми. Время, проведенное в Дэвабаде, изменило ее, отдалив от людей, которых она когда-то считала своими соотечественниками.

И они снова ими станут. Будущее, о котором она всегда мечтала, наконец-то было в ее руках, и она не собиралась его упустить.

И все же ночь влекла ее за собой, как на ниточке, снова приведя в Эль-Арафу. Огромное кладбище выглядело в точности таким, как его запомнила Нари: древняя мешанина гробниц и мавзолеев, мрачный пейзаж мира мертвых, которые, как знала теперь Нари, не всегда почивали с миром. Она пошла по кладбищу, бродя извилистыми аллеями своей памяти, и села на полуразрушенную каменную колонну, наполовину залитую лунным светом.

И тогда, и только тогда, оказавшись в том месте, где она впервые увидела его в вихре песка и огня, Нари наконец позволила себе впустить в свои мысли Дару.

«Ты не должна была этого видеть. Ты должна быть в безопасности». Нарі обхватила виски ладонями, вспоминая муку на его красивом лице, когда он заплетающимся языком произносил эти слова, и его яркие глаза молили о понимании.

Как ты мог так поступить, Дара? Как ты мог сотворить такое?

Ибо Нарі больше не могла отрицать, что Дара был виновен в тех преступлениях, о которых шептались, слышав его имя. Он учинил резню невинных шафитов в Кви-Цзы – злодеяние столь жестокое, что их мир до сих пор не оправился от потрясения. И теперь он совершил нечто не менее возмутительное: сознательно пособничал ее матери в попытке геноцида Гезири в Дэвабаде.

А ведь он был ей небезразличен. Да что там, она *любила* его – стоило признаться в этом хотя бы самой себе. Может, виной всему жажда приключений и охмуряющий азарт, и то был почти до неловкости неизбежный и заранее обреченный роман, которые вспыхивают между смелыми воинами и юными девушками с широко распахнутыми глазами. И ведь Мунтадир уличал ее в том, что она живет в сказке и не может отличить героя от чудовища. Нарі, которая так хорошо разбиралась в своих мишенях и бросила вызов королю джиннов. Как она могла не заметить тьму, таящуюся в Даре?

«Потому что ты сама стала мишенью, – с горечью подумала она. – И ты хочешь вернуться в Дэвабад и предстать там вождем, способным переиграть Манижу?» Мать Нарі лишь взглянула на нее и сразу разгадала все ее слабости. Ее шафитское происхождение и нелепую привязанность к глупому принцу. Мрачную злобу на джиннов, разбивших ее надежды. Острое удовлетворение в миг, когда она выжгла сердце Гасана.

Быть может, с этого все и начиналось. Нарі гадала, что могло произойти, если бы вторжение прошло по плану Манижи. Если бы Нарі, стараниями Низрин, оставалась в безопасности и неведении, и наутро проснулась в мире, где Гасан был мертв, дэвы – свободны, а Нарі – воссоединилась со своей семьей и любимым мужчиной? Быть может, тогда ей было бы проще поверить в ту ложь, которую они сочиняли бы в свое оправдание? Промолчать и сделать выбор в пользу того, чтобы смотреть вперед, а не на кровь и мертвые тела, подпирающие их новый мир?

С Дарой произошло то же самое? Нарі попробовала вообразить его юношей, преисполненным обожания к Нахидам и преданным служению своему народу, который поверил в то, что шафиты Кви-Цзы представляют собой первостепенную угрозу, и предпочел последовать приказу, хотя тот наверняка показался ему шокирующим. Сколько таких решений привело к тому, что Дара попал в услужение к Маниже и стоял рядом с ней, пока та совершала геноцид?

Я не хочу об этом думать. Нарі свой выбор сделала. Она обхватила колени дрожащими руками и зажмурилась, не позволяя пролиться слезам, находя покой в темноте под закрытыми веками.

А потом она увидела их. Субху в больнице, которую они строили вместе, отпаивающую ее чаем, когда Нарі пыталась не развалиться на части ради своих раненых соплеменников. Джамшида, смеющегося в лазарете верхом на коне из подушек. Детей шафитов в школе у рабочего лагеря. Детей дэвов, улыбающихся ей в храме.

Детей Гезири, погибших с бенгальскими огнями в руках. Всех тех, у кого, как справедливо заметил Али, выбора не было.

Нарі выругалась, громко и красочно, вспугнув голубя, дремавшего на карнизе ближайшего мавзолея. Затем встала и вернулась к Якубу, надеясь, что еще не слишком поздно.

Они ждали ее у входа в аптеку. Якуб кутался в шаль, которую всегда надевал, возвращаясь домой, и заметно нервничал, перекладывая трость из рук в руки. Али с мрачным видом стоял рядом, еще более отчужденный от проходящих мимо людей, чем обычно.

Якуб, заметив ее, цокнул языком:

– На тебя никаких нервов не напасешься.

– Я не хотела никого беспокоить, – тактично извинилась Нары. – Просто... мне нужно было побыть с собой наедине, подумать. – Она смотрела на Якуба, все время чувствуя на себе тяжелый взгляд Али.

Аптекарь был недоволен.

– Молоденьким девушкам лучше бы думать, не выходя из дома, – проворчал он, поправляя шаль. – Так оно безопаснее. – Он кивнул на дверь: – Я там оставил тебе бобов и хлеба.

Нари решила пропустить комментарий про «молоденьких девушек» мимо ушей.

– Спасибо, бабушка, – ответила она просто. – Передавай семье мои благословения.

Как только Якуб ушел, Али шагнул к ней:

– Нары, прости меня. Ты права, это не мое...

– Ты все мне расскажешь, – перебила она. – Что с тобой сделали мариды, какие еще мифы и легенды ты скрывал о войне, о печати Сулеймана – обо всем, слышишь? Больше никаких тайн.

Он моргнул:

– Да, конечно...

Нари оборвала его жестом:

– Я не закончила. Если мы собираемся это сделать, слушай меня внимательно. Мы должны быть *осторожны*. Никаких самоубийственных выходов и речей, за которые нас где-нибудь убьют. Я и близко не подойду к бану «Я-Переломая-Ваши-Ноги-Силой-Своей-Мысли», пока мы не придумаем план, который покажется мне – подчеркиваю, не тебе – надежным.

Али просиял:

– То есть... ты поедешь со мной в Та-Нтри? Ты не хочешь остаться в Каире?

– Конечно, я хочу остаться в Каире! И если бы Дэвабад не оказался в руках Нахиды-убийцы, на счету которой столько трупов, что тирания твоего отца кажется детским лепетом, я бы так и поступила. Но, как ты и сказал, – неохотно добавила она, – народ полагается на нас.

Его глаза светились от гордости. Боже, Нары хотелось его ударить.

Он положил руку на сердце:

– Для меня будет величайшей честью сражаться с тобой...

Нари раздраженно шикнула, заставляя его замолчать. Лучше она будет вести себя грубо, чем даст понять, как рада, что он не ушел без нее.

– Нет. Брось это. Я пока ни на что не соглашалась, слышишь? – предупредила она, погрозив ему пальцем. – Однажды я уже появилась без приглашения при дворе у джиннов, которые что-то не поделили с моими предками, и это прошло не слишком гладко. Если в Та-Нтри все пойдет не по плану, ноги моей там не будет.

Тень того, что раньше могло быть улыбкой, тронула его губы.

– Тогда я почти за честь быть тобой покинутым. – Выражение лица Али смягчилось. – Спасибо тебе, Нары. Я не думаю, что смог бы пройти через все это без тебя.

– Ты тоже ничего, – проворчала она, сражаясь с эмоциями, гложущими сердце.

Теперь Али улыбнулся по-настоящему, впервые за все время с осады города.

– И что же мы будем делать дальше, раз уж ты за главную?

Нары кивнула на ханджар Мунтадира:

– Будем покупать лодку.

11

Дара

Дара поморщился, наблюдая, как юноши, выстроившись перед ним в шеренгу, выпускают стрелы в деревья, в траву, в далекий шатер – другими словами, куда угодно, кроме своих мишеней.

– Они хоть чуть-чуть... *совершенствуются*? – спросил он наконец.

Ношрад, один из его первых воинов, выглядел мрачно.

– Они понемногу учатся стрелять прямо вперед, а не друг в друга.

Дара ущипнул себя за бровь:

– Ничего не понимаю. Наш народ славится своими лучниками. Приблизился Навасатем. Где все дэвы, которые собирались состязаться в стрельбе?

– После твоей смерти единственными дэвами, которым позволялось владеть луком, остались вельможи, присягнувшие Кахтани. Каве предупреждал меня, что многие из них были верными спутниками эмира Мунтадира, и посоветовал отсеять их из числа будущих рекрутов, пока обстановка не перестанет быть такой... накаленной.

Новость о том, что они не могут получить в свое распоряжение целый отряд опытных лучников, в которых так отчаянно нуждался Дэвабад, из-за их дружбы с Мунтадиром аль-Кахтани, заново наполнила Дару желанием придушить бывшего эмира.

Он похрустел суставами, уговаривая себя сохранять спокойствие.

– Должно быть больше дэвов, готовых встать на защиту своего города.

– Мы уже откомандировали всех, кто имел хоть какой-то боевой опыт. – Ношрад колебался. – Поиск рекрутов не приносит ожидаемых результатов. После исчезновения магии... все ждут следующей катастрофы.

Ожидание следующей катастрофы казалось уместным описанием их нынешнего положения. Дара обвел взглядом поле, которое его солдаты превратили в тренировочный полигон. Отгороженные стеной от прочих секторов, дэвы открыли ворота, выходящие с их территории в холмы, леса и на луга, преобладающие в остальной части острова, – возможность, недоступная ни одному другому племени. Большая часть земель здесь принадлежала старейшим семьям дэвов в городе – во всяком случае, до тех пор, пока Манижа не объявила, что все переходит под ее контроль. К Навасатему в городе хорошо запаслись провизией, но из-за огромного числа туристов и того обстоятельства, что ни корабли, ни караваны не заходили в город, еда в скором времени обещала стать проблемой, и поэтому они собирались сделать так, чтобы остатки несобранного урожая оказались в их руках.

Технически вопросы провизии Дару не касались – только вопросы безопасности и дела военные. Однако было не так-то просто оставаться в стороне от повседневных проблем управления городом. Прошло уже две недели с тех пор, как они захватили дворец, а Манижа все еще пыталась сколотить вокруг себя правительство, если под правительством понимать дюжину запуганных министров разного уровня опыта, под руководством крайне замотанного и сердитого Каве э-Прамуха. Несмотря на ультиматум Манижи и хаос, который посеял Дара, разнося весть об этом ультиматуме, никто из джиннов не спешил сдаваться. Агниванши прислали осторожно сформулированное письмо, которое можно было истолковать дюжиной разных способов, Тохаристан – куда более грубое послание, в котором предлагали Бичу Кви-Цзы гореть в аду, а Сахрейн – самую настоящую бочку горящего навоза. Аяанле и Гезири молчали, хотя Дара предполагал, что молчание – знак того, что кто-то активно замышляет твоё свержение.

И он ничего не мог с этим поделать, кроме как обучать новых воинов.

– Продолжайте работать, – сказал он Ношраду. – Посмотрим, удастся ли мне найти еще рекрутов.

Дара возвращался во дворец по главной улице, морально готовясь к противоречивой реакции, которую теперь вызвало его присутствие. Когда Дара только вернулся в Дэвабад, дэвы относились к нему как к герою: легендарный Дараявахауш э-Афшин вернулся к жизни, чтобы сопровождать еще более удивительную и загадочную бану Нари э-Нахид. Сюжет и впрямь выходил самый что ни на есть захватывающий: однажды, в более безмятежные времена, прогуливаясь с Джемшидом, Дара даже наблюдал его в инсценировке кукольного театра. Он был осведомлен и о *другой* трактовке, которую привносили в их историю: Нари была прекрасной девушкой, Дара – доблестным воином, а из Кахтани получились превосходные злодеи. Кланяясь Нари в Великом храме, он слышал вздохи и восхищенные перешептывания, замечал мечтательные взгляды и встречал переполненных эмоциями детей, все норовивших показать ему свои метки Афшина, которые сами рисовали себе на щеках.

Больше меток Афшина никто не рисовал. Нет, многие дэвы приветствовали завоевателей слезами благодарности и стекались поглазеть на Манижу во время ее редких публичных выступлений. Но, как и сказал Ношрад, большинство держались настороженно. Покорившись, травмированные, запуганные Манижей и Дарой так же, как и в свое время Гасаном. И Дара не мог их винить. Они лишились своей магии, а по их улицам бродили ифриты. Гасан, конечно, был тираном, но Дара понимал, что чудовищный способ убийства Гезири – магия Нахид, которую его народ почитал как священную, была вывернута наизнанку, принося мучительную смерть, – оказался вне их понимания. Дара шел, не поднимая глаз, слушая, как резко смолкают разговоры при его приближении, а за спиной начинается шепот. Женщин и детей на улице почти не было, рынки и кафе опустели, мусор и сорняки начали покрывать мощеные улицы.

Путь во дворец тоже дался ему с трудом, потому что лежал через вымершее грязное поле, где прежде находился лагерь погибших Гезири. Он выделялся, как язва, на фоне пышного сада, и ни у кого не хватало духу что-нибудь с этим сделать.

Включая Дару. Потому что каждый раз, когда он смотрел на это место, все, что оставалось от его души, кричало ему, что так быть не должно.

«*Могло быть и хуже*», – пытался он убедить себя. Дворец был омыт кровью так же, как и в прошлый раз, когда завоевывали Дэвабад, но тогда убивали *его* народ. Дэвам, которые испуганно прячутся по домам, еще повезло, что они вообще могут спрятаться. У его семьи такого шанса не было.

Но оправдания давались ему все труднее. Дара прошел в огромный тронный зал. Здесь тоже все еще пахло кровью. Тела дюжины Гезири, найденные там, убрали, и Дара сначала приказал очистить комнату слугам, а затем прибег к собственной магии, но едкий аромат никак не уходил.

Если бы не это, тронный зал ослеплял бы своим великолепием. Зная, что именно здесь Манижа будет встречать своих подданных, Дара постарался на славу, возвращая ему былую красоту. Щелчком пальцев он убрал следы старения с гигантских колонн, восстановив глянцевый лоск стен из песчаника и яркие краски оригинальных орнаментов дэвов. Толстый зачарованный ковер раскинулся на всю длину зала для аудиенций, сотканный из светящихся нитей в изображениях танцоров, животных и пиров – сюжеты, которые он помнил с юности. Принесли сюда и две большие огненные купели, наполнявшие комнату запахом кедра. И все же даже священным благовониям не удавалось перекрыть стойкий запах крови.

Этот зал всегда требовал высокую цену. Дара до сих пор помнил, как он впервые попал сюда. Око Сулеймана, как он был молод. Восемнадцать, девятнадцать лет? Он был еще кадетом, и его забрали прямо из тренировочного зала. Нетерпеливый приказчик, облаченный в цвета королевского двора, подозвал его и сказал, что Дару вызывает Совет Нахид.

Вызывает Совет Нахид.

Три слова, изменившие всю его жизнь.

Сначала Дара решил, что это ошибка. Когда выяснилось, что ошибки нет, он обрадовался и запаниковал разом. Афшинов, не достигших совершеннолетия, не вызывают на ковер к Совету Нахид. Дара знал, что к нему благоволят, он вообще принадлежал к поколению одаренных Афшинов, но в вопросах военной подготовки был на голову выше своих кузенов. Признавая в нем самородка с луком, Дару еще два года назад перевели на индивидуальную программу обучения. Его отец остался недоволен таким решением, хотя и помалкивал. *«Зейди аль-Кахтани советуетя со своими генералами, а их сыновей отправляет отстраивать разрушенные нами деревни, - вспоминал он, как отец вполголоса жаловался матери, – в то время как мы делаем убийц из воинов, которых должны воспитывать командирами».*

Явившись во дворец, Дара обнаружил, что его отец, Арташ, уже находился там, коленапоклоненный перед тронном шеду, со шлемом в руке. Что-то в его лице показалось Даре неправильным. Все кланялись перед Нахидами, но за старательно безэмоциональным выражением отцовских черт сквозило отчаяние, которого Дара не узнавал. У него самого сердце колотилось так сильно, что отдавалось в ушах, смущая его еще более, потому как он знал, что целители тоже это чувствуют.

Слишком перенервничав, Дара простерся ниц, даже не дойдя до трона: сразу упал на колени и прижался лбом к ковру.

Напряженную тишину нарушил смешок.

– Ближе, юный воин, – подозвал его бага Нахид. – Едва ли мы сможем разговаривать, когда ты так далеко.

Потупив взгляд, с пылающим лицом, Дара приблизился и занял подушку рядом с отцом, не понимая, что происходит. Арташ всегда был суровым, но любящим дэвом, и как командир, и как отец. Дара слушался его беспрекословно и всегда брал с него пример, поэтому терялся в догадках, вдруг видя отца согбенным в мрачном молчании.

– Оторвься от пола, юноша, дай тебя рассмотреть.

Он поднял голову. Трон сверкал на солнце и ослеплял, и Дара моргнул: благословенные Нахиды расплывались перед глазами неясными фигурами в бело-голубых регалиях, с лицами, скрытыми под вуалями. Их было пятеро: один восседал на троне, остальные – на инкрустированных драгоценными камнями креслах. Дара слышал, что Нахиды занимают трон и владеют печатью Сулеймана по очереди. Никто, кроме членов их семьи, не знал, кто из них и когда правит.

Он также слышал, что когда-то Совет состоял из тринадцати дэвов, а раньше и того больше. Шептались о разладе среди Нахид: тех, кто мирно не соглашался с их политикой, отправляли в ссылку, а тех, кто критиковал открыто, находили мертвыми. Но все это были слухи, кощунственные сплетни, к которым порядочные дэвы – такие как он – не прислушивались.

В голосе Нахида слышалась улыбка.

– Красивый юноша, – заметил он. – Ты, верно, очень горд, Арташ, что вырастил такого славного воина, которого превозносят наставники – за мастерство и за его послушание.

– В нем вся моя жизнь, – ответил отец дрогнувшим голосом.

Обеспокоенный, Дара украдкой взглянул на отца и с удивлением обнаружил, что тот безоружен, а железный нож, который отец носил за поясом, исчез. В жилах зазмеился страх. Как его выдающийся отец оказался в такой ситуации?

– Хорошо. – Резкий голос бага Нахида вернул Дару к действительности. – Потому что такой воин нам как раз необходим для одной крайне важной миссии. Она будет нелегкой, но, возможно, самой решающей за очень долгое время. – Он посмотрел на Дару поверх вуали: – Мы верим, что нам нужен ты.

Пораженный таким заявлением, Дара чуть не нарушил протокол, разинув рот, чтобы возразить. Тут точно затесалась какая-то ошибка. Он был мастером своего дела, но несовершеннолетним – до его первой четверти века оставалось еще добрых несколько лет. К Афшинам всегда предъявлялись самые высокие требования, особенно когда дело касалось подготовки молодого поколения. Воинов не выпускали на поле боя до достижения совершеннолетия – о том, чтобы возглавить поход, не могло идти и речи.

Но он не смел поставить приказ Нахида под сомнение: верный Афшин всегда повиновался, – поэтому Дара ответил единственное, что мог:

– Служу Нахидам.

Он помнил, как прищурился бага Нахид, а под его вуалью спряталась улыбка.

– Видишь, как просто, Аргаш? – спросил он, прежде чем снова обратить внимание на Дару. – Так вот, есть один город под названием Кви-Цзы...

Дальше – как в тумане. Мрачные предостережения о шафитах, которые обосновались в торговом тохаристанском городе, пороча его. О фанатике Зейди аль-Кахтани, который терпел сокрушительное поражение и в отчаянии замыслил так зверски попать закон Сулеймана, что это могло спровоцировать новый катаклизм. И ради спасения их народа Зейди нужно было остановить.

Приказы. Такие детальные, что Дара, который ни разу не произнес ни слова вне очереди, потрясенно ахнул и перевел взгляд на своего отца, после чего Нахиды стали пугать его рассказами о том, что может случиться, если появится новый Сулейман. Как они все лишатся магии, своего имени, своей семьи, самой своей сущности и будут вынуждены служить людям на протяжении неисчислимых веков; как его мать и младшая сестра могут пострадать в такой катастрофе.

И Дара снова ответил единственное, что он мог:

– Служу Нахидам.

Бага Нахид снова остался доволен.

– Тогда возьми шлем своего отца. Он ему не понадобится. У него другая задача.

Дара подчинился безропотно. Он еще не оправился от предостережений, приказов и от осознания, что находится в присутствии таких святейших лиц, и потому не понял отчаяние в глазах отца, не разгадал, что его «задача» состояла в том, чтобы отправиться на передовую в качестве пушечного мяса.

Но он не мог этого знать, поэтому повиновался. И честно пытался следовать приказу. Он ушел на следующий день и служил Нахидам, цепляясь за их заверения, что шафиты в Кви-Цзы, кричавшие и молившие о пощаде, не были настоящими джиннами: они были захватчиками, бездушными лжецами, замышлявшими уничтожение *его* народа. *Его* семьи. По мере того как гряда трупов росла, в это становилось легче верить. Это должно было быть правдой.

Потому что если это было ложью, то Дара – чудовище и убийца.

А Дара не был чудовищем. Чудовищами были ифриты, вероломный Зейди аль-Кахтани, который убил командира своего гарнизона и натравил орды шафитов на мирных дэвов. Дара был хорошим дэвом, хорошим сыном, который обязательно вернется к любящим родителям и будет шутить со своей младшей сестрой, когда они сядут ужинать. Добропорядочный юноша, которым любой мог бы гордиться.

Он всего лишь выполнял приказ.

Но в исполнении одного приказа Дара потерпел неудачу. Ему было велено никого не оставлять в живых. Нахиды говорили на языке целителей, объясняя ему, что зараза не должна распространиться. Но выслушав их рассказы о жесточайшем способе вычислить тех, в ком течет человеческая кровь – с помощью плети, которая прирастет к нему до конца его дней, – Дара прекрасно понимал, кто из женщин и детей не был шафитом. Выжившие обливались слезами, голосили по своим мужьям, сыновьям, отцам. Они не были бездушными лжецами,

и когда его солдаты заперли ворота Кви-Цзы и подожгли город, Дара не смог заставить себя оставить их внутри. Вместо этого он привез их с собой в Дэвабад.

И они по праву, по всей справедливости, сообщили миру, что он чудовище.

Совет Нахид пришел в ярость, потому что у них отняли возможность рассказать эту историю так, как хотели они. Дара находился дома всего неделю – и мать всю неделю не могла смотреть ему в глаза, – когда было принято решение изгнать его. Бичевание Кви-Цзы должно было положить конец войне, но вместо этого привело к обратному результату: толкнуло уцелевшие кланы тохаристанцев под крыло Зейди аль-Кахтани, на чью сторону уже переметнулись Аяанле и Сахрейн. Агниванши ушли тоже, их торговцы и ученые тихо исчезали друг за другом, и дэвы остались одни в своем городе, медленно умирающем от голода, бок о бок с тысячами шафитов, которых обрекли жить в нищете.

А пять лет спустя после того, как Дара сжег их город и убил их семьи, тохаристанцы – скорее всего, во главе с теми выжившими, которых он пощадил, – вошли в город с войском Зейди аль-Кахтани. Они перевернули сектор дэвов вверх дном. Они рыскали по улицам, пока не нашли дом его семьи.

Они совершили свое возмездие, и теперь это будет преследовать Дару во всех его воспоминаниях...

Громкие голоса в дальнем конце зала донеслись до его слуха, выводя Дару из воспоминаний.

– ...если джинны хотят возвращения своих соплеменников, они могут прийти *к мне* и сдаться, – говорила Манижа на повышенных от гнева тонах. – Великий храм не имел права вмешиваться!

– Они боятся тебя, – взмолился знакомый голос. – Бану Манижа, они в ужасе. Каких только слухов мне не понарасказывали... Мол, твой Афшин пьет кровь и пожирает сердца своих врагов. А всех, кто тебе препятствует, ты отдаешь в рабство ифритам!

Дара поморщился от слов Картира, верховного жреца дэвов, отсюда он видел его остроконечный лазурный колпак и малиновую мантию. Дара подошел ближе, держась вне поля зрения. До взятия города он бы никогда и не помыслил так откровенно шпионить за бану Нахидой. Но Манижа продемонстрировала, что, по меньшей мере, один из ее секретов – яд, отравивший Гезири, – нес смертельную опасность, и хотя Дара по-прежнему верил, что служит на благо их народа, было бы лучше не оставаться в полном неведении.

– Вот если бы они сразу пришли ко мне, то убедились бы, что все это полная чушь. – Манижа сидела на троне, в платье цвета золота и индиго, ее чадра невесомыми складками свисала с кос, заплетенных в венки. Каве, по обыкновению, стоял возле нее и с беспокойством следил за разговором.

– Они к тебе не придут. Особенно после того, что случилось с Гезири. Этот яд был ударом ниже пояса, госпожа. Говорят, что магия исчезла из-за того, что ты извратила свой целительный дар и Создатель покарал тебя.

Манижа приосанилась:

– В это верят и первосвященники? И что же, ты заламывал руки, когда встречался с джиннами и науськивал против меня наш народ в храме, который построили *мои* предки? Тебе стоит вспомнить, что наша вера прославляет мою семью – это *мы* должны вести *вас*, а не наоборот.

– Вы должны выполнять роль наместников, – поправил Картир, и Дара не мог не восхищаться его мужеством, хотя его слова усилили беспокойство, росшее в его душе. – Нахидам было вверено заботиться об этом городе и его жителях, обо всех. Это ответственность, бану Нахида. А не привилегия. Молю тебя, отрекись от насилия. Отпусти джиннов, которых держат в заложниках во дворце, домой.

Ответил Каве, возможно, заметив ярость, полыхающую в глазах Манижи:

– Это невозможно, Картир, и, при всем уважении, это не твоя юрисдикция. Это политика. Заложников держат все, и прямо сейчас это один из наших главнейших козырей.

– Так правил Гасан, – упрекнул его Картир. Он пересек комнату и занялся одной из огненных купелей, заменив почти догоревшие благовония свежим кедром. Он говорил тихо, но Дара прекрасно расслышал его следующие слова, ибо они копьём пронзили его сердце. – Так правил и последний Совет Нахид... пока не потерял поддержку своего народа.

– Святотатство, – процедил Каве с неподдельным гневом на лице. Не было более верного способа стряхнуть с Каве весь его политический прагматизм, чем обидеть женщину, которую он любил. И это все больше и больше беспокоило Дару – Маниже не нужны были советники, которые говорили только то, что она хотела услышать. – Последний Совет Нахид не потерял поддержку народа – они были убиты горсткой пескоплавов, помешанных на своих грязнокровках.

«Нет, – хотел сказать Дара, с болью в сердце вспоминая Кви-Цзы. – Они сбились с пути, а мы слишком поздно это заметили».

– Грязнокровки, – повторил Картир, глядя на огненную купель. – Они не наши, вы знали об этом?

Манижа продолжала испепелять его взглядом:

– О чем ты?

– Огненные купели. Не мы их изобрели. Люди. Если приехать в южный Дэвастан, можно найти их останки в зданиях, которые похожи на наши, но построены задолго до того, как был возведен этот город. Люди использовали их в своих ритуалах. Наши храмы огня, наши дома, наша еда, даже крой наших одежд. – Картир обернулся, находя взглядом Каве. – Твой титул, старший визирь. Наша система правления. Или вы думаете, что наши предки до Сулеймана строили величественные дворцы из глинобитного кирпича и обсуждали финансовую политику, когда жили на семи ветрах и питались лесными пожарами? Мы обязаны людям своим выживанием. Мы переняли у них всю нашу цивилизацию, а теперь ведем себя так, будто самая несмысливаемая грязь в нашем мире – это капля их крови.

Манижа покачала головой:

– То, о чем ты говоришь, произошло тысячи лет назад. Это уже не имеет значения.

– Разве нет? Большую часть жизни я думал так же. Учил тому же. Однако теперь я задумываюсь: почему мы ничему не научились у самой Анахид? Разве она не построила город, дворец и храм, вдохновившись человеческой архитектурой, и не наполнила их человеческими новшествами? Разве самый близкий ее спутник – не человеческий пророк? – Он подошел ближе к трону. – Анахид впитала все, чему могло ее научить человечество, и построила столицу не только для дэвов, но для всех. И я боюсь, это наследие и этот долг теперь забыты нашим племенем, отгородившимся от мира, который столько дал нам.

Каве смотрел на него с нескрываемым скептицизмом.

– Ты слишком долго общался с бану Нары.

Жрец покраснел.

– Изначально я не соглашался с ее идеями, но, посетив больницу, я увидел собственными глазами, как дэвы, джинны и шафиты заботятся друг о друге.

– Это было до или после того, как шафиты напали на процессию в честь Навасатема? – поддел Каве. – До или после того, как грязнокровки, которым она помогала, ответили на доброту покушением на ее убийство и убийство моего сына? Читал ли ты эту проповедь сотне убитых дэвов во время их последнего молебна? Читал ли ты ее Низрин?

– Каве. – Манижа положила руку ему на запястье, а потом перевела взгляд на жреца, уже скорее устало, чем гневно. – Картир, мне известно, что моя дочь может быть очень убедитель-

ной, но я бы не советовала тебе прислушиваться к ее мнению о шафитах. Она слишком долго находилась под влиянием Гезири и людей и не знает, о чем говорит.

– Я в это не верю, – оскорбился Картир. – Я хорошо знаю бану Нари. У нее своя голова на плечах...

– Голова на плечах довела ее до государственной измены, – парировала Манижа. – Не стоит руководствоваться ее взглядами в вопросах нашего духовного курса.

Жрец побледнел:

– Измена? Но ты говорила, Ализейд...

– Я лгала. Правда в том, что Нари отдала Ализейду печать, а затем бежала с ним. Я хочу вернуть ее и считаю, что будет лучше, если факт ее предательства пока останется между нами. – Мягким голосом Манижа продолжала: – Женщинам трудно восстановить опороченную репутацию. Я не хочу, чтобы наше племя навсегда отвернулось от нее только потому, что она ненадолго потеряла голову из-за какого-то златоустого принца.

Картир покачнулся на пятках. Вид у него был ошеломленный.

– Ты же не намекаешь... – Он смолк и залился румянцем. – Я в это не верю.

Дара почувствовал, будто ковер выдернули у него из-под ног. К чему конкретно клонила Манижа?

И тут он вновь увидел Нари: то, как она стояла между ним и братьями Кахтани, сверкая глазами, когда обрушила потолок на голову Дары. То, как повалила Дару на землю, чтобы помешать Визарешу поработить принца джиннов. Ту привязанность к принцу, которую сам Дара использовал шесть лет назад, когда приставил клинок к горлу Ализейда, добиваясь послушания Нари.

Дара не смог бы выразить словами охватившее его чувство. Это не были ни ревность, ни сожаление. Он разгадал намеки Манижи на то, что поступки ее дочери были продиктованы отнюдь не дружескими чувствами. Он также знал, что давным-давно потерял право копошиться в потаенных уголках сердца Нари.

Но это не означало, что он готов стоять в стороне, пока Манижа распространяет о ней губительные сплетни.

– Да будут гореть ваши огни вечно, – громко обратился он ко всем сразу, выходя из-за колонн с таким видом, как будто только что прибыл. – Я что-то пропустил?

– Вовсе нет, – спокойно ответила Манижа, как будто только что не называла родную дочь изменницей и прелюбодейкой. Она улыбнулась Картиру: – Благодарю за совет. Я непременно обдумаю твои слова. Возможно, завтра я могла бы провести церемонию в честь восхода солнца и заодно встретиться с остальными жрецами и сановниками нашего племени? Понимаю, такой поворот событий шокирует и пугает, но я верю, что мы можем преодолеть все неурядицы, если объединим наши силы.

Такое прощание было фактически равносильно тому, чтобы вышвырнуть Картира за порог. Жрец заметно смутился, растеряв весь прежний запал.

– Разумеется, – пробормотал он. – Наши двери всегда открыты тебе. – Он бросил мимолетный взгляд на Дару, но промолчал и направился к выходу.

Повисла мрачная тишина. Великолепие пустого зала давило в отсутствии толпы. Манижа с непроницаемым выражением лица провожала удаляющегося жреца взглядом.

– Я хочу избавиться от него, – прозвенел в теплом воздухе ее ледяной голос.

– Это будет непросто, – предупредил Каве. – Картир долгое время занимал эту должность и пользуется большим уважением.

– Вот поэтому от него и нужно избавиться. Не хватало, чтобы он научил свою паству ереси. Уверена, многие из первосвященников куда более консервативны. Выбери любого и поставь на его место. – Она перевела взгляд на Дару: – Надеюсь, хоть у тебя хорошие новости.

Дара выдержал паузу, чтобы отложить в уме все, что ему удалось подслушать, на потом, выдать себя было бы крайне нежелательно.

– Увы, нет. Добровольцев слишком мало, а добровольцев с военными навыками – и того меньше. Хватает, чтобы держать оборону сектора дэвов, но боюсь, об организованных наступательных действиях думать пока рано. Числовое преимущество не на нашей стороне.

– Есть предложения, как это можно исправить?

– Мы могли бы повысить им оклад, – предложил он. – Мне бы не хотелось поднимать солдат на защиту своего народа посредством подкупа, но это вариант.

– Это не вариант, – покачал головой Каве. – Хотел бы я, чтобы это было так, но казначейство сейчас не может позволить такую роскошь. Чем больше мы углубляемся в финансы Гасана, тем больше находим дыр. Аяанле начали возвращать долги по налогам, но прекратили, когда была изгнана королева Хацет. Казна перерасходовала бюджет в надежде восполнить трату за время Навасатема, но без этих средств финансов осталось очень мало. У нас еле хватает на компенсации знатным семьям дэвов, чьи земли и урожаи мы конфисковали.

– Они должны быть благодарны за возможность сыграть свою роль в истории, – возразила Манижа. – Сомневаюсь, что при Гасане они жили припеваючи.

– Они жили лучше, чем ты можешь себе представить, – сказал Каве. – Это старейшие и богатейшие дома в городе, и они добились всего, научившись идти на компромиссы с Кахтани.

– Я так понимаю, опытные лучники, которых мне не позволено использовать в обороне города, тоже выходцы из этих семей? – хмуро спросил Дара.

– Именно. Двое уже брошены в темницу за излишне агрессивный интерес к судьбе Мунтадира.

– Так не пойдет, – твердо сказала Манижа. – Хватит с нас джиннов, которые плетут заговоры за пределами наших стен. Я не потерплю непокорности еще и со стороны своего народа. Найди на них управу.

Прежде чем Каве успел ответить, Дара насторожился. В саду раздавались звуки марша. Пока тихие и нечеткие, они стремительно становились громче.

– Держитесь позади меня.

Не тратя времени на объяснения, Дара схватил Каве за шиворот, рывком пряча его за трон, а сам повернулся к входу, заслоня собой Манижу. В следующее мгновение в его руках оказался зачарованный лук со стрелой, нацеленной в фигуру, бегущую по тропинке.

Это был слуга, дэв. Мужчина упал на колени:

– Я пытался остановить ее, госпожа, но она настояла, чтобы идти прямо к вам. Она говорит, у нее послание от дочери Гасана...

– У его дочери есть имя, – прервал грубый голос с сильным акцентом, и в зал вошел новый гость.

Дара не сразу узнал в стоявшем перед ним вооруженном воине женщину Гезири. Она была невпопад одета в мужскую одежду: черную тунику, явно снятую с плеча гвардейца, и свободные, потертые штаны. Темные косы выбивались из-под алого тюрбана, обрамляя суровое лицо. Меч и ханджар висели у нее на поясе, обнаженные мускулистые руки были покрыты шрамами.

Женщина или нет, но она выглядела способной голыми руками уложить всех его новобранцев, поэтому Дара прицелился еще более сосредоточенно.

– Стой, где стоишь.

Воительница остановилась и бросила на него откровенно оценивающий взгляд – серые глаза без восторга смерили Дару от макушки до пят.

– Ты и есть Бич? Выглядишь так, будто больше времени проводишь с расческой в руках, нежели размахивая хлыстом. – Она перевела взгляд прищуренных глаз на Манижу и скривилась: – А ты, стало быть, Нахида?

– Стало быть, – холодно отрезала Манижа. – А кто *ты* такая?

– Гонец. Ее королевское высочество, принцесса Зейнаб аль-Кахтани, возвращает ваших соплеменников. – Она сделала шаг в сторону и свистнула, подзывая кого-то в саду.

Десятки дэвов – та самая толпа, чей марш слышал Дара, – вошли в тронный зал. Одеты они также были кто во что горазд: в обноски с чужого плеча и лохмотья, испачканные застарелой кровью. Были среди них мужчины и женщины, молодые и старые, почти все раненые, с забинтованными головами и перебитыми конечностями.

– Они лежали в больнице после нападения на процессию и оказались заперты за нашей заставой, – объяснила гезирка. – За ними ухаживал наш врач.

– Ваш *врач*? – переспросила Манижа.

– Врач. Ах, да... После того как пропала твоя магия, ты, наверное, никого не можешь исцелить. Какая удача, что все эти дэвы оказались в нашем секторе, – добавила она с ухмылкой притворного сочувствия.

Манижу перекосило от ярости, и Дара внезапно поймал себя на мысли, что гезирка действительно должна благодарить судьбу за отсутствие магии у бану Нахиды.

– Каве, – проговорила Манижа тихим угрожающим голосом, переходя на дивастийский. – *Кто эта женщина?*

Каве вылупился на гезирскую воительницу с таким лицом, словно выпил прокисшего молока.

– Одна из... сподвижников Ализейда. Он приехал в сопровождении двух товарищей, варваров с севера Ам-Гезиры.

– Правда ли то, что она говорит? Помню, ты переживал, что некоторые дэвы могли остаться за воротами, но едва ли словом обмолвился об этой больнице, не говоря уже о другом враче.

– Потому что не придавал большого значения ни тому, ни другому, госпожа. Больница была детищем бану Нари, над которым она работала от скуки вместе с Ализейдом, а этот так называемый врач – шафитка. Ты же знаешь, что говорят о человеческой медицине. – Каве содрогнулся. – Она редко выходит за рамки суеверных ритуалов и отрубания конечностей.

Манижа поджала губы и продолжила на джиннском:

– Мы послали дочери Гасана письмо с требованием капитуляции. – Она обвела рукой толпу: – Не вижу здесь никого, похожего на нее.

– Принцесса Зейнаб не собирается капитулировать перед теми, кто украл у нее трон, убил отца и устроил геноцид ее племени. Ее высочество освободила дэвов не в качестве мирного жеста, а потому, что они попросили ее об этом, а принцесса милосердна к подданным своей семьи.

– У твоей принцессы искаженный взгляд на понятие милосердия, если она думает, что ее отец и дед когда-либо проявляли его к своим подданным. – Манижа снова перешла на дивастийский. – Каве, проследи, чтобы о них позаботились. Накормите их, дайте денег, исполняйте все их прихоти. Не хватало еще, чтобы они вернулись в наш сектор с разговорами о *милосердии* Кахтани. – Она повысила голос, радушно обращаясь к дэвам: – Хвала Создателю за ваше возвращение. Старший визирь поможет вам устроиться и обеспечит скорейшее воссоединение с вашими близкими.

Дара прикусил язык, не спуская с гезирки глаз, пока Каве уводил дэвов. Женщина разглядывала тронный зал нахально, словно примериваясь.

Манижа дождалась, пока они с Дарой не останутся с воительницей наедине, прежде чем снова заговорить.

– Я, кажется, ясно объяснила дочери Гасана, что случится с ее братом, если Гезири не капитулируют.

Гезирка усмехнулась:

– Но ты не предоставила никаких доказательств тому, что он все еще жив. А тысячи Гезири и шафитов под ее протекцией, как ни странно, не спешат подчиняться тем, кто замыслил их убийство. Вот почему она предлагает тебе альтернативный способ доказать чистоту своих намерений. И заодно спасти еще одного дэва.

Дара насторожился:

– Кого?

– Раненая воительница, которую мы нашли на берегу. Лучница, судя по наручам.

Лучница. *Иртемида*. Ученица Дары, которая оказалась в числе воинов, посланных им на берег, – тех, кого, как он полагал, убил Ализейд.

– А другие? – поспешно спросил Дара. Он заметил, как Манижа метнула в него недовольный взгляд, но не отступил. – Насколько серьезно она ранена?

Торжество сверкнуло в серых глазах женщины.

– Как здорово, что ты так о ней беспокоишься, Афшин, ведь сделка, которую предлагает Зейнаб, касается и тебя. – Ее внимание снова переключилось на Манижу. – Ее высочество понимает, до какой степени отчаяния нужно было прийти, чтобы заключить союз с ифритами и Бичом Кви-Цзы, ибо в здравом уме совершить такой поступок не способен никто – уж во всяком случае, не тот, кому можно доверить правление городом.

Даже без магии Дара мог поклясться, что стены зала задрожали, когда Манижа прищурилась.

– Ближе к делу, пескоплавка.

– Избавься от своих ифритов, огнепоклонница. И передай нам Афшина. Ответственность за побоище повесят на него и казнят в соответствии с законом. Потом мы вернем твою лучницу и начнем переговоры.

Душа Дары ушла в пятки. От него снова требовали взять на себя вину за решение Нахид. Манижа встала.

– Это я убила вашего короля, – заявила она, ядовито чеканя каждое слово. – И это я решила избавить город от вашего племени, и эта перспектива кажется все более заманчивой с каждой минутой, проведенной в твоём присутствии. Так и передай своей самопровозглашенной принцессе. Скажи, что, если однажды мой Афшин окажется перед ней, плакать ей придется отнюдь не от радости.

– Жаль, – ответила гезирка и снова посмотрела на Дару: – Твоя лучница так яростно тебя защищала. – С этими словами она развернулась и зашагала к двери, словно Дара и не держал ее на прицеле.

Дрожа, он опустил лук.

– Ты не отвернулась от меня.

Манижа бросила на него сердитый взгляд.

– Конечно, не отвернулась! Очень приятно узнать, насколько ты мне на самом деле доверяешь.

– Иртемида у них, – прошептал он. – Я думал, она мертва. Я думал, они все мертвы.

– Скорее всего, она и так мертва, – предупредила Манижа. – Пескоплавка прощупывала тебя, а ты и рад попасться на ее крючок.

Дара покачал головой:

– Она из моего войска. Мой долг – попытаться вернуть ее.

Манижа резко повернулась к нему:

– Еще чего. – Ее темные глаза были широко распахнуты в изумлении. – Силы Создателя, это же ловушка, причем не самая изобретательная. Они хотят разделить нас и *избавиться* от тебя. – Вероятно, она увидела протест, назревающий в его лице. – Афшин... этот вопрос не подлежит никакому обсуждению. Я вместе с тобой скорблю по этой девушке, правда, но в

секторе дэвов еще тысячи таких девушек, как Иртемида, чья жизнь окажется в опасности, если тебя убьют.

– Это неправильно, что она страдает вместо меня. Это сведет меня с ума, бану Нахида. Мне нельзя пойти за Иртемидой, нельзя пойти за Нарю...

– Прошло всего две *недели*, Дара. Будь терпелив. Дай нам время закрепить свои позиции, а джиннам – отвернуться от Нарю и Ализейда, о чем мы предупреждали. Другого пути нет. Они только и ждут, когда мы оступимся и допустим ошибку.

– Но...

– Я не помешал?

Заслышав лукавый, насмешливый голос Аэшмы, Дара мгновенно проиграл битву, которую вел со своими эмоциями. По тронному залу прокатился гром, воздух раскалился.

– Что тебе нужно? – прошипел Дара.

– Хочу избавить бану Нахиду от твоего во всех отношениях приятного общества. – Аэшма обратил свое внимание на Манижу и слегка поклонился: – Ты готова?

Манижа вздохнула:

– Да. – Она взглянула на Дару. – Я найду способ передать им доказательство жизни Мунтадира, – заверила она. – Надеюсь, это убедит принцессу пощадить Иртемиду, тем более что остальных заложников она уже отпустила – ошибка, которую я со своей стороны не допущу. Ты не будешь вступать с ними в контакт, тебе понятно?

Дара промычал что-то в знак согласия, все еще сердито поглядывая на ифрита.

– Зачем ты понадобилась Аэшме?

Блеск в глазах Манижи померк.

– Долгая история. – Она последовала было за ифритом, но затем остановилась и оглянулась на Дару: – И вот еще, Афшин?

– Да?

Манижа кивнула в направлении, в котором ушла гезирская воительница:

– Начни набирать в обучение женщин.

На это он согласился охотно:

– Будет сделано.

Дара провожал их с Аэшмой взглядом, не забывая, как Манижа ушла от ответа на его вопрос.

Что ж. Ей так нравилось хранить секреты?

Секреты были не только у нее. Одним из них Даре как раз не терпелось воспользоваться.

12

Али

– Я просто не понимаю, зачем быть такой *грубой*, – жаловался Али, ставя корзину с апельсинами рядом с мешком сушеных бобов. – Наверняка можно торговаться, не прибегая к постоянным оскорблениям.

Нари протянула ему жестянку с финиками.

– Я говорила только правду.

– Ты сказала, что в младенчестве его уронили головой вниз!

– Ты слышал, какую цену он заломил? И было бы за что! – Нарю кивнула на их новое приобретение: маленькую кособокую фелуку, которая производила такое впечатление, будто кто-то попытался принарядить увеличенную версию гребных лодочек, на которых плавают дети вдоль набережных. – Пусть радуется, что избавился от этой развалюхи. – Она сунула ему в руки коробку. – Это последние наши припасы.

Али принюхался, почувствовав запах сахара и аниса.

– Не припомню, чтобы я это покупал.

– Продавец сладостей слишком долго на меня пялился, и я помогла ему сбыть товар с рук. Смысл ее слов дошел до него не сразу.

– Это кончится тем, что мы угодим за решетку, я прав? – простонал он.

– Ты же хотел уехать из Каира. Нет лучшего стимула, чем уход от погони.

Послышался кашель: это спускался к берегу Якуб, обхватив двумя руками большую плетеную корзину.

– Целебные травы, – сипло рассказывал он, – отвары, бинты и понемногу всего, что может понадобиться, если кто-то из вас заболеет или поранится.

– В этом не было необходимости, – стала отнекиваться Нарю. – Ты и так уже много для нас сделал.

– Ради Бога, дитя мое, хоть раз не отказывайся от помощи, – возразил аптекарь, протягивая ей корзину. С нескрываемым беспокойством он посмотрел на их лодку. – Разве парус так должен выглядеть?

– Конечно. – Нарю передала корзину Али. – Ты разве не знал? Мой друг – бывалый мореход. Али, скажи Якубу, почему у паруса такой вид.

Якуб перевел вопросительный взгляд на Али.

– Он... спит, – сочинял тот, старательно строя из себя знатока.

– *Спит?*

– Да. А в плавании он... просыпается. – Али неопределенно взмахнул рукой, имитируя парус, но, судя по лицам Якуба и Нарю, развеять их сомнения не удалось.

Аптекарь повернулся к Нарю:

– Ты уверена, что не хочешь остаться?

Она вздохнула:

– Прости, друг мой. Мне бы очень хотелось, но дома нас ждут и на нас рассчитывают.

Али завозился с узлом, который пытался развязать, чувствуя, как его начинают одолевать сомнения.

Мы могли бы прожить здесь хорошую жизнь. Догадывалась ли Нарю, как ему хотелось ответить согласием? Как глубоко в сердце запала эта картина их совместного будущего, где Нарю лечит своих пациентов и Али корпит над бухгалтерией?

Но дэвабад шел прежде всего. Отцовская мантра, долг, перекрывающий им дыхание. Даже Нарю называла его домом. Отбросив сомнения, Али выпрыгнул из лодки и, загребая воду по щиколотки, присоединился к ним на берегу реки.

– Но спасибо вам за все, дядя, от самого чистого сердца, – сказал он. – Мы бы пропали без вашей помощи.

Старик выразительно моргнул, его взгляд подернуло поволокой легкой отрешенности, как это обычно бывало, когда Али подходил к нему близко.

– Всегда пожалуйста, Ахмад. – Он потряс головой, словно приводя мысли в порядок, а затем снял с плеча черную сумку. – Я прихватил кое-что еще, – добавил он, протягивая сумку Нарю.

Наря заглянула в сумку и тут же попыталась всучить ее старику обратно.

– Я не могу взять инструменты, Якуб! Они принадлежат твоей семье.

Якуб оборвал ее жестом:

– Я хочу, чтобы они находились у той, кто может ими воспользоваться. – Он улыбнулся. – Наря, дитя мое, я не знаю, откуда ты пришла. Не знаю, куда идешь. Но я видел, что ты сделала для того мальчика. Ты целительница, как ты себя ни назови.

Али видел, как Наря прикусила нижнюю губу, словно желая возразить. Но затем она крепко обняла Якуба.

– Благослови тебя Бог, мой друг. Я тоже кое-что оставила тебе на память. В лавке, в жестянке с конфетами.

– Что там? – озадаченно спросил Якуб.

Наря утерла глаза.

– Сувенир в знак моей любви. – Она оттолкнула его: – Иди. Не трать на меня целый рабочий день.

– Береги себя, – крикнул ей вслед Якуб, и Али не мог не расслышать горечи в его голосе. – *Пожалуйста.*

Мы могли бы прожить здесь хорошую жизнь. Наря протиснулась мимо, задев его плечом, и Али проглотил комок в горле.

– Что ты ему оставила?

Наря сунула ему в руки ханджар Мунтадира. Они потратили несколько камней на покупку лодки, но теперь кинжал украшал только один крошечный рубин – остальные исчезли.

– Он помог нам, и я помогла ему. Не люблю оставаться в долгу.

Али огладил рукоятку большим пальцем.

– Не все должно сводиться к сделке, Наря.

– А жаль. Так было бы проще.

Она поднялась на борт, проигнорировав поданную руку. Зная отношение Наря к эмоциям, не говоря уже о том, чтобы позволять себе ими делиться, Али только вздохнул и толкнул лодку в реку, увязая ногами в грязном дне. Забравшись на борт с помощью шеста, он взялся за весла, уходя дальше от берега.

– И что дальше? – начала Наря. – Извини меня, конечно, но мы, кажется, плывем не в ту сторону, куда планировали, а в противоположную.

– Дай мне минутку. – Али закрыл глаза и попытался воззвать к воде, плещущейся о борт лодки. Та сопротивлялась, уклоняясь от его магии.

Он разочарованно перегнулся через борт и сунул руку в воду, пропуская течение сквозь пальцы. Он почти ощущал вкус воды, запах соли и грязи на языке. «*Ну же*», – уговаривал он, представляя, как река толкает лодку.

– Твое лицо не внушает уверенности.

Али нахмурился:

– Я знаю, что делаю.

– Конечно, знаешь. У тебя же глубинные познания в области парусного режима сна. – Он открыл глаза и увидел, что Наря лениво развалилась на подушке и уже вертела в руке одну

из украденных конфет. – Тебе нужно научиться врать, а то становишься похож на испуганного голубя.

– Я не похож на испуганного...

Лодку потянуло вперед – магия маридов жадно присосалась к раздражению в его груди.

Нари наградила его торжествующей, прелестной улыбкой.

– Как мне однажды сказали, эмоции иногда помогают.

Но тут вспышка острой боли полоснула по сердцу. Али ахнул, чуть не потеряв контроль над магией.

Нари в момент оказалась рядом с ним.

– Что случилось?

Али прижал руку к груди, пытаясь отдышаться.

– Кажется, кольцу не нравится, когда я колдую с магией маридов.

– Но нам нужна их магия, чтобы добраться до Та-Нтри.

Он отмахнулся от попыток Нары дотронуться до него.

– Я знаю. Все в порядке, боль уже прошла.

Это было не совсем так, но Али не хотел рисковать, боясь, как бы Нары не начала настаивать, чтобы они задержались в Каире.

– Как скажешь, – протянула она неуверенно, зато, по крайней мере, лодка пошла быстрее. Возможно, даже слишком быстро, потому что вода ускорялась вместе с учащенным биением его сердца. – Да уж... совсем не выглядит подозрительным.

– Парус мы тоже поднимем, чтобы со стороны не казалось, будто мы несемся вверх по течению без какого-либо подспорья.

Или скорее они *попытаются* поднять парус – Али не уточнял, что весь его опыт мореходства сводился к двум неделям во время обучения в Королевской гвардии и многочасовым наблюдениям за лодочниками с Нила.

И все же он постоянно чувствовал на себе взгляд Нары, которая наблюдала за тем, как он сражается с парусом. В итоге, дважды загнав их на песчаные отмели, Али сумел развернуть парус к наветренной стороне, и они пошли на юг еще быстрее. Если бы он был один, то заплакал бы от облегчения. А так, задыхаясь и чувствуя, как все тело ломит от боли, он позволил себе свалиться с ног и распластаться на палубе.

– Похоже, у тебя все под контролем, – сухо заметила Нары.

– Не исключено, – выдохнул Али, массируя грудную клетку, потому что сердце пылало от боли, – что я недооценил, насколько это будет трудно.

– Я рада, что ты уяснил это в самом начале нашего пути. – К его губам прижалась чашка: – Пей.

Али подчинился, приподнявшись, чтобы сесть с ней рядом, все еще чувствуя головокружение. Теперь, когда они окончательно устроились, а лодка была нагружена припасами, Али осознал, насколько здесь на самом деле мало места, и его охватила паника иного рода. Он явно не учел, что *каждую* минуту *каждого* дня и ночи ему придется проводить в такой близости от Нары. Али даже не был уверен, что на палубе хватит места, чтобы улечься на ночлег.

– А теперь поешь, это тебе доктор говорит. – Она открыла жестянку с украденными пирожными и протянула ему одно. – Поверь мне, недозволенность все делает слаще.

В тот самый момент, когда Нары произнесла эти слова, ее пальцы коснулись его, и хотя Али знал, что она не могла иметь в виду ничего такого, по его телу пробежала нервная дрожь.

– В самом деле? – выдавил он из себя.

Нары подмигнула и откинулась назад, открывая сумку Якуба. Она с явным удовольствием вздохнула, а затем начала раскладывать медицинские инструменты, как будто это были драгоценные камни.

Заметив трепанационное сверло, Али, которого до сих пор подташнивало, отвернулся и продолжил жевать, глядя на реку. Они еще немного посидели в тишине, и на него снизошло редкое умиротворение. Если не считать ощущения, что грудь будто сдавило тисками, путешествие проходило очень даже приятно. Тихое покачивание лодки, плеск сверкающей воды и теплый бриз завораживали. Он доел пирожное, которое оказалось очень вкусным, как и обещала Нары, а затем перегнулся вниз, снова запуская руку в течение.

Мгновенно его охватила такая легкость, что Али в голос вздохнул, и боль в сердце поутихла, как будто к тому приложили холодный компресс. Вода заструилась вокруг запястья, очерчивая дорожки шрамов, в то время как его отражение глядело на Али из дрожащей толщи воды. Вероятно, это была лишь игра света, но его глаза выглядели странно, из привычных тепло-серых превратившись в глубокие, бездонные озера обсидиана, еще более темные, чем у Нары.

Как было бы славно искупаться. Желание уйти под воду, чтобы мир стал тих и неподвижен, когда волны сомкнутся над его головой, внезапно показалось непреодолимым. Ручейки речной воды обвилились вокруг его руки, крепко сжимая, и Али отрешенно, будто бы в полусне, отметил, что не призывал их.

– Кажется, здесь мы и очнулись.

Али вздрогнул, выходя из оцепенения. Вода утекла с его пальцев.

– Что?

Нары показала на далекий берег, где среди зарослей сорняков возвышался треснувший минарет, и по мере их приближения все отчетливее проступали руины того, что когда-то могло быть маленькой деревушкой.

– Ты что-нибудь помнишь об этом? – спросила Нары.

– Почти ничего.

Взгляд Нары был устремлен на деревню.

– Мы можем подплыть ближе?

Али кивнул и отрегулировал штурвал, направляя их к затопленному берегу.

– Думаешь, это было здесь?

– Да, – она повела плечами. – Странно: это место показалось мне таким... знакомым.

Тропинка, ведущая к реке, расположение развалин...

– Это та самая деревня, которая снилась тебе в кошмарах?

– Да, но когда я просыпаюсь, то ничего об этом не помню, – проворчала она раздосадованно, откладывая скальпель, которым только что любовалась. – Словно что-то *не позволяет* мне вспоминать, и, стоит мне открыть глаза, сон улетучивается.

– Так же как твои детские воспоминания до того, как ты попала в Каир?

Глаза Нары неуверенно заблестели.

– Да, что-то в этом роде.

– Деревня совсем недалеко от города, а внутри минарета остались подпалины, – продолжал допытываться Али. – Ты не думаешь...

– Что я была там, когда горела деревня? – Нары вся дрожала. – Возможно. Я не знаю. Не уверена, что хочу знать.

– Это может быть важно.

– Всего две недели прошло с тех пор, как яд, составленный моей матерью, у меня на глазах уничтожил весь королевский двор. Я не готова к новым скелетам из моего детства, Али. Пока нет.

Он проглотил рвущиеся наружу вопросы.

– Ладно. – Он отвернулся и продолжил крутить штурвал.

– Зато я видела шеду.

Али дернул рукой, чуть не сбиваясь с курса.

– *Что* ты видела?

– Шеду. Сразу после того, как ты потерял сознание. Налетела песчаная буря, и из нее появился он... Все произошло так быстро, я до сих пор не уверена, что мне это не привиделось. Он посмотрел на меня, посмотрел... *сквозь* меня, как будто остался разочарован, а потом исчез.

Али не знал, как реагировать.

– Я думал, шеду давно не существует. Честно говоря, я подозревал, что они изначально были не более чем легендой.

– Именно так я раньше думала о джиннах.

Именно так я раньше думал о маридах. Али решил, что хотел бы избежать столкновения с еще одной ожившей легендой – во всяком случае, пока не подготовится к встрече должным образом.

– Надеюсь, библиотека в Шефале и впрямь настолько обширна, как описывала моя мать. Нам с тобой предстоит провести там немало времени.

– Странно, что ты не знаешь наверняка. Я думала, ты не давал матери прохода, докучая ей просьбами побольше рассказать о такой прекрасной библиотеке.

Али почувствовал укол сожаления.

– В детстве я избегал слушать рассказы о Та-Нтри, – признался Али. – Попав в Цитадель, я понял, что находить общий язык с другими Гезири легче, когда забываешь о своих корнях Аяанле. Это облегчило и взаимопонимание с отцом. – Он вытер ладони о колени. – В конечном итоге, это не имело значения. Все равно он умер, считая меня предателем.

– Ты поступил правильно, – заявила Нари с неожиданной горячностью в голосе. – Твоего отца нужно было остановить.

– Я знаю...

И он действительно знал: поступок отца мог лишить жизни сотни невинных шафитов, если бы Али не захватил Цитадель. Но легче на душе от этого не становилось. Не перед кем извиняться, нечего объяснять, ни малейшего шанса все исправить. Гасан был мертв, и он оставил Дэвабад так же безжалостно, как им правил. Али молился, чтобы Всевышний проявил к его отцу больше милосердия, чем проявлял Гасан к своим подданным. В смерти Мунтадира Али утешало, по крайней мере, то, что его брат погиб героем и что у них была возможность попрощаться.

Все в порядке, ахи. Мы в порядке. Али приготовился к свежей вспышке горя, к когтистому зверю, который рвался из его груди всякий раз, когда он думал о Мунтадире, но сейчас у него не перехватило дыхания. Али больше не отсиживался в Каире, беспомощно заламывая руки, – он сделал первый шаг на своем пути к возмездию за брата и освобождению их народа, и даже его разбитое сердце это почувствовало.

Он вздохнул и повернулся к Нари. Та уже не смотрела на него. Устроившись на подушке, она увлеченно начищала свои новые медицинские инструменты и со счастливым видом любовалась результатом. Она сняла платок, и ее черные кудри густым ореолом спадали до самого пояса.

От этого зрелища у Али перехватило дыхание. Пышные одеяния, которые она носила в статусе будущей королевы Дэвабада, были ей ни к чему. Сейчас, сплавляясь по Нилу в блеклом, старом платье, в лучах яркого египетского солнца, держа в руках опасные медицинские инструменты, Нари вся светилась. Чего бы ни отдал Али, чтобы запустить пальцы в ее волосы, притянуть к себе...

Как тебе не стыдно. Только она расположилась поудобнее, как ты предаешь ее доверие и пялишься на нее? Али опустил взгляд, горячее от стыда. Это его подруга – вдова его брата, – а он вот так о ней фантазирует!

Капелька воды выступила у него на лбу, испытывая его самообладание. Али мог сколько угодно опускать очи долу, в этом у него был большой опыт.

А вот в борьбе с колющими, режущими и абсолютно безответственными сердечными порывами опыта у него не было совершенно. Просто раньше Али не испытывал ни к кому таких чувств – он даже не мог сказать, *что* это за чувства. Этот... *клубок* нежности и томления, первобытного ужаса и долгожданного света, уверенности, что он с радостью провел бы остаток жизни, лишь изредка задевая ее руку своей, пока они вместе читают книги и спорят о кухнях в каирских руинах, и чувства, будто он падает с обрыва всякий раз, стоит ей улыбнуться... Али не знал, как с этим бороться.

Не знал, хочет ли бороться.

Ты превращаешься во влюбленного дурака, как тебе и предсказывали все вокруг. Но у Али на это не было времени. Им предстояло очень долгое путешествие на *очень* тесной лодке, а потом их ждала война.

– Пирожное не понравилось?

Али резко вскинул голову:

– Что?

– У тебя такой вид, будто тебя сейчас вырвет. – Нар, нахмурившись, отложила инструменты в сторону. – Так и знала, что не стоит увлекаться этой непонятной водяной магией. Если хочешь, я тебя осмотрю?

«Да!» – возликовала часть его, взбудораженная мыслью о ее руках на его теле.

– Нет, – сразу ответил Али, проклиная все, связанное с любовью. – Я просто задумался... Ты хотела, чтобы я рассказал тебе о маридах, – выпалил он. – О секретах, которые я хранил от тебя.

Радостное удивление осветило лицо Нар.

– Я думала, из тебя все придется клещами вытягивать.

О боже. Али нередко приходилось жалеть о сказанном, но чтобы так!

– Я же согласился, что между нами больше не будет секретов, – тихо проронил он.

– Отлично. – Нар выпрямилась, собрала инструменты и повернулась к нему с кошачьей грацией – так лев невозмутимо разглядывает пойманную антилопу. – Начнем с того, что *«маридаы ничего со мной не сделали, Нар»*, – напомнила она, неумело подражая его голосу. – *«Я просто так, без причины колдую водопады в библиотеках и посылаю лодки против течения Нила»*.

Значит, сразу к делу. Али сосредоточился.

– Маридаы что-то со мной сделали.

– Да, пожалуй, это мы уже установили. Что именно сделали?

– Честно говоря, я сам точно не знаю, – приступил он к рассказу. – Могу только сказать, что после того случая на озере я почувствовал в себе такое же сродство с водой, как и с огнем. Я ощущал ее, призывал, управлял ею. В Ам-Гезире это оказалось благословением: я находил подземные источники и водоемы, извлекал их из-под песка и озеленял Бир-Набат. Но вернувшись в Дэвабад... – Али передернуло. – Магии стало слишком много. Она набирала силу, ее становилось все труднее скрывать и контролировать. Я начал слышать голоса, видеть странные сны... Я был в ужасе, что меня поймают.

– Поймают?

– Ты же знаешь, что говорят о маридах. Мол, они демоны, трикстеры. Мать рассказывала, что в Та-Нтри они приманивают джиннов к водоемам, чтобы утопить их и высосать их кровь. Исса готов был отдать меня улемам на растерзание и объявить еретиком только за то, что я задавал о них вопросы.

– Люди часто боятся того, чего не понимают. – К счастью, Нар ничем не выдавала ни отвращения, ни испуга – ее лицо было задумчивым, как будто она пыталась разобраться в проблеме. – Марид, который в тебя вселился, ничего не говорил? Не объяснил, почему тебе дали такую власть?

Али вспомнил ту страшную ночь. Вспомнил, как марид перерыл его воспоминания, дорвавшись до самого дорогого – и *самых дорогих* – сердцу Али, а затем пытал его, заставляя смотреть на их чудовищные смерти. Как он оплел его своими щупальцами, вонзился зубами и тряс, как шелудивого пса, вырывая из объятий смерти.

Во рту у Али пересохло. Какая ирония!

– Нет, – прошептал он, только сейчас приходя к этому выводу. – Не думаю, что они специально наделили меня этим даром. Честно говоря, не думаю, что они вообще обо мне задумывались. Они увидели во мне инструмент, который могли использовать в своих целях, и сделали из меня то, что им было нужно. – Ему вспомнились рассказы Хацет о демонах, блуждающих в нтарийских водах, и воспоминания Гасана о том, каких усилий им стоило вернуть Али после одержимости маридом. – Я даже не знаю, должен ли был выжить.

Между ними повисло молчание, и когда Нарі наконец заговорила снова, ее голос звучал непривычно тихо.

– Ты прости меня, Али. Много произошло между нами той ночью, многое, за что я до сих пор злюсь. Но я понимаю, что ты не упал бы в воду, если бы не он. – Ей не нужно было произносить имя Дараявахауша – они оба обходили разговоры про Афшина стороной, будто он был горшком с «огнем Руми». – И об этом я сожалею.

– Не стоит, – пробормотал он. – Никто из нас не хотел, чтобы все так повернулось.

Их взгляды встретилась, и Али почувствовал, как сходит на «нет» напряженность между ними, ком невысказанных обид и разбитых надежд. Да, их жизнь перевернули вверх дном и пустили под откос. Но они все еще были живы.

К сожалению, у Али оставались секреты, раскрывать которые было гораздо страшнее.

– Но мне удалось кое-что выяснить уже после одержимости, – продолжал он. – То, что не мешало бы знать и тебе, потому что это поможет пролить свет на роль маридов в этой истории.

– Что?

Силы небесные, как же заставить себя это произнести? Али поправил штурвал, чтобы потянуть время. Тайна, которую он скрыл даже от матери, грозила перевернуть представление его родного племени о своей истории и истории правления его семьи.

Но чтобы двигаться вперед, нужно разобраться с тем, что пошло наперекосяк в прошлом.

– Когда я очнулся после истории с маридом, со мной сидел отец. – У Али екнуло сердце: это был один из редких в его жизни случаев, когда Гасан вел себя в первую очередь как отец, рьяно оберегающий и непривычно ласковый, когда успокаивал Али и говорил, что все будет хорошо. – Он первым предположил, что это марида в меня вселились. Я не поверил. Я сказал, что марида исчезли, что их не видели уже тысячи лет. Он ответил, что я ошибаюсь. Что марида видели – на стороне сподвижника Зейди аль-Кахтани из Аяанле в ходе вторжения в Дэвабад.

– Зейди действовал сообща с маридами? – удивилась Нарі. – Ты уверен? А то я ни о чем подобном ни разу не слышала, а ты даже не представляешь, сколько книг по истории дэвов я проглотила за последние годы.

Али иногда забывал, что, несмотря на свою сообразительность, Нарі все еще не до конца освоилась в их мире.

– Это не попало бы ни в один учебник истории, Нарі. Сколько бы наши племена ни воевали и ни ссорились, в первую очередь мы остаемся созданиями огненной крови. Предать свою кровь, использовать марида друг против друга... Это был бы вопиющий скандал. На такое мои предки не решились бы. Зейди аль-Кахтани нарушил порядок, веками царивший в нашем мире. Все должно было выглядеть как можно более... чисто и благообразно.

Нарі уставилась на него, и ее дружелюбное выражение померкло.

– Вот как.

Он тут же почувствовал, как старая пропасть – пропасть между их семьями, их народами – разверзается между ними.

– Мне жаль, – сказал он. – Я...

– Замолчи! – В голосе Нари не слышалось злобы, только усталость. – Просто замолчи.

Если мы начнем извиняться за все, что натворили друг другу наши семьи, мы навсегда останемся на этой лодке. Может, ты и забыл, но поверь мне, когда я говорю, что знаю, как прежний Совет Нахид относился к шафитам. Как многие дэвы относятся до сих пор.

Этой темы они тоже избегали.

– Твоя мать тогда сказала правду? – рискнул Али. – О том, что ты шафитка?

Ее глаза сузились.

– Да. Но сегодня мы говорим не о моих секретах. Итак, маридады помогли Зейди свергнуть Совет Нахид. Твой отец сказал что-нибудь еще?

– Немногое. Дескать, до той ночи он думал, что это всего лишь легенда, объясняющая предупреждение, которое короли Кахтани передавали своим эмирам.

– Какое предупреждение?

– Не переходить дорогу Аяанле.

– Это *предупреждение*? Я думала, что ваши племена – дружественные!

– Да... порой, – добавил Али, вспоминая регулярные перевороты, религиозные революции и неуплаты податей, которые учиняли его родственники из Та-Нтри. – Но это и не угроза. Просто тот сподвижник Зейди, Аяанле, якобы заплатил чудовищную цену за свой союз с маридадами. И теперь мы никогда не должны предавать их народ.

– Какую цену?

– Не знаю. Когда, после моего возвращения в Дэвабад, мать узнала обо мне и маридадах, она уговорила Устада Иссу помочь нам с поиском информации. Никто из них не имел и понятия о том, что маридады были замешаны в войне, и я тоже решил ничего не говорить. Так что Исса просто изучал нашу родословную в поисках связи с маридадами, в которую верила моя мать.

Нари медленно кивнула:

– Точно... Говорят, много веков назад Аяанле поклонялись маридадам, верно?

– Это ложь, – ответил Али, стараясь, чтобы голос не звучал так, будто он оправдывается. – Исса рассказывал, что давным-давно маридады обманым путем заключали с джиннами коварные пакты, вынуждая тех в обмен на богатства убивать невинных и отдавать маридадам их кровь.

– Да уж, подходящие существа на роль военных союзников. – Нари снова откинулась на подушку. – Одного я не понимаю: *зачем*? Зачем стае могущественных водяных демонов так настойчиво нас преследовать? Обманывать джиннов в Та-Нтри, свергать Совет Нахид, убивать Дару?

– Могу только догадываться, но думаю, что они передали свое священное озеро в пользование Анахид менее охотно, чем гласит легенда.

– И совершили возмездие, передав священное озеро *другой* группе огненных джиннов? – Нари застонала и ушибнула себя за переносицу. – Создатель... Каждый раз, когда мне кажется, что я докопалась до дна, я получаю очередную историю об убийствах и мести. – Она вздохнула, откидывая назад полуночно-черные локоны, упавшие ей на лицо. – Остались еще какие-нибудь жуткие семейные тайны?

Она спросила это с насмешкой, как будто не думала, что у Али припасено что-то еще столь же ужасное, а он так старательно *не* следил за движением ее пальцев по волосам, что вопрос застал его врасплох.

– Нет. То есть да. Там... в общем, там, под дворцом, есть склеп...

– Склеп?

– Да.

Нари уставилась на него:

– *Кто в этом склепе, Али?*

– Твои родственники, – тихо сказал он. – Все Нахиды, что умерли после войны.

Неподдельный шок отразился на ее лице.

– Этого не может быть. Их прах хранится в наших святилищах.

– Не знаю, чей прах сейчас находится в ваших святилищах, но я сам видел их тела.

– Силы Создателя... но *зачем?* Зачем твоя семья хранит тела моих предков в каком-то подземном склепе?

– Не знаю, – ответил Али. – Мне показалось, этим давно никто не занимается. Склеп выглядит древним, а о ранних Нахидах ходят самые разные слухи. Легенды гласят, что они могут воскрешать мертвых, переселяться в другие тела. Может... – От стыда ему стало жарко. – Может, моим предкам так было спокойнее.

Нари сердито зыркнула на него:

– Ах, как я за них рада.

Али опустил взгляд. Сейчас все станет намного хуже.

– Нары, это не все, что было в склепе. Не знаю откуда. Не знаю зачем... Но реликт Дара-явахауша тоже находится там.

Она села так быстро, что лодка закачалась.

– Повтори!

– Его реликт, – послушно повторил Али, чувствуя тошноту. – Мы считаем, что это его реликт, потому что он древний. Если это действительно так, то, вероятно, этот реликт был на нем, когда его убили во время войны.

– Ты имеешь в виду, когда его поработили ифриты, – холодно поправила она. – Значит ли это, что его выдали Кахтани?

Он беспомощно посмотрел на нее.

– Я не знаю. Это было за много веков до того, как мы родились. Отец ничего не знал. Дед мой, скорее всего, не знал. Я никому не ищу оправданий, просто я не могу дать тебе объяснений, которых у меня нет.

Нари в гневе рухнула обратно на подушку.

– Ты знаешь, как долго он пробыл в рабстве, Али? Хоть представляешь, как отреагирует *Манижа*, если узнает, что ее брат и ее родители гниют в подземельях дворца?

Али попытался хоть как-то ее обнадежить:

– Склеп хорошо спрятан. Может, они его не найдут?

– Хорошо спрятан... – Она раздраженно застонала. – Али... что, если это выше наших сил?

– О чем ты?

– О том, что Дара и Зейди аль-Кахтани были опытными военачальниками. Манижа считается самой могущественной Нахидой за последние столетия. Мои предки, твой отец, они царствовали над десятками тысяч и руководили правительствами. И все равно им не удалось исправить... вот это все. Что бы они ни делали, это лишь приводило к еще большему насилию. Если они не смогли установить, то как, во имя всего святого, сможем мы с тобой?

Али пожалел, что у него нет для нее ответа.

– Не знаю, Нары. Не думаю, что исправить это будет легко. Возможно, это займет всю жизнь. Возможно, мы даже не доживем до этого мирного времени.

– Это и есть твоя вдохновляющая речь? – Али не ответил, и Нары помрачнела. – Тогда сделай мне одолжение.

– Какое?

– Научись лгать к тому времени, как мы доберемся до Та-Нтри.

13

Дара

Обещание, данное Маниже насчет Иртемиды, не продержалось и дня.

Дара осмотрел свой сундук с оружием, выбрал оттуда ножи и меч и надежно закрепил их на поясе. За ними последовал лук и колчан стрел. Дара всегда мог наколдовать дополнительное оружие, но, памятуя, что собирается сигануть прямо в ловушку, предназначенную для того, чтобы убить его, он решил принять дополнительные меры предосторожности.

Да, не отказывай же Маниже в удовольствии прикончить тебя самой, когда она узнает, что ты ослушался ее прямого приказа.

Но он не бросит Иртемиду один на один со своими врагами. Только не Иртемиду, бойкую деревенскую девушку, из которой он воспитал талантливую лучницу – девушку, так напомним ему о младшей сестре, которую он так и не смог спасти. Но у Дары был припасен в рукаве один козырь, о котором не знала даже Манижа, не говоря уже о каких-то жалких пескоплавах и грязнокровках.

Старая магия дэвов – магия ветра.

Дара не прибежал к ней с ночи накануне Навасатема, когда, став бесплотным, он летал над ледяными горами и холодными озерами северного Дэвастана. Во-первых, у него не было ни одной свободной минуты с тех пор, как они захватили дворец – революция, как выяснилось, отнимала много времени. Но, более того, Дара боялся соблазна. Магия ветра опьяняла, дарила восхитительное избавление от окружающего безумия, и это избавление влекло почти так же сильно, как и его долг перед своим народом.

Но сегодня с ее помощью он убьет сразу двух зайцев.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, как вызывать магию, а затем он исчез: испарился с балкона своей маленькой комнаты, оставив после себя вихрь сухих листьев. В следующее мгновение весь город уже простирался под ним, вокруг него, стал частью его самого.

И будь у него легкие, Дара задохнулся бы от миазмов гнили, которыми напитался остров. Все вокруг потускнело, словно он нырнул в грязный омут. Это было совсем не похоже на его предыдущий полет, когда он ощущал токи воздуха, плавкую энергию теплой земли и жизнь в меняющих, таинственных водах.

Он летел дальше, по темному и неподвижному Дэвабаду. Его ночная жизнь запомнилась Даре более оживленной, но, видимо, там, где царят междоусобицы, улицы пустеют в тот момент, когда по городу начинают ползти тени, если кто-то вообще отваживается выходить из домов. Вдалеке виднелась сверкающая пустыня по ту сторону завесы, яркая от звездного света и жизни.

«Дэвабад болен», – осознал он, и страх еще глубже проник в его душу. Остров с озером выделялись на местности, как нарыв, разбитые и умирающие, будто они лишились жизненно важного органа и теперь обречены на смерть. Печати Сулеймана – как иначе.

Силы Создателя, Нары, пожалуйста, будь жива. Пожалуйста, верни кольцо. Дара не мог представить, как Нары и нынешний владелец печати Сулеймана могут вернуться в Дэвабад, чтобы это не закончилось смертью одного из них, но внезапно ему стала кристально ясна истинная цена их победы. Они разрушили этот мир, и теперь их дом, дом десятков тысяч джиннов, умирал.

Как ни ужасна была эта мысль, этой ночью Дара не мог спасти Дэвабад. Но он мог спасти жизнь той, кто доверял ему.

Воссоздав в памяти образ больницы, Дара очутился там мгновение спустя и, покружив, приземлился на крышу, легкий, как птица. Неуловимо ощущая камень там, где должны были

быть его стопы, он взглянул вниз, но не увидел своих ног. Это дезориентировало. Вернувшись в материальную оболочку, он укрылся в тени и подполз к краю крыши.

Его охватила ностальгия. Больница выглядела совсем по-другому, но скелет старого учреждения узнавался до сих пор. В юности Дара, как и большинство кадетов, проводил здесь немало времени, и его захлестнули воспоминания о Нахидах-целителях в масках и фартуках, которые вливали ему в глотку мерзкие на вкус зелья и сращивали сломанные кости.

Но сегодня здесь было тихо, только ветер шелестел в кронах деревьев. Сад окружала сводчатая галерея, в восточном углу которой он заметил мерцание огня за светлыми кирпичами.

Это ловушка. Об этом кричала каждая провокационная, издевательская фраза, звучащая из уст гезирки. Джинны хотели его смерти. Умный Афшин не пошел бы на такой риск – нельзя жертвовать всем ради спасения одной-единственной жизни. До недавнего времени Дара и сам проявил бы такое же хладнокровие в своих расчетах.

Но была и другая часть уравнения, заслуживающая внимания:

Им никогда не удавалось его обставить.

Дара бывал убит лишь дважды: ифритами, поработившими его, а затем Ализейдом и его хозяевами, маридами, – демонами, которые сейчас не имели над ним власти. И это произошло до того, как в нем пробудились невероятные способности настоящего дэва. Внизу не было никого, кроме обычных джиннов-солдат и слуг-шафитов. Ловушка или нет, им не под силу тягаться с Дарой.

Дара снова исчез, принимая нематериальную форму, но удерживать ее становилось тяжело – несвоевременное напоминание о том, что его магия и сила были исчерпаемы, как бы ему ни хотелось верить в обратное. Соскользнув с крыши, он юркнул в темноту больницы. Он не мог оставаться полностью незамеченным: несмотря на его невидимость, занавески дрожали, когда он проносился мимо, а факелы в его присутствии вспыхивали ярким диким цветком. Вскоре стало ясно, что больница не спит. По коридору прошла, зевая, служанка-шафитка с охапкой белья в руках, а за дверями слышались приглушенные голоса. Еще дальше кто-то стонал от боли, хныкал ребенок.

Он облетел следующий угол и застыл. Двое Гезири стояли навтыжку у закрытой двери, из-под которой сочился свет. На привратниках не было формы, и один из них, казалось, едва вышел из детского возраста, но старший мужчина имел при себе зультфикар, а младший – обычный меч, и их выправка указывала на военную подготовку.

Дара прикинул свои шансы. В трех направлениях отсюда расходились коридоры, по которым любой вскрик разнесется в момент, оповещая остальную часть больницы. Но он не был уверен, что сможет проскользнуть мимо в таком виде. Джинны могли не знать пределов его способностей, но о его огненной форме и озере, восставшем, подобно чудовищу, наверняка успели разлететься самые дикие сплетни. Вероятно, они насторожатся из-за малейшего намека на магию, поэтому он не хотел, чтобы настенные факелы рядом с охранниками полыхнули пылом и выдали его с головой.

Он потянулся к двери, изучая ее. Древесина была старой и сухой и не представляла преграды. За ней Дара ощутил пустоту воздуха, чье-то горячее присутствие и бьющееся сердце. Действуя по наитию, Дара перенесся внутрь.

Он споткнулся, падая на колени, и резко материализовался – к счастью, уже *внутри* темной комнаты. Он задыхался и выбился из сил, его магия почти иссякла – едва хватило на то, чтобы принять свой смертный облик, скрывающий огненную кожу. Может, все-таки следовало чаще допрашивать ифритов на предмет их древних способностей? Судя по рассказам, у Дары сложилось впечатление, что они могли оставаться бесформенными в течение многих лет подряд и не валиться с ног от истощения, едва вернувшись на землю.

Но это в другой раз.

Стараясь по возможности не делать лишних движений, Дара проверил, материализовалось ли вместе с ним его оружие, а затем выпрямился.

Он выдохнул с облегчением. Иртемида.

Молодая лучница спала на соломенном тюфяке, мерно дыша, в лучах лунного света, льющегося из зарешеченного окна под потолком. Рядом с ней лежал бурдюк с водой, и у нее был неопрятный вид – черные волосы спутаны и всклокочены, одежда изношена, – но ей, по крайней мере, оказывали первую помощь. Левая рука и нога были в лангетах, тело испещрено застарелыми синяками. Правую лодыжку сковала железная цепь, которая крепилась к трубе, идущей от пола до потолка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.